ЗАМѢТКИ

О СЛУЖБѢ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

Б.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1902.

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 14 Декабря 1901 г.

Недавно намъ довелось просмотрѣть важнѣйшіе литературные источники по озаглавленной службѣ и освѣжить въ памяти главнѣйшіе вопросы, которые эти источники ставятъ и такъ или иначе разрѣшаютъ.

Ниже мы намѣрены подѣлиться съ читателями наиболѣе существенными результатами нашего труда, оговариваясь заранѣе, что изложенію нашему мы можемъ придать лишь неравномѣрный и даже нѣсколько отрывочный характеръ. Обстоятельство это обусловливается тѣмъ, что далеко не всѣ вопросы поддаются одинаково полному и обстоятельному разбору и, сверхъ того, многіе изъ нихъ имѣютъ совершенно различную степень практическаго значенія.

Мы постараемся держаться возможно ближе къ этому послѣднему и разсчитываемъ, что посильное освѣженіе вопросовъ озаглавленной службы, вообще весьма рѣдко появляющихся въ литературѣ, во всякомъ случаѣ не будетъ поставлено намъ въ укоръ.

Литература службы генеральнаго штаба не особливо богата. Выдающимися трудами въ этой области должно назвать: *Тьебо*, барона *Лагюра* и графа *Мольтке*. На русскомъ языкѣ, помимо исторіи русскаго генеральнаго штаба генералъ-лейтенанта *Глиноецкаго*, представляющей лишь матеріалъ для вопросовъ службы генеральнаго штаба, существуютъ только работы по нѣкоторымъ изъ отдѣловъ этой службы. Назовемъ труды: *А. Скупаревскаго*,

подполковника *Клембовскаго* и только-что вышедшую изъ печати первую часть труда полковника *Чернозубова* [1]).

I.

Всѣ источники, разсматривающіе такъ или иначе службу генеральнаго штаба, сходятся вполнѣ лишь въ одномъ изъ своихъ основныхъ положеній, а именно въ чрезвычайной важности этой службы, особливо при арміяхъ современной организаціи и современнаго состава.

Дальнѣйшія же теоретическія положенія относительно названной службы, идеалы ея и отправныя точки, служащія для построенія практическихъ отъ нея требованій, отличаются уже значи-

---

[1]) Приводимъ болѣе полный перечень нашихъ источниковъ. На *русскомъ* языкѣ: 1) «Исторія русскаго генеральнаго штаба» т. I и II, генералъ-лейтенантъ *Гилюсцкій*. 1894 г. 2) «Историческій очеркъ Николаевской академіи генеральнаго штаба», генералъ-маіоръ *Гилюсцкій*. 1882 г. 3) «О полевой службѣ генеральнаго штаба» *А. Скугаревскій*. 1885 г. 4) «Тайныя развѣдки генеральнаго штаба» подполковникъ *Клембовскій*. 1892 г. 5) «Справочная книжка для офицеровъ генеральнаго штаба» *К. В. Косинскій*. 1891 г. 6) «Русскій генеральный штабъ, составъ и служба его» *О. Максеевъ*. 1894 г. 7) «Служба генеральнаго штаба. Развѣдывательные органы арміи» т. I. «Служба въ военное время генеральнаго штаба» полковникъ *Чернозубовъ*. 1901 г.

На *французскомъ* языкѣ: 1) Manuel général du service des états-majors généraux et divisionnaires dans les armées. 1810. *Thiebault*, бывшаго начальника штаба генерала Жюно въ Португаліи. Сочиненіе это было очень распространено въ войскахъ первой имперіи. Въ воспоминаніяхъ полковника Гонневиля, назначеннаго въ 1814 г. начальникомъ штаба войскъ на Корсикѣ, о немъ говорится слѣдующее: «со дня моего назначенія, я сталъ изучать Корсику; предшествующая адъютантская служба уже ознакомила меня съ моими обязанностями; *руководство же генерала Тьебо довершило мое образованіе*». Сочиненіе считалось *руководствомъ* еще и во время Луи-Филиппа. 2) Etude sur le service d'état-major pendant les guerres du premier empire par de *Philip*. 1900 г. Прекрасный и живой очеркъ, иллюстрированный весьма поучительными примѣрами изъ избранной авторомъ эпохи. 3) Notes sur le service des Etats-majors en campagne et en temps de paix par le bar. *Lahure* (капитанъ бельгійской службы). 1875 г. Два тома около 850 стр. Весьма хорошее и обширное изслѣдованіе, но съ преобладающимъ характеромъ тактическаго руководства. 4) Notes sur le service dans les Etats-majors en campagne par André *Mariotti*. 1880. стр. 280. Полевая справочная книжка съ краткимъ введеніемъ о службѣ генеральнаго штаба. 5) Sommaire du service de l'etat-major aux armées. 1876, около 50 стр. Попытка перечня обязанностей офицера генеральнаго штаба въ полевыхъ штабахъ. 6) Le service d'etat-major. Texte et commentaire de la loi du 20 Mars 1880. 60 стр. Поясненіе закона объ организаціи французскаго генеральнаго штаба 1880 года. 7) Etude sur les etats-majors des armées etrangères suivie d'un projet de réorganisation de l'etat-major français par V. *Derrécagaix* (Cap.). 1871. 80 стр. Подго-

тельнымъ разнообразіемъ. Послѣднее обусловливается какъ элементами высшаго порядка, а именно: различіемъ времени, бытовыхъ и національныхъ особенностей различныхъ армій, такъ и данными частнаго характера, главнымъ образомъ условностью личныхъ взглядовъ и оттѣнками требованій субъективнаго свойства.

Съ цѣлью по возможности освободить наши будущія положенія и послѣдующія заключенія отъ вліянія этихъ данныхъ, мы, опуская историческую преемственность службы генеральнаго штаба и различныя, болѣе или менѣе спорныя общія опредѣленія ея сущности, обратимся непосредственно къ уясненію значенія явленія, представляющагося для разсматриваемой нами области наиболѣе важнымъ въ теченіе всей второй половины минувшаго столѣтія, а именно неудовлетворительности, прояв-

---

товительный матеріалъ для упомянутаго выше закона. 8) De l'etat-major et des différentes armes par le gen. *Ducrot*, 1871. Стр. 138 (изъ нихъ о штабахъ только 17). Также подготовительный матеріалъ для преобразованія генеральнаго штаба и арміи вообще. 9) Aide-mémoire de l'officier d'état-major en campagne-1901. Справочная книжка офиціальнаго изданія съ весьма краткимъ отдѣломъ штабной службы.

На *нѣмецкомъ* языкѣ: 1) Generalstabswissenschaft von *I. v. H.* 1865, стр. 417. Нѣсколько устарѣвшій догматическій трактатъ по вопросамъ службы генеральнаго штаба со значительнымъ добавленіемъ свѣдѣній по стратегіи, тактикѣ и администраціи. 2) Der Dienst des Generalstabes генерала *Бронзара-фонъ-Шелендорфа*. 1893, стр. 420. Справочная книга для офицеровъ германскаго генеральнаго штаба. Имѣетъ характеръ преимущественно тактическо-административный; нѣкоторыя спеціальныя указанія по службѣ генеральнаго штаба и военно-историческіе примѣры разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ книги. 3) Handbuch für Officiere des Generalstabes (mit besonderer Rücksicht auf deren Dienst im Felde). Nach Dienst-Vorschriften, Reglements, etc. von Anton *Springer*. Wien. 1894. Заключаетъ въ себѣ много справочныхъ данныхъ по организаціи и тактикѣ австро-венгерской арміи; свѣдѣній же по штабной службѣ относительно весьма мало. 4) *Moltkes* kritische Aufsätze zur Geschichte der Feldzüge von 1809, 1859, 1864, 1866 und 1870—1871. Изданіе 1899. Стр. 216. 5) *Moltkes* militärische Korrespondenz 1864—1871. Томовъ 5. Изданія офиціальныя. Всѣ письма и записки покойнаго фельдмаршала графа Мольтке, вошедшія въ эти изданія, тщательно процѣжены въ Берлинскомъ штабѣ. 6) Feldmarschall gr. Moltke. *Bigge* (Жизнеописаніе фельдмаршала графа Мольтке, составленное полковникомъ *Бигге*). 1901. Два тома, стр. 743. Заключаетъ въ себѣ много указаній относительно организаціи нѣмецкихъ штабовъ и личной дѣятельности фельдмаршала на всѣхъ служебныхъ его ступеняхъ. 7) Das grosse Hauptquartier und die deutschen Operationen im Feldzuge 1870 bis zur Schlacht von Sedan von Eduard *Friedrich* (съ атласомъ) 1901. Стр. 104. Приводитъ, между прочимъ, данныя, имѣвшіяся въ главной квартирѣ германской арміи при принятіи извѣстныхъ рѣшеній и подробную мотивировку этихъ рѣшеній. 8) Beiträge zur Geschichte des Generalstabes von Hugo *Bilinock*. Wien. 1876, стр. 171. Очеркъ исторіи генеральнаго штаба во Франціи до эпохи Наполеона I включительно.

ленной французскимъ генеральнымъ штабомъ достопамятной эпохи 1870—1871 гг.

Вслѣдъ затѣмъ, для возможно болѣе яснаго установленія мѣрила современныхъ требованій отъ офицера генеральнаго штаба, мы обратимся къ разсмотрѣнію мѣръ врачеванія, принятыхъ французскимъ военнымъ управленіемъ для искорененія возможности повторенія упомянутыхъ недостатковъ въ будущемъ и, главнымъ образомъ, къ наложенію основъ образовательной подготовки генеральнаго штаба въ важнѣйшихъ изъ западно-европейскихъ армій. Основы эти, непрерывно совершенствуемыя, и донынѣ въ значительной степени покоятся еще на выводахъ и взглядахъ, извлеченныхъ изъ опыта войны 1870—1871 годовъ.

Послѣ заключенія Версальскаго договора и нѣкотораго успокоенія страны, преобразованіе генеральнаго штаба было признано во Франціи одною изъ самыхъ настоятельныхъ военныхъ мѣръ. Для насъ представляется интереснымъ взглянуть, какими именно доводами настоятельность эта подкрѣплялась въ пониманіи современниковъ.

«Въ организаціи современныхъ армій нѣтъ элемента, обладающаго болѣе сильнымъ и обширнымъ значеніемъ, чѣмъ генеральный штабъ. Онъ одинъ приводитъ въ порядокъ и въ движеніе всѣ прочіе элементы, составляющіе силу арміи. Безъ этой важной пружины, безъ этого могущественнаго двигателя, военный механизмъ представляетъ собою лишь нестройное собраніе отдѣльныхъ частей и сцѣпленій, которыя, соединяясь и дѣйствуя безъ общей идеи, нагромождаются однѣ на другія и, если даютъ работу, то все-таки безрезультатную».

«Нельзя быть достаточно тщательнымъ въ выборѣ и постоянномъ поддержаніи въ порядкѣ всего состава этого важнаго органа. При настоящемъ положеніи дѣла, нами овладѣваетъ чувство безпокойства и сожалѣнія, когда мы видимъ, какое значительное число офицеровъ генеральнаго штаба не находится на высотѣ своего призванія».

«Изыскивая со вниманіемъ причины этого невозможнаго положенія, мы усматриваемъ ихъ двѣ: первая заключается въ *способѣ комплектованія* офицеровъ генеральнаго штаба, а вторая въ *невозможности устраненія* изъ ихъ среды *лицъ, признаваемыхъ несоотвѣтственными*».

Какъ же въ дѣйствительности комплектовались офицеры французскаго генеральнаго штаба той эпохи?

Они избирались изъ учениковъ, прошедшихъ послѣдовательно и безъ всякаго перерыва со скамьи лицеевъ (гимназій) въ Политехническую или Сенъ-Сирскую школы, а затѣмъ попадавшихъ прямо на скамью школы генеральнаго штаба. Всѣ они принадлежали къ числу хорошихъ учениковъ, но не подвергались никакому испытанію соотвѣтствія характера, любви и склонности ихъ къ избранной службѣ, физической пригодности, словомъ всей совокупности военныхъ способностей. Этого важнаго залога не было вовсе. Послѣ войны неизбѣжно пришли къ убѣжденію, что устраненіе сказанныхъ недостатковъ возможно только при комплектованіи генеральнаго штаба изъ офицеровъ, уже послужившихъ въ войскахъ, хотя бы нѣсколько испытавшихъ себя на службѣ, и при установленіи возможности избавлять генеральный штабъ отъ лицъ, становящихся непригодными по тѣмъ или инымъ причинамъ.

Трудно было требовать болѣе яснаго и категорическаго признанія современниками обнаруженной генеральнымъ штабомъ непригодности своей въ годину тяжкаго испытанія, наложеннаго на Францію несчастіями 1870 года, въ которыхъ разумѣется были виноваты, хотя и въ различной степени, едва-ли не всѣ современные дѣятели. Приведенныя нами выше подлинныя выраженія составляютъ почти дословное заключеніе офиціальной комиссіи, на которую возложено было разсмотрѣніе вопроса.

Въ настоящее время, не опасаясь неумѣстнаго и всегда столь болѣзненнаго прикосновенія къ національнымъ язвамъ, уже совсѣмъ залеченнымъ, мы можемъ пояснить значеніе приведеннаго заключенія еще нѣсколькими фактами.

Въ самомъ же началѣ войны 1870 года, все то, что относилось къ ея подготовкѣ и веденію, оказалось вовсе отсутствовавшимъ у французовъ и все это потребовалось создать въ самую минуту надобности. 22-го іюля, черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія мобилизаціи и начала военныхъ дѣйствій, начальникъ штаба Рейнской арміи предписывалъ: «во всѣхъ корпусахъ заняться *обученіемъ* производства развѣдокъ впереди фронта арміи». 23-го іюля императоръ Наполеонъ III издалъ инструкцію, которою предписывалось: 1) организовать службу желѣзныхъ дорогъ; 2) тоже относительно телеграфовъ; 3) перевозку по воднымъ путямъ; 4) реквизиціи; 5) этапныя линіи; 6) контрибуціи; 7) пути подвоза продовольствія; 8) службу курьеровъ; 9) этапныя управленія; 10) уста-

новить форму обмундированія чиновниковъ, несущихъ службу при арміи; 11) *установить порядокъ внутренней службы штабовъ* и т. д. Само собою разумѣется, что эта инструкція императора никогда не могла быть выполнена и осталась лишь мертвою буквою. Изданіе ея доказываетъ намъ только отсутствіе самой элементарной штабной подготовки мирнаго времени.

Армія при мобилизаціи была снабжена лишь картами Германіи, дѣйствія же въ собственной странѣ и первоначальная ея оборона ведены были съ ошибками, которыя могутъ быть объяснены только отсутствіемъ какъ картъ, такъ и какой бы то ни было предварительной организаціи [1]).

Къ этимъ недостаткамъ службы генеральнаго штаба присоединились въ теченіе самой войны весьма многочисленныя ошибки въ направленіи колоннъ, расположеніи передовыхъ постовъ, выполненіи развѣдокъ. Словомъ, обнаружилось съ полною очевидностью, что нормальная служба и организація французскаго генеральнаго штаба въ мирное время нисколько не подготовляли его для дѣятельности военнаго времени.

Какъ уже упомянуто, страна требовала коренныхъ преобразованій во всей военной системѣ, а на первомъ планѣ въ корпусѣ генеральнаго штаба. Нѣсколько комиссій, составленныхъ съ этою цѣлью, выработали, наконецъ, основанія, вошедшія въ законъ *20-го марта 1880 года*, служащій и до сего времени главною опорою современной организаціи французскаго генеральнаго штаба.

Содержаніе этого закона таково. Отдѣльный корпусъ офицеровъ генеральнаго штаба упраздняется. Служба же генеральнаго штаба отправляется личнымъ составомъ, комплектуемымъ изъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, имѣющихъ *патентъ* генеральнаго штаба и отправляющихъ эту службу *не болѣе* четырехъ лѣтъ кряду, съ тѣмъ, что новый призывъ къ этой службѣ можетъ послѣдовать не иначе, какъ послѣ двухлѣтняго промежутка. Офицеры, несущіе службу генеральнаго штаба, суть орудія войсковыхъ начальниковъ. Патентъ выдается по экзамену, къ которому имѣютъ право являться капитаны и штабъ-офицеры всѣхъ родовъ оружія изъ войскъ, или же окончившіе курсъ высшей военной школы и поступившіе въ нее послѣ пяти лѣтъ дѣйствительной службы (изъ нихъ три года въ строю). Офицеры, имѣющіе патенты,

---

[1]) Многочисленные примѣры неурядицъ при первоначальныхъ перевозкахъ французскихъ войскъ для сосредоточенія къ границѣ приведены у Жакмэна (Jacqmin. «Les chemins de fer pendant la guerre de 1870—1871. Изд. 1872 г.).

но не несущіе службу генеральнаго штаба, числятся въ его резервѣ и призываются на эту службу распоряженіемъ военнаго министра.

Такимъ образомъ, законъ 1880 года имѣлъ въ виду обезпечить: 1) возможную широту комплектованія генеральнаго штаба призывомъ всѣхъ элементовъ, признаваемыхъ способными къ этой службѣ; 2) возможность устранять отъ нея лицъ, признанныхъ непригодными послѣ *четырехлѣтняго* испытанія; 3) возможность комплектовать высшія должности генеральнаго штаба съ соотвѣтственно усиливаемою разборчивостью и 4) созданіе достаточно удовлетворительнаго резерва генеральнаго штаба, практически ознакомленнаго съ этою службою и продолжающаго совершенствоваться службою въ рядахъ войскъ. Для обезпеченія этихъ выгодъ, законъ пожертвовалъ особымъ мундиромъ, котораго французскій генеральный штабъ лишенъ съ того же времени.

Всмотрѣвшись внимательно въ приведенныя основы французскаго закона о генеральномъ штабѣ, мы безъ большого труда можемъ узнать въ немъ почти всѣ существенныя черты германской организаціи, прочно установленной еще до войны 1870 года, съ тѣмъ лишь различіемъ, преимущественно формальнаго свойства, что въ Германіи генеральный штабъ имѣетъ и свой мундиръ.

Такое сходство основныхъ чертъ соотвѣтствующихъ законовъ двухъ различныхъ армій представляетъ собою вполнѣ естественное явленіе. Мы убѣдимся въ этомъ еще болѣе, присоединивъ къ нашему сравненію и послѣдній по времени изданія законъ объ организаціи генеральнаго штаба въ австро-венгерской арміи [1]).

Дѣйствительно, сущность всѣхъ этихъ законовъ о генеральномъ штабѣ сводится собственно къ двумъ главнымъ основаніямъ: *комплектованію* и *порядку прохожденія службы*.

Что же касается до различія тѣхъ же законовъ, то оно обусловливается болѣе всего примѣненіемъ общихъ имъ основъ къ существующимъ въ данной арміи *организаціоннымъ* особенностямъ. Дѣйствительное же значеніе законовъ опредѣляется уже весьма разнообразнымъ способомъ практическаго ихъ примѣненія, т. е. тѣмъ, какъ именно выполняется комплектованіе и къ какимъ результатамъ приводитъ прохожденіе данной службы.

Вотъ почему французамъ, устанавливая у себя послѣ 1870 года новые порядки, пришлось сначала возможно тщательно изучить

[1]) «Organische Bestimmung für den Generalstab vom Jahre 1900». Военный Сборникъ 1900 г. № 5.

сущность порядковъ своего мощнаго сосѣда, а затѣмъ и принять ихъ въ томъ видѣ и въ такой степени, какіе признавались полезными и допускались національными особенностями.

Такъ, среди этихъ изысканій французы убѣдились, что установленная въ Германіи стройная система среднихъ военно-учебныхъ заведеній, преслѣдующихъ почти исключительно задачу образованія свѣдущихъ и практически-полезныхъ офицеровъ, находится въ самой непосредственной связи съ учебными цѣлями и постановкою курса Берлинской военной академіи.

Между тѣмъ во Франціи, при наличности всего трехъ военно-учебныхъ заведеній (С.-Сирской, Авордской и Политехнической школъ) стройной системы военнаго образованія вовсе не существовало. Въ С.-Сирской школѣ теоретическое обученіе велось по программамъ нѣсколько выше германскихъ среднихъ военно-учебныхъ заведеній, но за то практическое обученіе было плохо. Научная програма Политехнической школы была весьма высока, равнялась въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ програмѣ Берлинской военной академіи (особенно по математикѣ), но за то лучшіе ученики этой школы всѣ поступали на различныя гражданскія поприща и лишь худшіе, за неимѣніемъ лучшаго выбора, вынуждены были поступать въ армію. Вслѣдствіе такого различія въ програмахъ подготовительныхъ военно-учебныхъ заведеній, высшая военная школа, существовавшая въ Парижѣ и служившая для комплектованія генеральнаго штаба, вынуждена была удерживать въ своемъ преподаваніи нѣкоторые курсы (напримѣръ математики), которые, являясь излишними для одной части слушателей, составляли затрудненіе для другой и вмѣстѣ съ тѣмъ отнимали время для прохожденія спеціально-военныхъ предметовъ. При всемъ томъ еще, содержаніе одной С.-Сирской военной школы обходилось дороже содержанія девяти военныхъ школъ въ Германіи.

Учебные планы и система воспитанія среднихъ военно-учебныхъ заведеній очевидно имѣютъ весьма важное значеніе какъ данная, качественно и количественно вліяющая на матеріалъ, комплектующій генеральный штабъ.

Степень этого значенія выражается наиболѣе наглядно уровнемъ требованій, устанавливаемыхъ для пріемныхъ испытаній въ высшія школы (академіи), служащія непосредственно для подготовки къ службѣ въ генеральномъ штабѣ.

Наиболѣе полныя свѣдѣнія о такихъ требованіяхъ имѣются въ литературѣ по отношенію къ порядкамъ Берлинской военной

академіи [1]). Это обстоятельство объясняется, какъ особливо тщательною разработкою плана преподаванія въ ней и въ германскихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ вообще, такъ и существованіемъ особливой отрасли частнаго преподаванія, посвященной подготовкѣ къ поступленію въ названную академію.

Вслѣдствіе сего мы обратимся сначала къ германскимъ даннымъ. Эти послѣднія, ежегодно освѣжаемыя и нѣсколько совершенствуемыя, разработаны, однако, въ существенныхъ своихъ чертахъ еще до войны 1870—1871 гг. Посему, хотя мы излагаемъ ихъ въ видѣ возможно болѣе для насъ современномъ, но не отдаляемся при этомъ существенно отъ того положенія, которое имѣли въ виду французы при соотвѣтствующихъ своихъ преобразованіяхъ послѣ упомянутой войны.

По объему своему, програма наукъ для пріема въ Берлинскую военную академію не выше програмы преподаванія среднихъ учебныхъ заведеній. Желающій поступить въ академію долженъ доказать на пріемныхъ испытаніяхъ, что положительныя его знанія не ниже этой програмы, но что при этомъ онъ пріобрѣлъ уже достаточную способность къ размышленію и сужденію, совершенно необходимую для пониманія и послѣдовательнаго усвоенія академическихъ курсовъ. Такимъ образомъ, *поступленіе въ академію обусловлено не столько количествомъ знаній, сколько качественною стороною ихъ усвоенія.* Существующее положеніе опредѣляетъ, что вступительныя испытанія отнюдь не должны являться лишь свидѣтельствомъ прилежанія и хорошей памяти, но должны доставлять конкурирующимъ на поступленіе офицерамъ возможность показать силу ихъ умственнаго развитія посредствомъ яснаго и искуснаго изложенія и логическаго сочетанія своихъ мыслей въ тѣхъ предѣлахъ знаній, какіе установлены програмою. Каждый изъ желающихъ поступить въ академію долженъ примириться съ мыслью, что поступленіе его возможно лишь при условіи, если онъ докажетъ, что способности его и трудолюбіе стоятъ выше средняго уровня. Посему *всѣ необходимыя подготовительныя знанія должны быть* не только усвоены, но и *умственно переработаны рядомъ соотвѣтствующихъ упражненій, преимущественно письменныхъ.* Въ этихъ видахъ, поступительныя *испы-*

---

[1]) «L academie de guerre de Berlin». Paris. 1877. *Kuhn.* «Die Aufnahme prüfung». Berlin. 1894. А. Агапѣевъ. «Пріемныя испытанія въ Берлинскую военную академію и прохожденіе ея курса». Военный Сборникъ 1900 г. № 7, стр. 134—156.

танія состоятъ исключительно изъ письменнаго рѣшенія задачъ. Въ оцѣнкѣ же послѣднихъ принимается во вниманіе умѣніе дѣлового изложенія, соотвѣтственнаго развитія главной темы и деталей, отсутствіе общихъ мѣстъ и пустого многорѣчія.

Подготовка къ испытаніямъ для поступленія въ академію не даетъ права на освобожденіе отъ служебныхъ обязанностей и должна быть выполняема въ свободное отъ службы время, что служитъ испытаніемъ силы воли и энергіи офицера, обязаннаго предаваться умственной работѣ послѣ утомленія, вызываемаго ежедневными служебными занятіями.

Официальныя програмы и наставленія ежегодно освѣжаются и разсылаются къ 1-му октября въ корпусные штабы, въ которыхъ, подъ наблюденіемъ начальника штаба, пишутся отвѣты на темы, доставляемыя военною академіею. Отвѣты эти (безъ всякой переписки ихъ на бѣло) отсылаются затѣмъ для оцѣнки въ академію, которая сама вызываетъ офицеровъ, признанныхъ ею достойными поступленія.

Нижеслѣдующее краткое содержаніе испытательныхъ требованій въ научномъ отношеніи еще ближе раскроетъ передъ нами тѣ именно стороны умственнаго развитія, которыя почитаются въ Германіи за лучшее выраженіе пригодности для дальнѣйшей подготовки къ службѣ генеральнаго штаба.

Главною частью всей испытательной програмы считается, такъ называемая, *формальная тактика* или теорія уставовъ. Она требуетъ возможно лучшаго усвоенія всѣхъ основныхъ началъ тактическихъ инструкцій, уставовъ и наставленія для стрѣльбы. Отвѣтъ на уставную тему долженъ обнаружить, помимо знаній, самостоятельность отношенія и возможно лучшую способность къ умозаключеніямъ по важнѣйшимъ вопросамъ данной области. Въ этихъ видахъ, помимо усвоенія уставовъ, рекомендуется еще и достаточное ознакомленіе съ нѣкоторыми неофиціальными сочиненіями, напримѣръ, «тактическіе примѣры» баварскаго генерала Хельвига, «тактическо-стратегическія учебныя письма» Гриппенкерля и пр. (Темы по этому отдѣлу были таковы: въ 1889 г.—передовые посты въ крѣпостной войнѣ: а) у атакующаго и б) у обороняющагося; въ 1890 г.—бой пѣхотнаго баталіона; въ 1899 г.—руководящія уставныя основанія для совокупной дѣятельности трехъ родовъ оружія послѣ удачной атаки; время для рѣшенія темъ 2—3 часа).

Требованія по *прикладной тактикѣ* непрерывно усиливаются,

что выразилось доведеніемъ состава отряда до бригады изъ трехъ родовъ оружія и рѣшеніемъ экзаменныхъ задачъ исключительно на картахъ малаго масштаба (1 : 100,000 или 1 : 200,000). И въ этомъ отдѣлѣ главное вниманіе при оцѣнкѣ обращается на способности принимать самостоятельныя рѣшенія и на ихъ основательность. Мотивировка принятаго рѣшенія служитъ главнымъ показателемъ, насколько обстановка была ясна для рѣшающаго и насколько удовлетворительно справился онъ съ главными данными мѣстности и моральнаго элемента на обѣихъ сторонахъ. Рѣшеніе шаблонное, заимствованное изъ учебниковъ, понижаетъ оцѣнку. Пособіями для подготовки по этому отдѣлу рекомендуются: сочиненія Верди-Дювернуа (особливо «Сраженіе при Кустоццѣ»), тактическо-стратегическія задачи Мольтке, Гижицкаго и пр. Время для рѣшенія задачи — 3 часа.

Въ предлагаемыхъ заданіяхъ, помимо данныхъ обстановки указывается, въ какія формы должно быть уложено рѣшеніе. Такъ напримѣръ: 1) приказаніе по бригадѣ на такое-то число; 2) записка съ изложеніемъ возможныхъ для командира бригады способовъ рѣшенія его задачи и съ указаніемъ руководящихъ основаній для принятаго имъ рѣшенія и 3) приказаніе по бригадѣ на слѣдующее число. Или, другой примѣръ: 1) какое именно рѣшеніе будетъ принято начальникомъ штаба бокового отряда и какія приказанія будутъ имъ отданы и 2) мотивы принятаго рѣшенія.

Ученіе объ оружіи (свѣдѣнія по артилеріи) требуетъ основательныхъ свѣдѣній также и обо всѣхъ введенныхъ въ употребленіе послѣднихъ усовершенствованіяхъ по артилерійской части (порохъ, бризантные снаряды, малокалиберное оружіе, скорострѣльныя орудія и пр.). Свѣдѣній о вооруженіи сосѣднихъ армій не требуется. Пособіями служатъ, сверхъ учебниковъ, ежегодникъ Лебеля, соч. Вилле и пр.

Примѣры задачъ (1892). Преимущества и невыгоды ленточнаго ружейнаго пороха по сравненію съ порохомъ образца 1871 года (1886). Какія выгоды были бы достигнуты установленіемъ одного калибра для полевой артилеріи и какимъ требованіямъ долженъ удовлетворять этотъ калибръ? Время рѣшенія—$1^1/_2$ часа.

Фортификація; соотвѣтствующія требованія ограничиваются только данными, имѣющими связь съ тактикою и современное значеніе. Крѣпость съ фронтами полигональнаго начертанія и выдвинутыми впередъ отдѣльными укрѣпленіями должна составлять главный предметъ изученія и экзаменнаго испытанія.

Примѣръ задачи (1892; время рѣшенія 1½ часа). Выяснить основанія, служащія: 1) для расположенія полевыхъ укрѣпленій, прикрывающихъ отъ покушеній небольшихъ партій непріятеля мостъ черезъ большую рѣку, служащій для тылового сообщенія арміи и 2) для выбора и фортификаціоннаго усиленія аріергардной позиціи, прикрывающей переправу арміи черезъ большую рѣку, въ томъ случаѣ, когда армія отступаетъ, будучи тѣснима непріятелемъ.

Военно-топографическія свѣдѣнія испытываются главнымъ образомъ составленіемъ описанія извѣстнаго раіона карты (германской 1 : 100,000 или французской 1 : 80,000) въ отношеніи пригодности его для опредѣленнаго тактическаго предположенія, При этомъ необходимо обнаружить знакомство съ обще-географическою связью и свойствами раіона, топографическими его особенностями, строеніемъ, системою путей, и также оро-и-гидрографическими условіями (все это въ возможной связи съ даннымъ тактическимъ заданіемъ). Особое вниманіе обращается на правильность и точность терминологіи. Въ описаніи мѣстности полагается упомянуть объ удобствѣ обозрѣнія, проходимости, вліяніи на дѣйствіе оружія, удобство закрытія, расквартированія, продовольствія и поддержанія сообщенія вообще. Свѣдѣнія же, которыя болѣе ясны изъ карты, въ описаніи отнюдь не допускаются.

Примѣръ задачи (2 часа). Свойства С.-Авольда и ближайшихъ его окрестностей: а) въ отношеніи его положенія и путей при предположеніи, что крѣпости Мецу угрожаетъ обложеніе, а освободительная германская армія должна быть сосредоточена впослѣдствіи у Фалькенберга, и б) въ отношеніи удобствъ къ оборонѣ при предположеніи наступленія превосходныхъ непріятельскихъ силъ по направленію отъ Любельна.

Черченіе; испытаніе заключается въ перечерчиваніи въ увеличенномъ масштабѣ небольшого раіона топографической карты (употребленіе цвѣтныхъ карандашей не допускается).

Общеобразовательные предметы. Исторія. Испытаніе по этому предмету заключается въ изображеніи какого-либо историческаго положенія или историческаго лица, съ поясненіемъ значенія его для современниковъ и потомства. Темы избираются изъ *одного изъ столѣтій* новой исторіи, заранѣе объявляемаго. Отвѣтомъ требуется доказать изученіе исторіи и пріобрѣтеніе основательнаго самостоятельнаго сужденія.

Географія. Также какъ и исторія, требуетъ самостоятельности изученія.

Примѣръ задачъ. Сравненіе трехъ южныхъ полуострововъ Европы (2 часа). Сравненіе обоихъ большихъ рѣчныхъ басейновъ Сѣверной Америки (2 часа). Каспійское море и его притоки (1½ часа). Кавказъ въ орографическомъ и гидрографическомъ отношеніи (1½ часа).

Французскій языкъ (или математика). Три четверти экзаменующихся записываются на этотъ языкъ и относительно лишь весьма немногіе подвергаютъ себя испытанію по французскому языку и математикѣ вмѣстѣ. Большинство обнаруживаетъ посредственное усвоеніе французскаго языка. На испытаніи требуется сдѣлать письменный переводъ съ нѣмецкаго и дать отвѣтъ изъ французской граматики.

Математика только для желающихъ.

При составленіи письменныхъ работъ не дозволяется имѣть при себѣ никакихъ пособій, за исключеніемъ словаря на экзаменѣ французскаго языка и логариѳмическихъ таблицъ на экзаменѣ математики.

Въ приведенныхъ нами вкратцѣ програмахъ экзаменныхъ испытаній обращаетъ на себя вниманіе преобладаніе требованій относительно *подготовки по военнымъ предметамъ*, преимущественно же по *уставамъ* и *тактикѣ*. Требуется основательное знакомство не только съ учебниками и подлинными уставами и наставленіями, но и съ главными *литературными источниками*, отнюдь *не исключая и самыхъ новыхъ*. Такимъ образомъ, поступающіе въ академію должны доказать, что имъ уже удалось спеціализоваться съ достаточнымъ успѣхомъ на тѣхъ именно предметахъ, которые считаются главными и на академическихъ курсахъ.

Что же касается до нѣкотораго, по сравненію съ военными предметами, ослабленія требованій общеобразовательной части програмы, то обстоятельство это объясняется *довѣріемъ къ достаточности* соотвѣтствующей *подготовки*, удостовѣренной предшествующимъ экзаменомъ при производствѣ въ офицерскій чинъ. (До поступленія въ академію требуется прослужить пять лѣтъ).

Програма вступительныхъ испытаній примыкаетъ самымъ тѣснымъ образомъ къ системѣ преподаванія и програмамъ самой военной академіи.

Трехлѣтній курсъ академіи имѣетъ цѣлью способствовать, безъ излишняго обремененія слушателей, непрерывному возбуж-

денію умственной ихъ дѣятельности и побуждать ихъ къ самостоятельнымъ работамъ. Всѣ *курсы профессіональныхъ предметовъ обязательны*. Изъ прочихъ предметовъ, каждому слушателю предоставляется избрать: или *историческіе*, или *математическіе*, или *живые языки*. Избранная область становится обязательною, за прочими же предоставляется слѣдить въ мѣрѣ возможности. Обыкновенно же слушаются всѣ предметы, кромѣ математики 2-го и 3-го курсовъ, предназначаемой лишь для будущихъ геодезистовъ.

Имѣя въ виду, что война, составляющая конечную цѣль всего преподаванія, отдаетъ преимущество факту надъ идеею, дѣйствію надъ словомъ и практикѣ надъ теоріею, все преподаваніе въ академіи направлено къ тому, чтобы возбуждать возможно сильнѣе вниманіе слушателей во время лекцій и возможно болѣе упражнять въ самодѣятельности для развитія способности къ практическому примѣненію знаній. Наиболѣе для сего удобнымъ методомъ признано *прикладное обученіе*, т. е. присоединеніе къ изложенію основныхъ теоретическихъ принциповъ возможно болѣе глубокаго изслѣдованія способовъ практическаго ихъ приложенія. Этимъ путемъ слушатель пріучается улавливать общія черты различныхъ положеній и комбинацій и выводить изъ нихъ правильныя заключенія.

Такая система, съ точки зрѣнія военныхъ требованій, обнаруживаетъ еще и то преимущество, что, при развитіи ума, развиваетъ и укрѣпляетъ попутно и волю, что признается уже высшею нравственною цѣлью всего преподаванія.

Чувство увѣренности въ себѣ, доставляемое знаніемъ и возможностью, пользуясь имъ, быстро и искусно выйти изъ трудныхъ обстоятельствъ, укрѣпляетъ даже слабые характеры и послѣдовательно пріучаетъ ихъ къ принятію вполнѣ опредѣленнаго и практическаго рѣшенія.

Послѣдовательное живое общеніе слушателей съ преподавателями въ Берлинской военной академіи приводитъ къ возможности разнообразить лекціи по военнымъ предметамъ вставкою *устной разработки темъ*, начиная съ болѣе легкихъ и безъ всякой особой подготовки. Въ часы лекціи нѣсколькимъ слушателямъ предлагается говорить на какую-либо тему. Затѣмъ предлагается и письменная разработка, а также и повтореніе пройденныхъ вопросовъ, иногда на дому, иногда же на лекціи. Къ этимъ занятіямъ присоединяются и *внѣ классныя практическія занятія*, соединенныя съ поѣздками въ окрестности Берлина. Занятія эти

заключаются въ рѣшеніи на мѣстности тактическихъ задачъ, развѣдкахъ мѣстности, желѣзныхъ дорогъ, составленіи проектовъ полевыхъ укрѣпленій, проектовъ оборонительнаго усиленія желѣзнодорожнаго вокзала и т. п., посѣщеніи арсеналовъ, артилерійской стрѣльбы и пр.

Требованія академической програмы по отношенію къ курсамъ *отдѣльныхъ предметовъ* въ существенныхъ чертахъ таковы.

Изъ всѣхъ военныхъ предметовъ наибольшее значеніе придается *тактикѣ*. Первостепенною потребностью не только академіи, но всей германской арміи признается требованіе, чтобы офицеры, посѣщающіе академію, пріобрѣли *тѣ теоретическія и практическія свѣдѣнія, которыя помогаютъ разбираться въ различныхъ фазисахъ боя*. Въ первомъ курсѣ четыре часа въ недѣлю удѣляется на теоретическую часть тактики и ознакомленіе со свойствами родовъ оружія. Во второмъ курсѣ столько же часовъ посвящается прикладной части тактики. Академическій курсъ тактики, по сравненію съ военно-училищнымъ и съ курсомъ, требуемымъ для поступленія въ академію, представляется болѣе широкимъ, захватывающимъ бо́льшее количество основныхъ началъ, а также и болѣе глубокимъ, значительнѣе исчерпывающимъ военно-историческій матеріалъ. Уставы, учебники и литература непрерывно чередуются въ послѣдовательномъ развитіи курсового изложенія; *характеръ дѣйствій выдающихся полководцевъ и особенности ихъ времени составляютъ предметъ особо тщательнаго разбора*. Эти условія почитаются необходимыми для возбужденія въ слушателяхъ наибольшаго интереса, особливо въ теоретической тактикѣ. Центръ интереса прикладной тактики ставится въ изученіи боя, боевыхъ столкновеній. Средствомъ къ тому служитъ возможно бо́льшее число упражненій на планахъ и особливо на мѣстности, что считается лучшимъ способомъ изученія особенностей каждаго изъ родовъ оружія и способовъ дѣйствія, наиболѣе свойственныхъ имъ. Такъ какъ обыкновенно рѣшенія различаются преимущественно въ зависимости отъ различія въ пониманіи свойствъ данной мѣстности, то полагается необходимымъ не пренебрегать ни однимъ случаемъ для соотвѣтствующаго упражненія на мѣстности.

Вѣнцомъ обученія по кафедрѣ тактики почитается возможно болѣе тщательное ознакомленіе съ *тактическими результатами всѣхъ послѣднихъ войнъ* и извлеченіе изъ этихъ результатовъ правильныхъ выводовъ, которыми можно было бы съ выгодою вос-

пользоваться въ будущей войнѣ. Въ этомъ отношеніи для преподавателей тактики въ академіи открыто важное и завлекательное поприще, на которомъ они могутъ послѣдовательно подготовлять умы къ воспріятію новыхъ тактическихъ и уставныхъ началъ.

При преподаваніи *военной исторіи* имѣется въ виду, что хотя она и не можетъ замѣнить военнаго опыта для той арміи, которая имъ не обладаетъ, но однако служитъ лучшимъ подготовительнымъ средствомъ къ воспринятію такого опыта.

Лекціи по военной исторіи не ограничиваются хронологическимъ изложеніемъ данныхъ событій, такъ какъ такое изложеніе обратило бы военную исторію въ часть общей политической исторіи и будучи, быть можетъ, полезнымъ для пополненія общаго образованія офицера, было бы, однако, далеко недостаточно для доставленія ему спеціально военнаго поученія.

Посему положено, что лекціи по военной исторіи, воспроизводя важныя военныя операціи предшествовавшихъ эпохъ, должны одновременно выяснять способы веденія армій и связь этихъ способовъ съ интеллектуальной стороною военнаго искусства въ данныя эпохи. Для того же, чтобы не расширять излишне курсъ военной исторіи, начало его ограничено временемъ примѣненія огнестрѣльнаго оружія. Посвящая въ первомъ курсѣ два часа въ недѣлю на военную исторію, проходятъ ее до вступленія на престолъ Фридриха II, во второмъ—посвящая пять часовъ—войны XVIII в. до французской революціи и особливо кампаніи Фридриха, а въ третьемъ—при шести часахъ въ недѣлю—войны XIX вѣка. Во второмъ курсѣ, сверхъ того, удѣляется *одна лекція* въ недѣлю *на стратегію*.

Итакъ, лекціи военной исторіи послѣдовательно, шагъ за шагомъ, вводятъ слушателей въ пониманіе внутренняго положенія армій въ полѣ. Чѣмъ полнѣе положеніе это изображается на лекціяхъ въ связи съ входящими въ него элементами психологическаго порядка, тѣмъ вѣрнѣе почитается достиженіе привитія чувствъ патріотизма и военнаго долга и выработка ревностныхъ горячихъ сердецъ и разсудительныхъ спокойныхъ головъ, т. е. качествъ, столь необходимыхъ для веденія войны въ современныхъ условіяхъ.

Вліяніе *огнестрѣльнаго оружія* сказывается все сильнѣе и сильнѣе въ новѣйшихъ войнахъ по мѣрѣ успѣховъ техники. Ходъ этой послѣдней заставляетъ предусматривать и дальнѣйшій шагъ впередъ въ развитіи дѣйствія огня. Посему офицерамъ, претендующимъ на высшее военное образованіе, необходимо быть зна-

комыми съ современными научными основами теоріи огнестрѣльнаго оружія, съ послѣдними въ немъ усовершенствованіями (во всѣхъ арміяхъ) и употребленіемъ оружія въ разныхъ случаяхъ полевого и крѣпостного боя.

На эти свѣдѣнія посвящаются три лекціи въ недѣлю на первомъ курсѣ.

На курсъ *фортификаціи* удѣляется по *два часа въ недѣлю:* въ первомъ году для полевой, во второмъ — для долговременной. Курсъ этотъ, избѣгая изложенія элементарныхъ и техническихъ представленій, долженъ заключать въ себѣ поучительные примѣры и общіе взгляды на различныя отрасли военно-инженерной службы, особливо въ ихъ отношеніи къ условіямъ боя и управленія войскъ. Изслѣдованіе должно быть доведено до самыхъ послѣднихъ дней, съ цѣлью дать слушателямъ полную и наглядную картину всѣхъ военно-инженерныхъ усовершенствованій, стоящихъ въ связи съ употребленіемъ новаго оружія и непрерывнымъ возрастаніемъ дальности полета снарядовъ. Курсъ фортификаціи обнимаетъ также и укрѣпленіе позицій, возстановленіе и порчу желѣзныхъ дорогъ и военныхъ сообщеній.

Къ фортификаціи примыкаетъ курсъ *атаки и обороны крѣпостей и обороны береговъ*, на который удѣляется *четыре* часа въ недѣлю въ третьемъ году.

Курсъ топографіи и съемки имѣетъ въ виду образованіе возможно бо́льшаго числа офицеровъ, умѣющихъ самостоятельно работать въ полѣ. На теоретическую часть курса удѣляется одинъ часъ въ недѣлю во второмъ году. Познаніе мѣстности отнесено къ курсу военной географіи. На третьемъ году удѣляется три часа въ недѣлю на необязательный курсъ *геодезіи*.

Служба генеральнаго штаба проходится въ третьемъ курсѣ; на нее удѣляется три часа въ недѣлю. Слушатели знакомятся тутъ сначала съ цѣлью этой службы и основами ея организаціи въ связи съ общими началами организаціи арміи, а затѣмъ съ устройствомъ генеральнаго штаба въ главныхъ европейскихъ арміяхъ. Обязанности офицера генеральнаго штаба въ военное и въ мирное время проходятся прикладнымъ способомъ, отправляясь отъ началъ, усвоенныхъ въ прикладной тактикѣ второго курса. Главное развитіе дается обязанностямъ во время боя, которыя, въ виду ихъ важности, излагаются и развиваются съ возможною полнотою. Теоретическій курсъ службы генеральнаго штаба завершается полевою поѣздкою, въ теченіе которой главное вниманіе удѣляется

89868

рѣшенію срочныхъ задачъ на мѣстности, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ руководителя, съ составленіемъ летучихъ кроки, описаній мѣстности и приказаній и распоряженій для расположенія войскъ.

Цѣлью этихъ упражненій, составляющихъ продолженіе занятій топографіею во второмъ курсѣ, ставится пріобрѣтеніе способности быстро и точно оцѣнивать мѣстность, такъ какъ эта способность особливо важна для офицеровъ генеральнаго штаба и генераловъ.

Съ 1859 года на третьемъ курсѣ, подъ руководствомъ професора военной исторіи, производятся такъ называемыя *свободныя упражненія*, т. е. чтенія, производимыя слушателями по очереди на избранныя ими и одобренныя професоромъ темы. Чтенія эти отнюдь не должны служить лишь упражненіями въ ораторскомъ искусствѣ; главная ихъ цѣль—доставленіе возможности самостоятельной разработки отдѣльныхъ и наиболѣе интересныхъ вопросовъ военнаго искусства въ соотвѣтствіи съ уровнемъ развитія и личными склонностями слушателей.

Для этихъ упражненій назначается одинъ часъ въ недѣлю (изъ числа шести, назначенныхъ на чтеніе военной исторіи).

Спеціальный курсъ *военной географіи* считается необходимымъ какъ подготовка къ полезному изученію военной исторіи и пособіе къ практической оцѣнкѣ всѣхъ свойствъ мѣстности, знаніе, столь важное для практики военнаго дѣла.

На военную географію удѣляется четыре часа въ недѣлю на второмъ курсѣ.

Военная администрація имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, ознакомленіе съ организаціею арміи и сложнымъ механизмомъ перехода ея съ мирнаго положенія на военное. На этотъ предметъ удѣляется одна лекція въ недѣлю на второмъ курсѣ [1]).

Изъ предметовъ не военныхъ, *математикѣ* посвящается девять часовъ въ недѣлю на первомъ курсѣ и по шести—на второмъ и третьемъ. Только первый курсъ обязателенъ для всѣхъ слушателей; онъ заканчивается, однако, диференціальнымъ исчисленіемъ, сферическою тригонометріею, аналитическою геометріею и кривыми 2-го порядка.

Исторія преподается на первомъ и второмъ курсахъ, по четыре часа въ недѣлю, и заключаетъ въ себѣ изложеніе главныхъ началъ, религіозныхъ и общественныхъ, въ жизни народовъ, на-

[1]) Тутъ же читаются краткіе курсы военнаго законовѣдѣнія и военной гигіены.

чиная съ древнихъ и кончая современными европейскими, съ подробнымъ изложеніемъ причинъ и хода возвышенія прусскаго королевства на уровень первостепенныхъ державъ. Курсъ считается необязательнымъ, но въ виду важнаго значенія историческихъ знаній для восполненія научнаго образованія, предполагается, что курсъ этотъ долженъ быть посѣщаемъ всѣми, за исключеніемъ получившихъ уже спеціальное историческое образованіе.

Продолженіемъ курса исторіи на третьемъ году служитъ курсъ *исторіи литературы*, которому посвящается также четыре часа въ недѣлю. Этотъ послѣдній курсъ имѣетъ цѣлью изображеніе постепенности умственнаго развитія человѣчества, выраженнаго въ литературныхъ произведеніяхъ всѣхъ культурныхъ народовъ. Особое вниманіе обращается на умственное развитіе Германіи съ половины XVIII вѣка въ связи съ современными идеями и воздѣйствіемъ на нихъ литературы и политики.

Курсъ *исторіи философіи*, которому посвящается два часа въ недѣлю въ первомъ году и одинъ во второмъ году, имѣетъ въ виду изложеніе различныхъ философскихъ системъ и выясненіе развитія основныхъ философскихъ идей и связи ихъ съ историческими науками.

Географія, общая, которой посвящается четыре часа въ недѣлю, и *физическая*, которой удѣляется два часа (всѣ 6 часовъ въ первомъ году), должны восполнить пробѣлы предварительнаго общаго образованія.

Химія проходится на третьемъ курсѣ, по четыре часа въ недѣлю. Состоя на $^2/_3$ изъ теоріи неорганической и на $^1/_3$ изъ теоріи органической химіи, предметъ этотъ способствуетъ пониманію военной технологіи, пороходѣлія и пр.

Экспериментальная физика, четыре часа въ недѣлю во второмъ курсѣ, обнимаетъ общія теоріи физики и спеціально *оптику*, *магнитизмъ*, *гальванизмъ* и *электричество*.

Языки: *французскій* и *русскій* [1]), занимаютъ первый по шести часовъ въ недѣлю въ первомъ и второмъ курсахъ и четыре часа въ третьемъ, а второй—по два часа въ первомъ и второмъ курсахъ.

Экзамены производятся такъ: по окончаніи курсовъ въ первомъ и второмъ году професора задаютъ темы, *не имѣющія прямого отвѣта въ курсовыхъ чтеніяхъ*. Рѣшеніе этихъ темъ испол-

[1]) Желающимъ преподается и польскій языкъ; изученію языковъ много способствуютъ поощряемыя начальствомъ различныя внѣ классныя практическія занятія (см. «Новое Время» 29-го іюня 1901 г. № 1093).

няется письменно, въ теченіе 2—3 часовъ. На третьемъ курсѣ требуется представленіе особой письменной работы по каждому предмету; работа эта можетъ быть исполнена въ теченіе всего учебнаго года съ помощью всѣхъ наличныхъ пособій; единственнымъ условіемъ ставится представленіе этой работы въ оконченномъ видѣ къ исходу учебнаго курса.

Работы эти разсматриваются професорами, снабжаются ихъ отмѣтками и представляются въ академическую учебную комисію [1]), которая даетъ по нимъ свои отзывы. Затѣмъ работы поступаютъ въ правленіе академіи, гдѣ имъ ставится оцѣнка (по шестибальной шкалѣ).

Въ небольшой брошюрѣ, составленной фельдмаршаломъ графомъ Мольтке на закатѣ дней, въ Крейзау, своемъ силезскомъ имѣніи, и представляющей собою какъ бы завѣщаніе его Берлинской военной академіи, онъ подвергаетъ особому разсмотрѣнію вопросъ объ оцѣнкѣ офицеровъ, кончающихъ курсъ академіи, для возможно правильнаго опредѣленія дальнѣйшей ихъ дѣятельности на служебномъ поприщѣ.

Сущность этой оцѣнки сводится къ подраздѣленію ихъ на три разряда. Къ первому относятся тѣ, которые обнаружили достаточныя творческія способности при прочихъ превосходныхъ качествахъ: памяти, трудолюбіи и т. п. Этотъ разрядъ съ пользою для дѣла можетъ пополнить ряды генеральнаго штаба. Второй разрядъ можетъ съ успѣхомъ быть привлеченъ къ штабной работѣ по административной спеціальности (такъ называемой въ Германіи—адъютантурѣ) и, наконецъ, третій—предназначается къ преподаванію въ среднихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Изложенныя выше основныя черты системы и програмы Берлинской военной академіи на практикѣ, разумѣется, далеко не вполнѣ совпадаютъ съ идеаломъ, начертаннымъ на бумагѣ. Въ успѣхахъ академическаго преподаванія и въ уровнѣ подготовки офицеровъ, кончающихъ курсъ, встрѣчаются колебанія и различія, иногда настолько чувствительныя, что присутствіе ихъ проникаетъ и въ общедоступныя печатныя извѣстія.

Тѣмъ не менѣе, если мы бросимъ еще одинъ взглядъ на приведенное выше, мы вынуждены будемъ признать, что курсъ Берлинской военной академіи служитъ сильнымъ средствомъ, дисциплинирующимъ умы и укрѣпляющимъ и объединяющимъ волю лучшихъ представителей германской арміи. Главнымъ рычагомъ

[1]) Состоящую изъ 15-ти членовъ.

этого воздѣйствія является *тактика*, или правильнѣе говоря, *методика тактики*, созданная дѣятелями блистательнаго для Германіи періода войнъ за ея объединеніе и непрерывно совершенствуемая германскимъ генеральнымъ штабомъ, какъ въ стѣнахъ академіи, такъ и въ практической дѣятельности.

Методика эта тщательно оберегается, однако, отъ опасности вырожденія въ омертвѣлую формалистику. Въ этихъ видахъ она опирается, во-первыхъ, на достаточно широко развитую аналитическую програму всѣхъ отраслей сопредѣльныхъ знаній, а, во-вторыхъ—на полное отрицаніе во всей системѣ академическаго преподаванія, начиная съ поступительныхъ испытаній, достаточности одного лишь усвоенія памятью или, такъ называемаго, *мнемотехническаго* запоминательнаго школьнаго метода.

Вслѣдствіе этого устные экзамены являются въ академіи излишними и вообще тамъ, въ видѣ общаго правила, ни на испытаніяхъ, ни на упражненіяхъ не предлагаютъ вопросовъ, отвѣты на которые требовали бы лишь работы одной памяти.

Во время лѣтнихъ перерывовъ занятій, офицеры-слушатели прикомандировываются на нѣкоторый срокъ къ строевымъ частямъ войскъ и притомъ того рода оружія, въ которомъ они не служили. Этими перерывами пользуются отчасти и для освобожденія академіи отъ слушателей, признанныхъ непригодными для занятій въ послѣдующемъ курсѣ.

Итакъ, система академическаго преподаванія, въ связи съ нѣкоторыми правилами прохожденія службы, направлена главнымъ образомъ къ тому, чтобы непрерывно возбуждать и поддерживать умственную самодѣятельность и энергію воли въ лицахъ, предназначающихъ себя для службы въ генеральномъ штабѣ.

Во Франціи подготовка къ службѣ генеральнаго штаба совершается въ высшей военной школѣ (école supérieure de guerre) [1].

Пріемъ въ эту школу производится ежегодно по конкурсному испытанію, состоящему изъ: 1) *письменныхъ работъ первой степени*, производимыхъ желающими поступить въ школу въ корпусныхъ штабахъ; эти работы опредѣляютъ право на допускъ: къ 2) *письменнымъ работамъ второй степени и устнымъ испытаніямъ* и 3) *испытанію въ верховой ѣздѣ*. Испытанія двухъ по-

---

[1]) Положеніе о школѣ объявлено въ bulletin officiel du ministère de la guerre. 1900 г. № 18.

слѣднихъ родовъ производятся въ Парижѣ и устанавливаютъ окончательно право на пріемъ въ школу.

Къ послѣднему допускаются капитаны и поручики всѣхъ родовъ оружія, имѣющіе къ 31-му декабря конкурснаго года пять лѣтъ офицерской службы и къ 1-му февраля того же года не менѣе трехъ лѣтъ дѣйствительной строевой службы.

Письменныя *работы первой степени* производятся ежегодно въ январѣ и состоятъ въ слѣдующемъ: 1) *маршрутной съемкѣ* (пѣшкомъ) протяженія около четырехъ километровъ (снимая по 500 метровъ въ каждую сторону отъ дороги), въ теченіе семи часовъ, въ ближайшихъ окрестностяхъ пункта расположенія части войскъ, въ коей служитъ данный офицеръ, на открытой мѣстности, съ нѣсколькими ясно обозначенными въ природѣ неровностями, выраженіе коихъ должно быть исполнено въ горизонталяхъ (при допущеніи употребленія цвѣтныхъ карандашей); съемка производится подъ наблюденіемъ одного или нѣсколькихъ штабъ-офицеровъ, заданіе же для нея высылается изъ корпуснаго штаба и вскрывается лишь утромъ въ день съемки въ присутствіи офицера, подлежащаго испытанію, и 2) *письменныхъ работахъ* на темы, устанавливаемыя техническимъ комитетомъ главнаго штаба по предложенію начальника военной школы и одинаковыя для всѣхъ кандидатовъ, подвергаемыхъ въ данномъ году испытанію. Послѣднія работы, числомъ шесть, производятся въ корпусныхъ штабахъ и состоятъ изъ: 1) *задачи на картѣ* съ простѣйшимъ маневреннымъ предположеніемъ; время для рѣшенія—5 часовъ; 2) *разбора* или краткаго изложенія *военно-историческаго факта* изъ войнъ 1809, 1812 или 1866 годовъ; подготовительныя свѣдѣнія требуютъ лишь точности данныхъ общей (политической) исторіи; время рѣшенія—4 часа; 3) краткаго изложенія какого-либо *вопроса изъ области законовъ* и *администраціи* въ предѣлахъ особой програмы; время—3 часа; 4) *перевода* отрывка (прозы) съ французскаго языка на нѣмецкій, преимущественно военнаго содержанія и безъ помощи словаря; время—1½ часа; 5) письменнаго *отвѣта на нѣмецкомъ языкѣ* на письменные же вопросы на этомъ языкѣ; время—½ часа, и 6) *топографическаго черченія* съ карты, причемъ неровности выражаются горизонталями.

Бумага, какъ для съемки, такъ и для письменныхъ работъ, высылается изъ военнаго министерства, въ которое возвращаются листы, оказавшіеся излишними.

Письменныя *работы второй степени* производятся въ военной

школѣ, въ мартѣ, и состоятъ изъ отвѣтовъ: 1) по *географіи*, на два вопроса: подробный—о Франціи и о странахъ, прилежащихъ къ ея границамъ, и общій—по остальнымъ частямъ програмы; для каждаго изъ этихъ двухъ вопросовъ предлагается общая схема, которую испытуемый долженъ дополнить подробностями; время для отвѣта—4 часа 2) по *фортификаціи*—4 часа и 3) по *топографіи*—описаніе опредѣленнаго по картѣ раіона съ извѣстнымъ тактическимъ предположеніемъ—3 часа. Выполнившіе эти письменныя испытанія подвергаются затѣмъ двумъ *устнымъ испытаніямъ*: первому изъ тактики пѣхоты и кавалеріи и второму изъ артилеріи, военной организаціи и нѣмецкаго языка. Послѣ того слѣдуетъ *испытаніе въ верховой ѣздѣ*.

Относительная важность отдѣльныхъ предметовъ испытанія опредѣляется слѣдующими коефиціентами. Въ испытаніяхъ первой степени: тактическая задача—7, исторія—6, законы и администрація—3, кроки и маршрутная съемка—3; второй степени: географія и фортификація по 4, описаніе мѣстности—3; въ устныхъ испытаніяхъ: тактика пѣхоты, кавалеріи и артилеріи по 4, нѣмецкій языкъ—3, организація—2 и верховая ѣзда—1. Опредѣленію общихъ способностей придается коефиціентъ 5.

Курсъ высшей военной школы продолжается два года; офицеры, не выдержавшіе выпуснаго испытанія, могутъ поступать въ школу вторично, но не ранѣе какъ черезъ два года.

Къ *выпускному испытанію* (на патентъ генеральнаго штаба) допускаются всѣ штабъ-офицеры и капитаны, имѣющіе не менѣе семи лѣтъ офицерской службы и не менѣе трехъ лѣтъ дѣйствительной строевой службы. Испытанія производятся экзаменными комисіями военной школы, состоящими изъ чиновъ техническаго комитета главнаго штаба и генераловъ разныхъ родовъ оружія по особому назначенію. Комисіи раздѣляются на подкомисіи.

Испытанія подраздѣляются на *письменныя* и *устныя*. Первыя состоятъ изъ: 1) тактическаго вопроса; 2) вопроса службы генеральнаго штаба въ военное время [1]), и 3) топографическаго кроки (только для капитановъ). Вторыя включаютъ въ себѣ: 1) прикладную тактику пѣхоты, кавалеріи и артилеріи; 2) фортификацію и военно-инженерную службу; 3) топографію; 4) географію (Франціи и ея колоній особо отъ прочихъ иностранныхъ государствъ); 5) администрацію (общую и военную); 6) военную исторію, стра-

[1]) Програма испытанія по службѣ генеральнаго штаба не объявлена.

тегію и тактику (съ изученіемъ кампаній 1757, 1796, 1800, 1805, 1806, 1809, 1812, 1813, 1814, 1815, 1866 и 1870—1871 годовъ); 7) желѣзнодорожную службу; 8) организацію и мобилизацію войскъ (преимущественно законы: 15-го іюля 1889 г. о наборѣ, 24-го іюля 1873 г. объ организаціи вообще и 13-го марта 1873 г. о кадрахъ и ихъ численности); 9) военную телеграфію; 10) гигіену и военно-санитарную службу, и 11) нѣмецкій и другіе иностранные языки.

Коефиціенты для отдѣльныхъ предметовъ опредѣлены слѣдующіе. Для письменныхъ испытаній: по тактикѣ—12, по службѣ генеральнаго штаба—8, по топографическому черченію—4; для устныхъ: по военной исторіи, стратегіи, тактикѣ и нѣмецкому языку — по 10, по тактикѣ пѣхоты и артилеріи—8, по фортификаціи—7, по тактикѣ кавалеріи, географіи, по особымъ работамъ (вѣроятно практическимъ занятіямъ) и по верховой ѣздѣ—по 6, администраціи — 4, топографіи и мобилизаціи — по 3, желѣзнодорожнымъ перевозкамъ, телеграфному дѣлу и гигіенѣ — по 2.

Сколько можно судить по приведеннымъ весьма неполнымъ свѣдѣніямъ, основою пріемныхъ испытаній французской военной школы и важною составною частью курса послѣдней являются письменныя работы; тактикѣ, военной исторіи и различнымъ отдѣламъ службы генеральнаго штаба придано необходимое преобладаніе, причемъ, однако, за отсутствіемъ достаточныхъ данныхъ, не представляется возможнымъ заключить о полнотѣ постановки прикладного обученія и практическихъ занятій вообще. Изъ появляющихся въ печати работъ по различнымъ отдѣламъ преподаванія во французской высшей военной школѣ, мы знаемъ, что многія изъ нихъ, особенно по тактикѣ, военной исторіи и военной географіи, должны быть названы превосходными. Относительно слабую сторону програмы представляетъ отсутствіе самостоятельныхъ курсовъ математики и геодезіи.

Пріемное испытаніе для поступленія въ *Вѣнскую военную школу* [1]) подраздѣляется на *предварительное* и *главное*. Первое производится въ январѣ въ дивизіонныхъ штабахъ, второе въ сентябрѣ въ военной школѣ.

На *предварительномъ* (письменномъ) *испытаніи* офицеры пѣ-

---

[1]) «Organisation der Kriegsschule vom Jahre 1900».

хоты, стрѣлковъ, кавалеріи, піонеровъ, желѣзнодорожнаго и телеграфнаго полка экзаменуются изъ слѣдующихъ предметовъ: географіи, элементарной математики съ тригонометріею (на плоскости), артилеріи, фортификаціи и топографіи со съемкою. Офицеры полевой и крѣпостной артилеріи [1]): изъ географіи, высшей математики, механики и физики, артилеріи, топографіи и съемки, фортификаціи и крѣпостной войны (причемъ програмы географіи и топографіи одинаковы для офицеровъ всѣхъ родовъ оружія).

Предварительное испытаніе производится въ дни, заранѣе опредѣленные военнымъ министерствомъ для каждаго предмета и притомъ одни и тѣ же для всѣхъ дивизіонныхъ штабовъ. Задачи для испытанія ежегодно вновь составляются въ военной школѣ и присылаются военнымъ министерствомъ въ дивизіонные штабы въ запечатанныхъ конвертахъ. Самое испытаніе производится въ присутствіи начальника штаба дивизіи и нѣсколькихъ войсковыхъ штабъ-офицеровъ, наблюдающихъ за соблюденіемъ правилъ относительно производства экзаменныхъ работъ. Задачи излагаются письменно, безъ пособія какихъ-либо источниковъ и безъ переписки на бѣло, снабжаются особыми знаками (подпись работавшаго дѣлается на особыхъ обложкахъ), означеніемъ времени, употребленнаго на рѣшеніе, и отсылаются затѣмъ въ военную школу.

Главное испытаніе въ военной школѣ производится комисіею подъ предсѣдательствомъ начальника школы изъ нѣсколькихъ преподавателей школы и иныхъ. Програма по каждому предмету составляется школою предварительно. Предсѣдатель опредѣляетъ, должно-ли испытаніе быть произведено письменно или устно. Испытаніе имѣетъ цѣлью выяснить, сверхъ познаній, еще и способность логическаго и литературнаго изложенія, а также степень связности и ясности мыслей. Результатъ оцѣнки заносится въ журналъ, въ которомъ отмѣчается мнѣніе большинства экзаменаторовъ по каждому предмету и для каждаго экзаменуемаго особо. Отмѣтки таковы: превосходно, очень хорошо, хорошо, удовлетворительно и неудовлетворительно; причемъ главнымъ основаніемъ служитъ обнаруженная правильность представленія и пониманія. По окончаніи испытанія составляется общій списокъ оцѣнокъ и

---

[1]) Въ каждой военной школѣ соединяетъ въ себѣ высшіе курсы для подготовки по спеціальностямъ: генеральнаго штаба, артилеріи и военно-инженернаго дѣла. Посему нѣкоторая часть курсовъ общая, а нѣкоторая различная. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ приводить только относящееся до генеральнаго штаба.

старшинства по пріему съ подраздѣленіемъ экзаменовавшихся на три рубрики: особенно способные, способные и неспособные. Отмѣченные способными, но не принятые по неимѣнію ваканцій, отлагаются до слѣдующаго пріема или еще на годъ и принимаются въ очереди по старшинству, опредѣленному ихъ оцѣнкою. По желанію, они могутъ быть подвергнуты и новому испытанію. Признаннымъ неспособными повтореніе испытанія разрѣшается не ранѣе какъ черезъ годъ и притомъ только въ случаѣ, если комисія военной школы выскажется за возможность этого повторенія.

Къ пріемнымъ испытаніямъ допускаются: 1) прослужившіе не менѣе трехъ лѣтъ на дѣйствительной службѣ, изъ нихъ два года въ строевой части; 2) холостые, не старше 28-ми лѣтъ и не имѣющіе долговъ, и 3) владѣющіе однимъ изъ народныхъ языковъ монархіи въ степени, достаточной для служебной надобности.

Главное испытаніе, для всѣхъ поступающихъ одинаковое, состоитъ изъ: 1) *письменной работы на тему общеобразовательныхъ знаній*, для сужденія о способѣ изложенія мыслей; 2) испытанія по *французскому языку;* 3) испытанія изъ общей (политической) *исторіи* съ 1648 года до настоящаго времени съ обращеніемъ особеннаго вниманія на военную исторію новѣйшаго времени; 4) *администраціи;* 5) строевыхъ *уставовъ* трехъ родовъ оружія, III части устава о службѣ войскъ и тактики и 6) ситуаціоннаго и топографическаго *черченія.*

Курсъ военной школы продолжается два года. Каждый изъ двухъ классовъ дѣлится на три паралельные, вмѣщающіе не болѣе 50-ти человѣкъ (со включеніемъ слушателей спеціальныхъ инженерныхъ и артилерійскихъ курсовъ). Преподаваемые предметы: 1) тактика; 2) оперативная служба генеральнаго штаба; 3) военная исторія и стратегія; 4) администрація; 5) военная географія; 6) административная служба генеральнаго штаба; 7) артилерія; 8) фортификація и крѣпостная война; 9) топографія и топографическое черченіе; 10) естественныя науки; 11) государственное и международное право; 12) исторія культуры народовъ; 13) французскій языкъ и 14) верховая ѣзда.

Преподаваніе начинается въ октябрѣ и оканчивается во второй половинѣ іюня. Послѣ того, до середины августа производятся практическія занятія: въ первомъ курсѣ по *съемкѣ и прокировкѣ*, во второмъ—учебныя *тактическія поѣздки*, продолжающіяся около *шести недѣль*. Для этихъ послѣднихъ, подъ руководствомъ офицеровъ генеральнаго штаба, образуются партіи изъ

обучающихся офицеровъ трехъ родовъ оружія. Остающееся до конца сентября время посвящается слушателями перваго курса вычерчиванію съемочныхъ работъ, второго курса—усовершенствованію въ верховой ѣздѣ и присутствованію на большихъ сборахъ войскъ подъ руководствомъ преподавателей. При возможности, производятся также поѣздки на поля сраженій, посѣщеніе техническихъ военныхъ заведеній, занятій техническихъ войскъ и т. п. Въ этотъ же періодъ разрѣшаются обучающимся и кратковременные отпуски.

Каждому слушателю предоставлено просить объ увольненіи изъ школы во всякое время. Малоуспѣшные и недостаточно усердные слушатели увольняются представленіями начальства школы военному министерству. Вторичное принятіе въ школу зависитъ отъ усмотрѣнія начальства послѣдней.

По окончаніи практическихъ занятій, всѣ преподаватели составляютъ списки отмѣтокъ оказанныхъ успѣховъ (по упомянутой выше системѣ пяти отмѣтокъ). Затѣмъ совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ начальника школы, большинствомъ голосовъ устанавливаетъ: 1) степень оказанныхъ успѣховъ по отдѣльнымъ предметамъ и практическимъ занятіямъ на основаніи отмѣтокъ преподавателей; 2) переводъ слушателей изъ перваго курса во второй; 3) общій успѣхъ каждаго изъ слушателей второго курса на основаніи отдѣльныхъ отмѣтокъ и общую оцѣнку его пригодности согласно основнымъ условіямъ, устанавливаемымъ военнымъ министерствомъ, и 4) пригодность для службы въ генеральномъ штабѣ.

Окончательное испытаніе окончившихъ курсъ производится въ первой половинѣ октября особою комисіею изъ представителей школы и войскъ, подъ предсѣдательствомъ начальника генеральнаго штаба, который получаетъ такимъ образомъ возможность провѣрить правильность отмѣтокъ преподавателей и ознакомиться ближе съ отдѣльными слушателями, ихъ способностями и пригодностью для послѣдующихъ служебныхъ назначеній.

Начальнику генеральнаго штаба предоставлено опредѣлять способы производства упомянутыхъ испытаній, объемъ ихъ и цѣль по каждому отдѣльному предмету. Начальникъ генеральнаго штаба рѣшаетъ также, кто изъ окончившихъ курсъ слушателей достоинъ перевода въ генеральный штабъ; прочіе возвращаются въ войска.

Какъ видно изъ приведенныхъ выше указаній официальнаго положенія, пріемное испытаніе въ Вѣнскую военную школу производится со значительнымъ преобладаніемъ письменныхъ работъ.

Курсъ школы имѣетъ вполнѣ професіональный характеръ со значительнымъ количествомъ практическихъ работъ по тактикѣ и топографіи, какъ въ стѣнахъ школы, такъ и въ полѣ. Преподаваніе топографіи и топографическаго черченія даетъ превосходные результаты, что достаточно извѣстно изъ образцовыхъ военно-топографическихъ изданій Австро-Венгріи и тѣснаго слитія въ ней топографической части съ генеральнымъ штабомъ. Раздѣленіе въ програмѣ школы курса обязанностей генеральнаго штаба на двѣ части: оперативную и административную (съ обособленіемъ послѣдней отъ курса администраціи) представляетъ повидимому непосредственное отраженіе сложности и особенностей организаціи австро-венгерской арміи, налагающихъ на представителей штабнаго управленія совершенно особыя заботы, не достигающія такого развитія въ прочихъ европейскихъ арміяхъ.

Согласно положенію отъ 31-го октября 1899 г. о Туринской военной школѣ [1]), служащей подготовительнымъ образовательнымъ заведеніемъ для итальянскаго генеральнаго штаба, къ поступленію въ школу допускаются капитаны и поручики по прослуженіи четырехъ лѣтъ (артилерійскіе и инженерные — трехъ лѣтъ), въ числѣ коихъ два года службы въ строю. Принимаются ежегодно по 60 человѣкъ. Испытанія для поступленія двоякаго рода: *письменныя* и *устныя*. Первыя производятся въ концѣ февраля въ корпусныхъ штабахъ и состоятъ изъ четырехъ работъ: 1) *сочиненія на итальянскомъ языкѣ*; время для исполненія шесть часовъ; 2) *исторической темы* — 5 часовъ; 3) *военной темы* — 5 часовъ и 4) *топографическаго черченія* — 4 часа. Работы эти оцѣниваются професорами военной школы и допущенные ими на основаніи этихъ работъ къ устному экзамену въ школѣ офицеры предупреждаются о томъ въ апрѣлѣ, а самый экзаменъ производится въ Туринѣ въ первой половинѣ октября. Для производства устнаго экзамена назначаются четыре подкомисіи: двѣ для математики [2]) и по одной для географіи и французскаго языка. Подкомисіи эти производятъ тщательную оцѣнку поступающихъ и раздѣляютъ ихъ на два разряда: способныхъ и неспособныхъ.

Курсъ школы продолжается *три года*. Въ іюлѣ офицеры 1-го и 2-го курсовъ командируются для несенія строевой службы въ тѣ роды оружія, въ которыхъ они не служили, а третій курсъ по

---

[1]) Regolamento per la Scuola di guerra. [2]) Ариѳметика, алгебра, геометрія и тригонометрія на плоскости.

окончаніи экзаменовъ принимаетъ участіе въ большихъ маневрахъ, состоя въ штабахъ и при посредникахъ. По окончаніи учебнаго года назначаются *практическія занятія* по топографіи, тактикѣ и логистикѣ [1]) и, кромѣ того, въ теченіе года преимущественно по воскресеніямъ. Экзамены дѣлятся на двѣ части: а) съ 15-го мая по 15-е іюня и б) послѣ практическихъ занятій. Каждая экзаменная комисія составляется изъ трехъ членовъ, въ числѣ коихъ только одинъ професоръ, прочіе же по особому назначенію.

Положеніе о школѣ опредѣляетъ слѣдующія основы системы преподаванія въ ней.

1) Слушатели, достигшіе уже нѣкоторой зрѣлости, должны быть направляемы такимъ образомъ, чтобы могли извлекать пользу изъ своихъ познаній, разрѣшая, при содѣйствіи собственнаго разсужденія, всѣ вопросы, встрѣчаемые въ различныхъ отдѣлахъ преподаванія, что представляетъ болѣе пользы по сравненію съ обученіемъ теоріи. Посему, не исключая теоріи тамъ, гдѣ она будетъ признана совершенно необходимою, преподаваніе должно имѣть характеръ по преимуществу прикладной, непрерывно пользуясь самодѣятельностью слушателей при помощи вопросовъ, разработки ими разныхъ темъ и практическихъ упражненій.

2) При полномъ единствѣ професоровъ во взглядахъ на основныя начала военнаго искусства и при ясномъ пониманіи сущности уставныхъ предписаній, необходимо у всѣхъ обучающихся офицеровъ установить то соотвѣтствіе между мыслью и волею, которое въ практической жизни выражается правильнымъ пониманіемъ и правильнымъ приложеніемъ къ дѣлу личной инціативы, а также однообразіемъ общихъ взглядовъ на важнѣйшіе военные вопросы.

3) Согласіе среди профессоровъ еще болѣе необходимо для устраненія излишнихъ повтореній и излишняго нагроможденія

---

[1]) *Логистика, логистическій* — опредѣленія, заимствованныя у Жомини и соотвѣтствующія употребительнымъ въ нѣмецкой литературѣ *оперативное искусство, оперативный*. Въ своемъ сочиненіи «Précis de l'art de la guerre», генералъ Жомини подраздѣляетъ всю совокупность военнаго искусства на шесть отдѣловъ: 1) политику войны; 2) стратегію или искусство хорошо управлять массами на театрѣ войны; 3) большую тактику или искусство сраженій и битвъ; 4) *логистику или практическое приложеніе искусства веденія армій;* 5) инженерное искусство, атаку и оборону крѣпостей и 6) тактику второстепенныхъ вопросовъ. Въ главѣ о логистикѣ, генералъ Жомини объясняетъ происхожденіе этого слова отъ «major général des *logis*» (въ нѣмецкомъ переводѣ «квартирмейстеръ»). Такимъ образомъ, логистика, оперативное искусство, и по опредѣленію генерала Жомини является одною изъ существенныхъ составныхъ частей службы генеральнаго штаба.

учебнаго матеріала въ многочисленныхъ точкахъ соприкосновенія различныхъ отдѣловъ програмы военнаго образованія.

Положеніе о школѣ даетъ слѣдующую таблицу нормальнаго распредѣленія предметовъ преподаванія трехлѣтняго курса и оцѣнки успѣховъ слушателей по этимъ же предметамъ.

	Число лекцій.	Продолжительность испытаній. Устныхъ.	Письменныхъ.	Коефиціентъ.
Первый годъ.		Мин.	Час.	
Военная исторія	60	30	5	10
Тактика	60	30	—	10
Политическая географія	30	30	—	9
Организація	30	30	—	9
Топографія и черченіе	50	30	—	9
Соціальныя науки	60	30	—	8
Французскій языкъ	50	20	3	7
Нѣмецкій или англійскій языкъ .	60	15	3	6
Физика (+)	30	—	—	—
Топографическія практическія занятія около 20 дней.				
Второй годъ.				
Военная исторія	60	30	5	10
Тактика	60	40	—	10
Военная географія	60	40	—	10
Сообщенія	30	30	—	9
Артилерія и фортификація . . .	50	30	—	9
Соціальныя науки	50	30	—	8
Французскій языкъ	30	15	3	7
Нѣмецкій или англійскій языкъ.	60	15	3	6
Химія и минералогія (+)	30	—	—	—
Тактическія практическія занятія около 20 дней.				
Третій годъ.				
Военная исторія	120	30	5	10
Логистика	120	40	—	10
Политическая исторія	80	—	5	8
Французскій языкъ	30	15	3	7
Нѣмецкій или англійскій языкъ.	50	15	3	6
Осадная война (+)	20	—	—	—
Морское военное искусство (+) .	15	—	—	—
Логистическія практическія занятія около 40 дней.				

Верховая ѣзда—четыре, а фехтованіе два раза въ недѣлю для всѣхъ курсовъ одинаково. По предметамъ, отмѣченнымъ (+), экзаменовъ не производится.

Изъ указаній, даваемыхъ положеніемъ о школѣ относительно преподаванія отдѣльныхъ предметовъ, отмѣтимъ нижеслѣдующія, наиболѣе характерныя.

По *тактикѣ*. Въ курсѣ тактики болѣе нежели прежде важно теперь спеціальное развитіе практическихъ приложеній. Теоретическая часть курса должна состоять исключительно изъ сравненія тактическихъ уставовъ италіянскихъ съ иностранными.

Въ упражненіяхъ на картѣ и на мѣстности необходимо тщательно выдѣлять значеніе времени, свойствъ мѣстности и строя и стремиться пріучить офицеровъ быстро отдавать себѣ отчетъ въ обстановкѣ и принимать соотвѣтствующее рѣшеніе. Редактированію приказаній и донесеній должно быть удѣлено большое вниманіе, равно какъ и средствамъ передачи. Послѣдовательно упражненія должны быть доведены до дивизіи, а въ выборѣ заданій необходимо отдавать предпочтеніе отрядамъ значительнаго состава.

По *логистикѣ*. Курсъ этотъ заключаетъ въ себѣ: 1) изученіе средствъ и способовъ, служащихъ для мобилизаціи и сосредоточенія арміи, и 2) организацію и механизмъ движенія арміи; службы: генеральнаго штаба и интендантства въ военныхъ операціяхъ; все—по сравненію съ положеніями иностранныхъ арміи.

Этотъ курсъ долженъ быть по преимуществу практическимъ и состоять главнымъ образомъ въ непрерывныхъ прикладныхъ работахъ, предлагаемымъ слушателямъ послѣ сообщеній, въ упражненіяхъ производства рекогносцировокъ, расчетовъ маршей, квартирнаго расположенія на мѣстности и въ маневренныхъ упражненіяхъ въ логистическихъ службахъ по картѣ.

Разборъ и исправленіе работъ послужатъ лучшимъ средствомъ для усвоенія теоретическихъ принциповъ и достиженія необходимыхъ: быстроты, точности, ясности и краткости редакціи, особливо въ распоряженіяхъ.

Осадная война преподается професорами логистики, тактики, исторіи, географіи и фортификаціи, каждымъ въ отношеніи къ преподаваемому имъ отдѣлу знаній. (Краткія чтенія о современныхъ условіяхъ осадной войны, организаціи оборонительныхъ системъ государствъ, атаки и обороны укрѣпленій, послѣднихъ осадъ и т. п.). Курсъ заканчивается двумя двухсторонними упражненіями: однимъ на картѣ, причемъ изучаютъ какое-либо предположеніе объ осадѣ, вторымъ на мѣстности, причемъ имѣютъ въ виду атаку и оборону италіянской крѣпости.

Соціальныя науки включаютъ въ себѣ: понятіе о соціологіи и

права: конституціонное, военное, административное, международное; экономію и статистику.

Изложенныя выше основныя черты пріемныхъ испытаній и прохожденія курса въ важнѣйшихъ западно-европейскихъ учебныхъ заведеніяхъ, служащихъ для подготовки къ службѣ генеральнаго штаба, дозволяютъ установить слѣдующія главныя проявленія сходства и различія между ними.

Пріемныя испытанія нигдѣ не обнимаютъ полной програмы средняго образованія, представляя собою лишь провѣрку тѣхъ ея частей, которыя признаются главными для будущаго професіональнаго образованія, а, отчасти, и добавленіе нѣкоторыхъ отдѣловъ знаній, предназначенныхъ служить подготовкою къ этому послѣднему. При этомъ въ упомянутыхъ испытаніяхъ значительно преобладаютъ *срочныя письменныя* работы.

Въ учебныхъ програмахъ подготовительныхъ къ службѣ генеральнаго штаба заведеній вездѣ на первомъ планѣ стоятъ: тактика, военная исторія и искусство, служба генеральнаго штаба и топографія, а въ планѣ занятій преобладаетъ прикладной методъ обученія, т. е. доведеніе обученія до возможно болѣе сознательнаго практическаго приложенія основныхъ теоретическихъ положеній. Во всѣхъ програмахъ и правилахъ предусмотрѣна необходимость послѣдовательнаго устраненія элементовъ, обнаруживающихъ непригодность свою для комплектованія генеральнаго штаба

Наиболѣе полною въ научномъ отношеніи представляется учебная програма Берлинской академіи. Въ ней, а равно и въ Туринской школѣ, теоретическая програма коей является повидимому наиболѣе сокращенною, полнѣе всего преобладаютъ пріемы прикладнаго обученія. За то и продолжительность курса въ обоихъ этихъ заведеніяхъ на цѣлый годъ болѣе, нежели въ двухъ прочихъ изъ нами здѣсь разсмотрѣнныхъ.

Центромъ учебной програмы Берлинской академіи является современный массовый бой и его техника; техника военной операціи вообще составляетъ явленіе, подчиненное соображеніямъ о боѣ, какъ бы придаточное. Въ програмахъ прочихъ заведеній, даже при значительно болѣе развитой програмѣ технической службы генеральнаго штаба, какъ, напримѣръ, въ Вѣнской военной школѣ мы не усматриваемъ столь рѣзкаго выдѣленія свѣдѣній о боѣ изъ ряда свѣдѣній о военныхъ операціяхъ вообще.

Несмотря на нѣкоторое различіе програмъ и методовъ обученія, всѣ разсмотрѣнныя нами западно-европейскія подготовительныя для службы генеральнаго штаба заведенія одинаково стремятся доставить своимъ генеральнымъ штабамъ и своимъ арміямъ офицеровъ съ соотвѣтственнымъ общимъ образованіемъ и возможно лучшею, по уровню мѣстнаго представленія, практическою и техническою подготовкою.

Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ несомнѣнно проявляется общее убѣжденіе въ необходимости сообразоваться съ поступательнымъ движеніемъ современной техники генеральнаго штаба вообще, которая въ войнахъ будущаго долженствуетъ проявить образцы и результаты болѣе высокіе и значительные, чѣмъ тѣ, которые завѣщаны намъ большими войнами прошлаго столѣтія.

Въ видѣ наилучшаго матеріала для этой цѣли, подготовительныя для генеральнаго штаба заведенія обезпечиваютъ ему офицеровъ съ испытанными и развитыми до возможной степени самодѣятельностью, силою воли и способностью къ труду въ наиболѣе тяжеломъ его проявленіи, а именно при условіи *совпаденія наивысшихъ степеней умственнаго и физическаго напряженія*.

Задача этихъ заведеній далеко не легка. Вопросъ о наилучшихъ способахъ, которыми они могутъ пользоваться для своихъ цѣлей, представляется весьма обширнымъ и сложнымъ. Оставляя его въ сторонѣ, мы здѣсь отмѣтимъ только, что въ первую очередь онъ обусловливается требованіями, являющимися отраженіемъ дѣятельности и уровня техническаго искусства даннаго генеральнаго штаба.

Вслѣдствіе этого мы обратимся нынѣ къ разсмотрѣнію общаго вопроса о современныхъ служебныхъ задачахъ сего послѣдняго.

II.

Разсмотрѣвъ выше существенныя черты мѣропріятій важнѣйшихъ западно-европейскихъ государствъ по подготовкѣ надлежащаго укомплектованія для своихъ генеральныхъ штабовъ, мы должны перейти теперь къ разсмотрѣнію правилъ *прохожденія службы и основъ организаціи*, какъ главныхъ данныхъ формальнаго характера, выражающихъ, съ одной стороны, существующіе нынѣ взгляды на дѣятельность генеральнаго штаба, а съ другой — предназначенныхъ воздѣйствовать на эту дѣятельность и направлять ее.

Формы проявленія дѣятельности сложнаго живого организма не могутъ быть достаточно полно обняты и представлены какими бы то ни было правилами, даже самыми подробными. Достаточно, если правила эти, являясь болѣе или менѣе значительными воздѣйствующими силами, прилагаются лишь къ главнымъ рычагамъ и колесамъ механизма, обезпечивая ихъ исправность. Иными словами, достаточно, если правила являются принципіальными. Для того же, чтобы хорошо понимать принципіальную сторону какого-либо дѣла, нельзя не имѣть правильнаго представленія о цѣломъ.

Посему намъ необходимо взглянуть сначала на современное представленіе о дѣятельности генеральнаго штаба вообще, начавъ съ самой важной ея стороны, а именно дѣятельности военнаго времени.

Всѣмъ извѣстно, что въ настоящее время, въ виду быстроты мобилизаціи современныхъ армій и совпаденія начала военныхъ дѣйствій съ самымъ объявленіемъ войны, первостепенною обязанностью генеральнаго штаба въ мирное время является всесторонняя подготовка къ войнѣ.

Съ этою цѣлью во всѣхъ европейскихъ арміяхъ предпринимается рядъ изслѣдованій и работъ, предусматривающихъ до возможныхъ подробностей обстановку и первоначальную задачу передовыхъ войскъ и намѣчающихъ, сколько то возможно, главныя черты вѣроятныхъ задачъ войсковыхъ массъ по ихъ сосредоточенію къ угрожаемой границѣ.

Однако, какъ бы тщательно эти подготовительныя къ войнѣ работы не были исполнены и какъ бы близко не удалось подвести ихъ къ дѣйствительной обстановкѣ первыхъ дней по объявленіи войны, тѣмъ не менѣе важность предпринимаемыхъ рѣшеній, ставящихъ на карту самую судьбу государства, не позволитъ всецѣло основаться на предположеніяхъ, составленныхъ въ мирное время, и вынудитъ подвергнуть ихъ самой настойчивой и непрерывной провѣркѣ для того, чтобы установивъ, по возможности скорѣе, вѣрное представленіе о дѣйствительномъ положеніи непріятеля, предпринять цѣлесообразный и соотвѣтственный способъ дѣйствій.

Уже самыхъ элементарныхъ свѣдѣній изъ военной исторіи достаточно для того, чтобы сознавать важность, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и трудность *вѣрнаго представленія о военной обстановкѣ*, слагающейся изъ множества элементовъ, военныхъ и прочихъ государственныхъ, приведенныхъ въ движеніе на обширномъ протяженіи,

обнять которое въ видѣ одного цѣлаго если не невозможно, то во всякомъ случаѣ, крайне трудно.

Громадность такой задачи естественно приводитъ къ необходимости подраздѣлить ее на составныя части, взвѣсить ихъ относительное значеніе и подготовить необходимыя средства для разрѣшенія важнѣйшихъ частей задачи.

Иными словами, въ ряду прочихъ подготовительныхъ къ войнѣ работъ необходимо также позаботиться о *планѣ и организаціи развѣдочной службы*, по крайней мѣрѣ, на ближайшій по открытіи военныхъ дѣйствій періодъ.

Разработка этой задачи и даже выполненіе важнѣйшихъ ея частей есть одна изъ существенныхъ обязанностей генеральнаго штаба.

Сочиненіе германскаго генеральнаго штаба о войнѣ 1870—1871 гг. вообще обходитъ молчаніемъ всю ту сторону подготовки, которую мы здѣсь имѣемъ въ виду. Такъ, изъ данныхъ, приводимыхъ этимъ сочиненіемъ, нельзя вывести сколько-нибудь опредѣленное заключеніе относительно того, какая именно система развѣдокъ была предпринята въ самомъ началѣ войны. Среди разрозненныхъ указаній, мало даже относящихся къ этому вопросу, мы встрѣчаемъ, однако, упоминаніе о рекогносцировкѣ, предпринятой около 20-го іюня полковникомъ виртембергскаго генеральнаго штаба, графомъ *Цеппелиномъ*, съ тремя баденскими офицерами и тремя драгунами. Рекогносцировка эта была начата отъ Лаутербурга и доведена на 40 километровъ до Нидербронна, гдѣ стоялъ французскій конно-егерскій полкъ. Во время отдыха рекогносцировочной партіи близъ Нидербронна, у Ширленгофа, на нее было сдѣлано нападеніе. Спастись удалось только одному графу Цеппелину, поручикъ Винслоэ былъ убитъ, а всѣ прочіе взяты въ плѣнъ. Рекогносцировка эта принесла несомнѣнную пользу, убѣдивъ въ томъ, что въ то время французскія войска еще не сосредоточивались по направленію къ Верту [1]).

Генералъ Скугаревскій (о полевой службѣ генеральнаго штаба. 1885 г., стр. 20 и 21), среди своихъ указаній преимущественно формальнаго свойства, упоминаетъ, что, «если вблизи отъ непріятеля производятся усиленныя рекогносцировки, то офицеръ генеральнаго штаба или состоитъ при начальникѣ отряда, назначен-

[1]) Гр. Цеппелинъ теперь изобрѣтатель управляемаго воздушнаго шара, совершавшаго уже пробные полеты.

наго на рекогносцировку, исполняя при немъ обязанности по своей спеціальности, или самъ командуетъ рекогносцировочнымъ отрядомъ, если онъ старшій въ чинѣ или по должности войскового начальника. Начальникъ корпусного штаба при рекогносцировкахъ всегда командуетъ войсками (ст. 30 положенія объ управленіи корпусами); начальникъ дивизіоннаго штаба долженъ командовать войсками, посылаемыми съ нимъ на рекогносцировку въ томъ случаѣ, когда отрядъ не подчиненъ старшему въ чинѣ командиру полка; баталіонные же, дивизіонные и батарейные командиры, какъ младшіе по должности, подчиняются начальнику штаба дивизіи, хотя бы они были и старше его въ чинѣ».

«Какъ до начала военныхъ дѣйствій, такъ и во все время войны, офицеръ генеральнаго штаба долженъ заботиться, чтобы всѣ частные начальники отряда были знакомы съ общимъ положеніемъ дѣлъ на театрѣ войны и особенно съ обстановкою дѣйствій отряда. Для этого онъ самъ долженъ стараться своевременно получать необходимыя данныя отъ высшаго или сосѣднихъ штабовъ или отъ сосѣднихъ офицеровъ генеральнаго штаба и съ разрѣшенія начальника отряда обязанъ сообщать все это войскамъ въ видѣ записокъ или личныхъ объясненій».

Если отбросить примѣсь нѣкотораго формализма, то въ приведенныхъ указаніяхъ останется ясное признаніе необходимости участія офицера генеральнаго штаба въ рекогносцировкахъ, сборѣ свѣдѣній вообще объ обстановкѣ и въ должномъ распредѣленіи этихъ свѣдѣній. Указаніе же ген. Скугаревскаго на источникъ добыванія свѣдѣній—недостаточно ясно и опредѣленно. Сообщенія извнѣ и распросы далеко не всегда возможны. Повидимому, гораздо основательнѣе поставить вопросъ такъ: *главный источникъ необходимыхъ свѣдѣній заключается въ самодѣятельности офицера генеральнаго штаба.* Если должныхъ свѣдѣній нѣтъ, необходимо умѣть ихъ добыть посильными средствами. Оставаться же безъ свѣдѣній есть самое тяжелое изъ всѣхъ возможныхъ рѣшеній и положеній.

Одинъ изъ французскихъ авторовъ даетъ слѣдующія указанія по вопросу о рекогносцировкахъ генеральнаго штаба.

«Въ числѣ спеціальныхъ развѣдокъ встрѣчаются такія, которыя имѣютъ болѣе общія цѣли и характеръ какъ бы провѣрки общаго положенія дѣла: эти развѣдки должны по преимуществу быть поручаемы офицерамъ генеральнаго штаба».

«Онѣ составляютъ одну изъ капитальнѣйшихъ частей внѣшней (т. е. штабной, не канцелярской) службы генеральнаго штаба;

вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ представляютъ собою для командующихъ лицъ одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ провѣрки и пополненія имѣющихся уже свѣдѣній».

«Въ собственномъ смыслѣ слова эти развѣдки должны быть направлены исключительно къ выясненію и оцѣнкѣ положенія, опредѣленнаго или условіями, въ которыхъ находятся непріятельскія войска — или данными мѣстности. Требуя отъ лица, исполняющаго задачу, посвященія въ существующія предположенія для дѣйствій, знакомства со всѣми уже имѣющимися данными и основательной спеціально-военной подготовки, рекогносцировки эти только и могутъ быть возлагаемы на генеральный штабъ».

«Такое употребленіе офицеровъ генеральнаго штаба является иногда совершенно необходимымъ, особенно наканунѣ важныхъ операцій и съ цѣлью выясненія указаній, представляющихся часто загадочными и почти всегда противорѣчивыми, т. е. съ главною цѣлью *разсѣять существующія сомнѣнія*.

«Въ этомъ собственно и заключается настоящая служба генеральнаго штаба, въ самомъ возвышенномъ своемъ проявленіи. Посредники воли начальника, которую они часто отожествляютъ въ себѣ, сродившіеся съ его идеями и предположеніями, свободные отъ всякой отвѣтственности за основное направленіе, снабженные всѣми необходимыми предварительными свѣдѣніями и данными, офицеры генеральнаго штаба могутъ всецѣло отдаваться своей роли наблюдателей и проникать сколько возможно въ положеніе, обусловливаемое свойствами мѣстности или непріятелемъ. Послѣ развѣдки они доводятъ до свѣдѣнія начальниковъ свои впечатлѣнія и свои мнѣнія, *не опасаясь даже произносить сужденія за этихъ начальниковъ* и тѣмъ способствуютъ имъ въ возможности предвидѣть нѣкоторыя случайности, заблаговременно избирать опредѣленное направленіе для дѣйствій или даютъ имъ возможность наблюдать заглазно за главными фазисами дѣйствія, начатаго въ видахъ этихъ же начальниковъ.

«Такія рекогносцировки генеральнаго штаба, расширяя его роль, нисколько не умаляютъ авторитета начальниковъ, которые остаются все-таки главными отвѣтчиками за всѣ принимаемыя рѣшенія. Начальники могутъ лишь усилить и расширить свое вліяніе искуснымъ направленіемъ своихъ вспомогательныхъ органовъ, распространяя этимъ повсюду присутствіе своей власти и получая возможность принимать свои рѣшенія послѣ полнаго освѣщенія дѣла. Не будучи въ состояніи переноситься повсюду физи-

чески, начальникъ наблюдаетъ вдаль и вширь глазами подчиненныхъ, пріученныхъ смотрѣть въ соотвѣтствіи съ его глазами.

«Весьма часто высланные на рекогносцировки офицеры генеральнаго штаба присоединяются къ развѣдочной кавалеріи. Въ этомъ случаѣ, при встрѣчѣ съ непріятелемъ, они не ввязываются въ дѣйствія, предаваясь исключительно развѣдкѣ силъ, передвиженій и намѣреній непріятеля. Что же касается до кавалеріи, то она, выполняя свои задачи, можетъ только устанавливать факты, давать отчеты въ видѣнномъ или слышанномъ. Она не располагаетъ ни временемъ, ни средствами, необходимыми для раскрытія и оцѣнки предполагаемыхъ намѣреній непріятеля. Для этого она должна была бы предаваться соображеніямъ и размышленіямъ, требующимъ или остановки или спокойствія, не совмѣстныхъ съ быстротою и подвижностью ея дѣйствій».

По *германскимъ взглядамъ*, развѣдочная служба, какъ въ тѣсномъ, такъ и въ широкомъ смыслѣ слова, принадлежитъ собственно къ основнымъ обязанностямъ генеральнаго штаба. Обстоятельство это нисколько не ослабляется тѣмъ, что часто для представляющейся надобности достаточно дѣятельности молодого и смышленаго кавалерійскаго офицера, и иногда, особенно въ раіонѣ укрѣпленій, требуется даже необходимое участіе офицера артилериста или инженера. Офицеръ генеральнаго штаба обязанъ, однако, выполнить достаточно удовлетворительно каждое развѣдочное порученіе, не имѣющее исключительно спеціальнаго характера.

«Главнымъ къ тому основаніемъ служитъ соображеніе, что все имѣющее значеніе для данной военной обстановки должно быть подвергаемо самому тщательному разсмотрѣнію и обсужденію и обратно: все не имѣющее касательства къ частному военному положенію должно по возможности быть устраняемо изъ поля зрѣнія. Послѣднее вполнѣ необходимо, такъ какъ иначе объемъ свѣдѣній, напримѣръ, отчетность о свойствахъ мѣстности потребовала бы для ознакомленія съ нимъ такого количества времени, какимъ на войнѣ нельзя располагать для практическихъ цѣлей.

«Рѣдко офицеру генеральнаго штаба приходится быть на развѣдкахъ совершенно одному. Обыкновенно ему придается нѣсколько кавалеристовъ, которые служатъ ему прикрытіемъ отъ непріятельскихъ партій, заставляютъ удалиться непріятельскій постъ, отвозятъ спѣшныя донесенія и т. д. Сверхъ того, такъ какъ съ помощью лишь двухъ глазъ нельзя видѣть все, то обыкновенно

представляется желательнымъ совмѣстное участіе одного-двоихъ кавалерійскихъ офицеровъ на хорошихъ лошадяхъ. Въ такомъ случаѣ представляется возможнымъ нѣсколько расширить раіонъ наблюденія, распредѣливъ части задачи между участниками, соотвѣтственно ихъ способностямъ и важности этихъ частей».

Всѣ приведенныя нами выше выдержки одинаково удостовѣряютъ въ томъ, что производство развѣдокъ въ тѣсномъ и широкомъ смыслѣ, непрерывное наблюденіе за положеніемъ военной обстановки и измѣненіями въ ней есть вообще основная задача генеральнаго штаба. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда офицеры генеральнаго штаба не сами лично производятъ развѣдки, они все-таки должны участвовать въ нихъ возможно болѣе непосредственно, направляя ихъ соотвѣтственно потребности, давая предварительныя свѣдѣнія и указанія и обработывая и использовывая ихъ результаты.

Всѣ источники, на которые мы ссылались, изображая совершенно вѣрно общее значеніе генеральнаго штаба въ развѣдочной службѣ, являютъ, однако, нѣкоторый пробѣлъ, происходящій отъ того, что они разсматриваютъ данный вопросъ вообще, а не при условіяхъ его примѣненія въ современной обстановкѣ.

Если же мы хотя нѣсколько остановимся на успѣхахъ, ежегодно вводимыхъ въ условія боевой готовности европейскихъ армій [1]), то представится неизбѣжнымъ признать, что нынѣ совершенно настоятельна необходимость имѣть при пограничныхъ войскахъ извѣстное число офицеровъ генеральнаго штаба, постоянно готовыхъ къ производству развѣдокъ въ раіонѣ непріятельской арміи тотчасъ же по объявленіи войны. Задачи этихъ офицеровъ, разумѣется, должны быть наиболѣе важныя, касающіяся вопроса о сосредоточеніи главныхъ массъ непріятельскихъ войскъ и провѣрки имѣющихся предположеній относительно ихъ перевозки къ пунктамъ высадки и послѣдующаго развертыванія. Такое выясненіе дѣйствительнаго положенія, по крайней мѣрѣ на важнѣйшихъ стратегическихъ узлахъ приграничной полосы, будетъ исполнено тѣмъ легче и успѣшнѣе, чѣмъ лучше будутъ подготовлены къ даннымъ частнымъ задачамъ извѣстные, заранѣе назначенные офицеры генеральнаго штаба. Иными словами и тутъ, также какъ и во всѣхъ прочихъ вопросахъ подготовки къ войнѣ, необходимо *предварить* все, что поддается сколько-нибудь основательному пред-

[1]) Соотвѣтствующія данныя можно находить главнымъ образомъ въ ежегодникахъ Лебеля и въ современной печати.

паренію и *проренетировать* все, что возможно репетировать въ видѣ типичнаго первоначальнаго пріема, который придется такъ или иначе примѣнить тотчасъ по объявленіи войны.

Развѣдки, производимыя въ теченіе военныхъ дѣйствій начальствующими лицами въ самыхъ важныхъ случаяхъ, иногда даже лично главнокомандующимъ арміею, не могутъ также обойтись безъ участія генеральнаго штаба, а въ большинствѣ случаевъ, такія развѣдки служатъ лишь провѣркою предварительныхъ развѣдокъ, изслѣдованій и соображеній генеральнаго штаба.

Императоръ Наполеонъ I, наканунѣ боя или утромъ въ день предстоявшаго боя, всегда предпринималъ лично развѣдку обстановки, не довѣряя въ этихъ случаяхъ никому; отправляя впередъ офицеровъ генеральнаго штаба и адъютантовъ для предварительныхъ развѣдокъ, онъ затѣмъ провѣрялъ ихъ самъ. Исключенія изъ этого правила могли быть объяснены только случаями крайняго его утомленія. Въ рекогносцировкахъ императора сопровождало лишь нѣсколько человѣкъ, разумѣется въ видахъ отвлеченія излишняго вниманія со стороны непріятеля. Иногда же онъ бралъ съ собою всего лишь одного офицера, переодѣвшись самъ въ мундиръ рядового.

Въ запискахъ Сегюра есть указаніе на рекогносцировку императора наканунѣ Аустерлицкаго сраженія. Съ нѣсколькими офицерами и 25-ю человѣками конвоя, онъ проскакалъ съ праваго до лѣваго фланга между обѣими линіями развертывавшихся противныхъ армій. Въ 1812 г. императоръ нѣсколько разъ лично развѣдывалъ берега Нѣмана передъ переправой своей арміи. 23-го іюня императоръ отправился на берега Нѣмана переодѣтымъ въ мундиръ польскаго улана съ тремя-четырьмя также переодѣтыми провожатыми. Другой разъ, императоръ, вмѣстѣ съ генераломъ Гаксо, оба переодѣтые рядовыми, воспользовались промежуткомъ затишья и проникли до Нѣмана, чтобы развѣдать мѣста для наводки мостовъ. Наканунѣ Бородинскаго сраженія, Наполеонъ посвятилъ большую часть дня развѣдкамъ занятой русскими позиціи. Онъ отправился на передовые посты, проѣхалъ вдоль ихъ расположенія и, часто слѣзая съ лошади на вершинахъ холмовъ, разсматривалъ въ трубу русскія линіи и разспрашивалъ у генераловъ о необходимыхъ ему свѣдѣніяхъ. Возвратясь къ закату солнца на свой бивакъ, онъ долго сидѣлъ надъ разработкою приказаній для движенія и проспалъ только два часа на своей походной кровати. Затѣмъ въ 3 часа утра онъ всталъ, чтобы по расположенію

бивачныхъ огней непріятеля убѣдиться въ томъ, не произошло ли важныхъ измѣненій съ вечера и не требуется ли исправить что-либо въ отданныхъ распоряженіяхъ.

Наполеонъ постоянно требовалъ составленія опытными офицерами и представленія себѣ различныхъ кроки, какъ передъ производствомъ своихъ рекогносцировокъ, такъ и послѣ нихъ. Иногда онъ производилъ рекогносцировки совершенно одинъ.

Приведенные примѣры рекогносцировокъ великаго полководца начала прошлаго вѣка поучительны какъ указаніе на необходимость непрерывныхъ развѣдокъ (осмотрительность въ рѣшеніяхъ— одинъ изъ главныхъ признаковъ всѣхъ выдающихся дѣятелей), а затѣмъ они же могутъ навести на мысль, что появленіе гдѣ-либо на горизонтѣ даже слабаго непріятельскаго разъѣзда можетъ иногда повести за собою весьма важныя послѣдствія.

Однако уже во второй половинѣ прошлаго вѣка значительно уменьшилась вѣроятность появленія, въ европейскихъ войнахъ, не олько главнокомандующихъ арміями, но и вообще высшихъ начальниковъ во главѣ слабыхъ разъѣздовъ въ непосредственной близости отъ непріятеля. Обстоятельство это является естественнымъ послѣдствіемъ, какъ значительнаго увеличенія состава армій, такъ и усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія, затруднившихъ возможность непосредственнаго обозрѣнія и уменьшившихъ значеніе выводовъ и заключеній, которые прежде представлялось возможнымъ сдѣлать для предстоявшаго сраженія, пользуясь удобнымъ обзоромъ съ одной-двухъ точекъ.

Такъ, разсматривая дѣятельность главной квартиры германской арміи 14 — 16 августа 1870 г. [1]), капитанъ Фридрихъ замѣчаетъ, что позднее отданіе ею распоряженій на 15 и 16 числа объясняется значительнымъ удаленіемъ ея отъ поля сраженія 14 числа, хотя *не было повидимому надобности отдавать эти распоряженія лишь послѣ личнаго обозрѣнія мѣста бывшихъ дѣйствій*.

Естественно, что по мѣрѣ увеличенія состава отрядовъ и армій, сужденія и рѣшенія начальниковъ должны основываться преимущественно на впечатлѣніи умственнаго ока, въ которое впечатлѣнія физическаго глаза должны войти въ видѣ составныхъ величинъ [2]). Самая же роль зрительнаго органа необходимо перела-

---

[1]) Das grosse Hauptquartier von E. Friedrich, стр. 81. [2]) Англичане объясняютъ отчасти военные успѣхи величайшаго своего полководца, героя

гается при этомъ съ личности начальника на спеціально для того подготовленные его органы въ видѣ состоящихъ въ его распоряженіи офицеровъ генеральнаго штаба.

Не только военная литература, но иногда и періодическая печать упоминаютъ о развѣдкахъ, которыя нерѣдко, даже въ мирное время, требуютъ большой самоотверженности и граничатъ съ лучшими подвигами человѣческаго ума и воли.

Такъ, упомянемъ объ извѣстной рекогносцировкѣ генеральнаго штаба подполковника Скобелева пути отъ Змукшира къ колодцамъ Ортакуя (600 верстъ въ 7 дней при весьма трудныхъ условіяхъ). Война съ Турціею 1877 — 1878 гг. представляетъ много примѣровъ выдающихся рекогносцировокъ генеральнаго штаба, главнымъ образомъ на дунайскихъ переправахъ и въ балканскихъ проходахъ.

Имѣющіеся примѣры не даютъ, однако, возможности перейти къ заключеніямъ по вопросу о техникѣ рекогносцировокъ генеральнаго штаба. Для такихъ заключеній необходимы подлинныя описанія, кроки, подробныя свѣдѣнія объ обстановкѣ. Упомянемъ только, что рекогносцировки генеральнаго штаба должны являть высшую степень достовѣрности и искусства въ распредѣленіи матеріала по степени его важности, въ ясномъ отдѣленіи существеннаго отъ второстепеннаго, важнаго отъ неважнаго.

Область примѣненія этихъ рекогносцировокъ весьма обширна.

Приводя ихъ въ нѣкоторую систему, мы усмотримъ, что во-первыхъ, по отношенію къ своей цѣли, ихъ можно распредѣлить на развѣдки, имѣющія въ виду изслѣдованіе однихъ лишь *мѣстныхъ элементовъ* съ примѣненіемъ ихъ къ извѣстнымъ тактическимъ потребностямъ (сличеніе свойствъ мѣстности со свойствами родовъ оружія при условіяхъ даннаго времени); изслѣдованіе *расположенія непріятельскихъ войскъ* при извѣстныхъ условіяхъ мѣстности; то же при неопредѣленныхъ условіяхъ, подлежащихъ при этомъ выяснепію; изслѣдованіе большихъ или важныхъ *искусственныхъ сооруженій* въ связи со свойствами окружающей мѣстности и съ извѣстными тактическими предположеніями и заданіями (укрѣпленныя позиціи, крѣпости, желѣзныя дороги, мосты).

Во-вторыхъ, развѣдки осложняются преобладаніемъ или исключительностью какой-либо изъ данныхъ обстановки: *срочностью* (соб-

---

Веллингтона, его физическою близорукостью: не будучи въ состояніи видѣть самъ ходъ боя, онъ управлялъ послѣднимъ по донесеніямъ, тщательно имъ обсужденнымъ и хорошо взвѣшеннымъ.

ственно краткостію времени; таково отличіе рекогносцировокъ, относящихся къ бою); *скрытностью* (среди непріятельскихъ разъѣздовъ, при туманѣ и проч.); *сложностью* (напримѣръ, трудностью опредѣленія проходимости горныхъ перевaловъ, покрытыхъ снѣгомъ; тѣсною связью данной задачи съ сосѣдними, какъ то бываетъ при выборѣ дорогъ для движенія ранѣе разверстки ихъ между колоннами) и, наконецъ, *научностью* (преимущественно при описаніи и развѣдкахъ цѣлыхъ областей, особливо въ малоизвѣданныхъ странахъ, напримѣръ, въ Азіи).

Вожденіе колонны, т. е. служба вожатаго и развѣдчика при войсковыхъ колоннахъ въ существѣ, также какъ и развѣдка, требуетъ хорошаго пониманія мѣстности и свойствъ войскъ, но осложняется еще необходимостью умѣть хорошо разсчитывать вліяніе мѣстности и обстановки на скорость передвиженія войскъ и степень напряженія ихъ силъ.

Въ кампаніи 1805 года, когда 11 французскихъ колоннъ, прибывшихъ изъ глубины Франціи, обрушились въ опредѣленное время на 30,000-ную австрійскую армію Макка и вынудили ее къ сдачѣ, очевидно было, что какъ самъ Бертье, начальникъ штаба французской арміи, такъ и его офицеры генеральнаго штаба, находились на высотѣ своего призванія и вполнѣ соотвѣтствовали обширности и глубинѣ замысловъ императора Наполеона. Что же касается до операціи 1809 года, то Наполеонъ видимо желалъ довѣриться въ направленіи и веденіи колоннъ тому же Бертье и его штабу, но уже въ самомъ началѣ кампаніи, по прибытіи въ Донаувертъ и Абенсбергъ, Наполеону пришлось заняться исправленіемъ сдѣланныхъ до него ошибокъ, приведшихъ къ излишне растянутому расположенію французовъ, которое и было исправлено имъ въ первый день знаменитаго пятидневнаго боя.

Седанская операція германской арміи въ войну 1870 года, послѣдній по времени примѣръ сложнаго движенія значительныхъ силъ на большое разстояніе, свидѣтельствуетъ намъ, что успѣхъ выполненія такихъ операцій, надобность въ коихъ можетъ представиться даже неожиданно, въ зависимости отъ измѣненія плановъ непріятеля, требуетъ совершенно подготовленнаго къ этой задачѣ генеральнаго штаба.

Тутъ по преимуществу обнаруживается, что хорошій генеральный штабъ есть необходимый залогъ хорошаго маневрированія арміи.

Задачи офицера генеральнаго штаба *въ бою*, также точно какъ

и при передвиженіяхъ и маневрированіи, собственно должны быть разсматриваемы не только въ видѣ единоличныхъ, простѣйшихъ по существу и по формѣ, но главнымъ образомъ въ видѣ данныхъ составныхъ, части значительной организаціи, обезпечивающей послѣдующее объединеніе одною волею и одною мыслью всего сложнаго механизма движенія войсковой массы.

Мы будемъ еще имѣть случай стать на эту послѣднюю точку зрѣнія при разсмотрѣніи дѣятельности и организаціи штабовъ. Здѣсь же, для достиженія возможной цѣльности изложенія обязанностей офицера генеральнаго штаба въ военное время, мы не можемъ обойти молчаніемъ и основныхъ чертъ его боевой роли.

Бой требуетъ высшаго напряженія энергіи и силъ всѣхъ его участниковъ. Представляя для занимающихъ боевую позицію войскъ иногда періоды нѣкотораго затишья, а для расположенныхъ въ дальнихъ резервахъ—длинные часы бездѣятельнаго ожиданія, для войсковыхъ штабовъ арміи, сосредоточенной для боя, послѣдній не можетъ давать отдыха. Тутъ содѣйствіе офицера генеральнаго штаба начальнику, при которомъ онъ состоитъ, болѣе нежели когда-либо необходимо. Содѣйствіе это должно выражаться въ непрерывномъ разъясненіи обстановки, неустанной поддержкѣ связи и сношеній по всѣмъ важнѣйшимъ направленіямъ и въ заблаговременной подготовкѣ данныхъ для возможныхъ распоряженій, изъ коихъ начальникъ изберетъ ему необходимыя. Важнѣйшія дѣйствія могутъ потребовать и личной рекогносцировки офицера генеральнаго штаба, хотя оставленіе имъ начальника на продолжительное время можетъ представлять и значительныя неудобства въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ на лицо второго офицера генеральнаго штаба.

Изъ частныхъ обязанностей офицера генеральнаго штаба въ бою необходимо упомянуть о систематическомъ сборѣ всѣхъ поступающихъ донесеній, сличеніи ихъ съ другими ранѣе поступившими и съ общими имѣющимися данными, веденіи журнала дѣйствій, наблюденіи за телеграфомъ и другими средствами сообщенія, удовлетвореніи особыхъ потребностей войскъ, вызываемыхъ боемъ или возникающихъ въ бою (доставка огнестрѣльныхъ припасовъ, отправка раненыхъ, расположеніе перевязочныхъ пунктовъ и пр.). Все это офицеръ генеральнаго штаба обязанъ принять на себя, чтобы по возможности поддержать исправность этого вида службы, обезпечивающей безпрепятственность и цѣлесообразность дѣйствій войскъ, а затѣмъ и для того, чтобы доставить начальнику возмож-

ность сосредоточиться исключительно на руководствѣ боемъ, самомъ важномъ и наиболѣе отвѣтственномъ актѣ на войнѣ.

Вопросъ о развѣдкахъ, производимыхъ генеральнымъ штабомъ, былъ бы не полонъ, если бы мы хотя вскользь не коснулись *добыванія и дополненія свѣдѣній путемъ распроса*. Дѣло это въ дѣйствительности не такъ просто, какъ оно кажется. Мѣстные жители раіона развѣдки или дѣйствій могутъ несомнѣнно дать очень полезныя разъясненія и указанія, но могутъ и ввести въ дорого стоющее заблужденіе намѣреннымъ или невольнымъ искаженіемъ истины. Для того, чтобы извлечь изъ нихъ пользу и избѣгнуть вреда, необходимо знать мѣстный языкъ или нарѣчіе, умѣть ставить вопросы и понимать или по крайней мѣрѣ догадываться объ интересахъ и отношеніяхъ отвѣчающихъ. Много ли найдется въ отрядѣ офицеровъ, сознательно подготовленныхъ къ разговору съ пограничнымъ жмудиномъ, литовцемъ, евреемъ? Вспомнимъ кстати, что не смотря на наше племенное родство съ болгарами, отряды наши на Балканскомъ полуостровѣ нерѣдко, въ случаѣ отсутствія переводчика, затруднялись сколько-нибудь сложными распросами и показаніями мѣстныхъ жителей.

Техническая сторона дѣятельности офицера генеральнаго штаба при всѣхъ упомянутыхъ положеніяхъ заключается въ составленіи набросковъ (кроки), описаній, замѣтокъ, распоряженій и донесеній. Условія, которымъ должны удовлетворить эти работы, сами по себѣ не сложны. Мы можемъ резюмировать ихъ такъ: ясность, простота, краткость, достовѣрность и своевременность. Однако, примѣненіе этихъ несложныхъ въ отдѣльности началъ къ практическимъ случаямъ дѣло далеко не легкое, требующее подготовки и практики. Первая лучше всего достигается прикладнымъ обученіемъ, т. е. разрѣшеніемъ нѣкотораго числа типичныхъ задачъ, а вторая входитъ уже въ область прохожденія службы генеральнаго штаба въ мирное время, такъ какъ нельзя допустить штабной военной практики безъ вполнѣ достаточной мирной подготовки.

Сложность, важность и отвѣтственность вопросовъ, которые возлагаются на офицера генеральнаго штаба въ теченіе военныхъ дѣйствій, естественно вызываютъ необходимость веденія личнаго журнала, замѣтокъ или записокъ, въ которыхъ сохранялись бы для памяти и справокъ факты и обстоятельства, съ означеніемъ времени ихъ обнаруженія и даже значенія по связи съ болѣе общими.

По многимъ соображеніямъ такія замѣтки и записки, частью

или даже полностью, полезно, а иногда и необходимо, излагать способомъ, непонятнымъ для другихъ или по крайней мѣрѣ требующимъ затраты значительнаго времени для разбора. Это обстоятельство приводитъ къ пользѣ знанія офицеромъ генеральнаго штаба важнѣйшихъ системъ *тайнописи* (криптографіи и стигматографіи), которая столь необходима и для сознательнаго отношенія къ служебной шифрованной и скрытной перепискѣ вообще [1]) Сюда же мы отнесемъ и пользу краткописи, *стенографіи*, которая, по сравненію съ обыкновеннымъ письмомъ, сокращаетъ мѣсто въ шесть разъ, а время въ пять разъ (100 словъ въ минуту вмѣсто обычныхъ 20).

Вспомнимъ кстати и о пользѣ *фотографіи*, представляющей часто документальное значеніе, превышающее во многихъ отношеніяхъ всѣ другія доказательства. Распространіе ея въ послѣднее время сдѣлало такіе успѣхи, что ею пользуются уже почти на всемъ земномъ шарѣ какъ общедоступнымъ средствомъ. Укажемъ на услугу, оказанную фотографіею туркамъ въ международномъ спорѣ по вопросу о томъ, кто первыми перешли государственную оессалійскую границу при самомъ началѣ послѣдней греко-турецкой распри. Моментальный фотографическій снимокъ, сдѣланный на мѣстѣ дѣйствія однимъ турецкимъ поручикомъ, послужилъ неоспоримымъ доказательствомъ противъ грековъ и доставилъ ему щедрую награду со стороны султана Абдулъ-Гамида.

Вышеприведенный очеркъ дѣятельности офицера генеральнаго штаба имѣетъ въ виду обстановку полевой войны. Полагаемъ умѣстнымъ дополнить его краткимъ очеркомъ обязанностей въ *позиціонной, крѣпостной* (наблюденіе дальнее и ближнее, обложеніе, штурмъ, осада), *береговой* и *горной* войнахъ, составляющихъ собственно какъ бы частные случаи войны въ обширномъ смыслѣ слова.

Войны *позиціонная и крѣпостная* заключаютъ въ себѣ несомнѣнный признакъ матеріальной или моральной слабости одной

---

[1]) Криптографія, какъ видно изъ существующихъ на нѣмецкомъ языкѣ руководствъ, преподается теоретически въ вѣнской военной школѣ. Въ видѣ примѣра пользы примѣненія криптографіи къ обыденнымъ военнымъ потребностямъ, укажемъ на систему шифрованной телеграфной переписки германскаго экспедиціоннаго корпуса въ Китаѣ съ родиною. Введеніе этого пріема, своевременно оповѣщеннаго всѣми газетами, дозволило значительно сократить время и издержки на телеграфныя сношенія.

изъ враждебныхъ сторонъ, рѣшающейся посему перейти на болѣе или менѣе продолжительное время къ оборонѣ и выжиданію, задерживая наступленіе непріятеля артилеріею возможно тяжелаго калибра и средствами инженернаго искусства. Задача активной стороны, наступающей, сводится по существу къ возможно *вѣрной оцѣнкѣ значенія противопоставленныхъ ей препятствій* и къ разсчету соотвѣтственнаго способа дѣйствій для скорѣйшаго достиженія своей цѣли.

Вслѣдствіе сего офицеры генеральнаго штаба, какъ при обороняющемся, такъ и при наступающемъ отрядахъ, одинаково должны быть ознакомлены со значеніемъ и свойствами артилеріи тяжелаго калибра, укрѣпленій, проволочныхъ и иныхъ препятствій, средствъ для сообщенія и т. п. Собственно при обширности современныхъ полей сраженія и затруднительности рекогносцировокъ, которыя иногда необходимо должны быть производимы съ весьма дальняго разстоянія (въ войну 1877 года одна изъ рекогносцировокъ Плевненскихъ укрѣпленій была произведена съ разстоянія около девяти верстъ), трудно предсказать, гдѣ и когда полевыя дѣйствія могутъ перейти въ позиціонныя, а иногда даже и въ крѣпостныя. Такой переходъ отнюдь не долженъ затруднять офицера генеральнаго штаба новизною обстановки или незнакомствомъ со встрѣченнымъ средствомъ противодѣйствія или способомъ его примѣненія. Фельдмаршалъ Мольтке, въ бытность начальникомъ германскаго генеральнаго штаба, весьма часто упражнялъ своихъ офицеровъ въ рѣшеніи задачъ позиціонной и крѣпостной войны [1]).

Вынужденная осторожность наступленія при позиціонной и крѣпостной войнѣ,—причемъ разстояніе малаго перехода, 10—15 верстъ, требуетъ иногда нѣсколькихъ недѣль и даже мѣсяцевъ,—сильно повышаетъ значеніе элемента мѣстности. Вѣрная ея оцѣнка, до малѣйшихъ закрытій включительно, есть важнѣйшая задача офицера генеральнаго штаба наступающаго отряда. Необходимо помнить, что при хорошей оборонѣ всѣ ошибки наступающаго въ оцѣнкѣ мѣстности могутъ приводить къ самымъ чувствительнымъ его потерямъ и притомъ въ самое короткое время, такъ какъ все протяженіе на дальность выстрѣла впереди оборонительной линіи

[1]) Существуетъ одна изъ такихъ задачъ, въ коей Мольтке, въ противность мнѣнію рѣшавшихъ и принявъ во вниманіе превосходство моральнаго элемента наступающаго, рѣшилъ расположить резервъ не въ двухъ групахъ, а въ одной, оставивъ одинъ изъ флангонъ безъ непосредственной поддержки.

заранѣе изучено оборономъ и даже размѣчено (мѣстность представляетъ собою какъ бы крапленыя карты въ рукахъ одной изъ сторонъ). Въ подтвержденіе сказаннаго, достаточно вспомнить о потеряхъ наступавшей стороны подъ С.-Прива въ 1870 г. и подъ Плевною въ 1877 году. Оцѣнка мѣстности обороняющимся, столь важная какъ мы видѣли выше, хотя и представляетъ также задачу офицера генеральнаго штаба, но будучи произведена заблаговременно въ условіяхъ мирнаго времени многими лицами, при пособіи подробныхъ (секретныхъ) картъ и будучи также заблаговременно извѣстна обороняющимся войскамъ,—не можетъ быть поставлена въ личную заслугу офицера генеральнаго штаба въ той же мѣрѣ, что на сторонѣ наступающаго.

Береговая война (въ прибрежныхъ крѣпостяхъ и внѣ ихъ) требуетъ знакомства и съ основными свойствами судовой артилеріи, десанта, подводныхъ минъ и другихъ средствъ прибрежной обороны. Задача штабовъ прибрежной крѣпости и сухопутнаго отряда береговой обороны заключается, главнымъ образомъ, въ искусствѣ развернуть возможно болѣе значительныя силы (артилеріи и пѣхоты) на извѣстномъ пунктѣ и въ извѣстное время, что необходимо требуетъ, сверхъ знанія свойствъ этихъ силъ, еще и полнаго знакомства со всѣми имѣющимися средствами сообщенія.

Въ *горной* войнѣ на первый планъ выступаютъ трудности мѣстности и частныя свойства ея рельефа, представляющія большое разнообразіе. Тутъ отъ офицера генеральнаго штаба требуется основательное пониманіе этихъ свойствъ, какъ въ пассивномъ, такъ и въ активномъ отношеніи. Пониманіе это неизбѣжно связано и со способностью къ хорошему запоминанію (которое у горцевъ составляетъ прирожденную способность, крайне облегчающую для нихъ ориентировку).

Практическое разрѣшеніе всѣхъ очерченныхъ выше вкратцѣ задачъ офицера генеральнаго штаба, кромѣ соотвѣтствующихъ знаній, требуетъ еще, разумѣется, несокрушимой энергіи, прочнаго здоровья, хорошаго зрѣнія [1]), легкости въ ориентировкѣ на

---

[1]) По возвращеніи, въ началѣ этого года, въ Лондонъ бывшаго главнокомандующаго великобританскими силами въ Наталѣ, лорда Буллера, онъ былъ чествуемъ обѣдомъ, за коимъ, въ отвѣтной рѣчи на обращенныя къ нему привѣтствія, онъ указалъ на слѣдующія два неоспоримыя превосходства буровъ надъ англичанами. Во-первыхъ, *зрѣніе* буровъ въ среднемъ на три мили (около пяти верстъ) превосходитъ дальность зрѣнія англичанъ, вслѣдствіе чего послѣд-

любой мѣстности, привычки къ верховой ѣздѣ, знанія лошади и ухода за нею.

Лучшею школою для пріобрѣтенія всѣхъ требуемыхъ качествъ является непрерывное упражненіе.

Безъ такого непрерывнаго упражненія, офицеръ генеральнаго штаба не можетъ поддерживать на должной высотѣ свои основныя качества и способности, а именно: *лучшаго военнаго развѣдчика и необходимаго пособника начальнику въ подготовкѣ и разработкѣ всѣхъ необходимыхъ для жизни и дѣйствія войскъ распоряженій.*

Продолжающіяся еще нынѣ военныя дѣйствія въ Южной Африкѣ обнаружили, что великобританская армія не располагала генеральнымъ штабомъ, по крайней мѣрѣ, достаточнымъ и достаточно подготовленнымъ. Вслѣдствіе этого, въ продолженіе дѣйствій пришлось съ большимъ трудомъ и потерею времени разыскивать спеціалистовъ охотниковъ и развѣдчиковъ въ Канадѣ и въ Австраліи и перевозить ихъ въ Африку. Само собою разумѣется, что, оказавъ посильное содѣйствіе великобританскому генеральному штабу, они не смогли восполнить его недостатковъ.

Непосредственное наблюденіе за непріятелемъ далеко не всегда бываетъ возможно; сверхъ того оно одно не можетъ быть полнымъ и даже должно быть провѣряемо и пополняемо всѣми доступными подручными средствами.

Какъ искусный фехтовальщикъ непрестанно слѣдитъ глазомъ за малѣйшими движеніями своего противника и заботится о непрерывномъ поддержаніи соприкосновенія съ нимъ концомъ своего клинка, также точно и въ разнообразныхъ проявленіяхъ войны *наблюденіе за непріятелемъ*, изученіе его, не должно прекращаться ни на одну минуту.

Вслѣдствіе этого при войскахъ, находящихся въ полѣ, должна быть установлена возможно широкая организація развѣдывательной службы, въ томъ числѣ и *скрытной, тайной*.

Служба эта естественно должна имѣть нѣкоторое начало въ подготовкѣ мирнаго времени; здѣсь, однако, мы будемъ имѣть въ виду лишь конечныя цѣли этой службы, ея соотвѣтствіе военнымъ потребностямъ.

ніе были какъ бы окружены полосою въ три мили шириною, въ которой они ничего не видѣли, но въ которой сами были видимы. Во-вторыхъ, буры, знакомые съ языкомъ мѣстныхъ кафровъ, благодаря этому имѣли всегда всѣ свѣдѣнія объ англичанахъ.

Достаточно лишь просмотрѣть писанія Фридриха II и Наполеона I и ознакомиться, хотя бы бѣгло, съ фактами послѣднихъ войнъ, какъ въ Европѣ, такъ и внѣ ея (англо-бурская война), чтобы убѣдиться въ томъ, какое огромное значеніе во всѣ времена, а особливо въ глазахъ великихъ полководцевъ, имѣли хорошая постановка и достаточное развитіе развѣдывательной службы, въ томъ числѣ и *тайной*, и какъ тщательно послѣдняя подготовлялась ими въ мирное время для будущихъ, иногда даже еще отдаленныхъ военныхъ цѣлей. Вспомнимъ хотя бы пользу, извлеченную Фридрихомъ II передъ началомъ Семилѣтней войны, изъ сообщеній совѣтника австрійской службы Мальтцана.

Трудность службы тайныхъ агентовъ, которые должны присутствовать вездѣ и притомъ такъ, чтобы присутствіе ихъ нигдѣ не было замѣтно, крайне тяжела сама по себѣ, а если вспомнить о мздѣ, которая ихъ ожидаетъ въ случаѣ неудачи, то легко понять, что побудительныя причины, могущія заставить кого-либо принять на себя такія обязанности, въ огромномъ большинствѣ случаевъ должны быть крайними. Такими крайностями являются: либо пламенный патріотизмъ, не находящій себѣ выхода въ дѣйствіяхъ съ оружіемъ въ рукахъ, либо гнетущая нужда, либо вынудительныя причины, къ которымъ любилъ прибѣгать Фридрихъ II (арестъ семейства и имущества и угроза разстрѣлянія).

Соотвѣтственно тому, типы, кругъ дѣятельности, предметъ изслѣдованія и способы сообщенія свѣдѣній тайныхъ агентовъ безконечно разнообразны. Духовные, земледѣльцы, торговцы, путешественники, дамы, прислуга, нищіе, офицеры въ различныхъ видахъ: шарманщиковъ, разносчиковъ, служащихъ въ гостиницахъ и проч.—всѣ могутъ принести пользу, часто даже неоцѣнимую содѣйствіемъ своимъ къ прорыву того покрова тайны и загадочности, который скрываетъ отъ насъ не только намѣренія непріятеля, ни въ чемъ осязаемомъ еще не проявленныя, но часто даже и такія его дѣйствія, которыя уже развиты на большомъ пространствѣ и вполнѣ явны въ мѣстахъ ихъ совершенія. Такъ напримѣръ, тыловыя распоряженія, вродѣ отправки по желѣзнымъ дорогамъ громадныхъ запасовъ къ тому или другому пункту расположенія арміи на границѣ, имѣютъ громадное значеніе для разъясненія направленія предстоящихъ операцій, между тѣмъ никакія открытыя развѣдки, направленныя съ фронта дѣйствій, не въ состояніи раскрыть этихъ приготовленій и дѣйствій, для всѣхъ очевидныхъ на станціяхъ нагрузки.

Организація тайныхъ развѣдокъ, соотвѣтственность системы наблюденія относительной важности различныхъ пунктовъ и раіоновъ, способы обезпеченія своевременности полученія свѣдѣній, оцѣнка ихъ и, разумѣется, подготовка всего необходимаго въ мирное время, есть одна изъ важнѣйшихъ обязанностей генеральнаго штаба.

Книга подполковника Клембовскаго: «тайныя развѣдки, военное шпіонство» (1892) представляетъ весьма хорошую попытку обработки имѣющагося литературнаго матеріала. Тутъ немало весьма наглядно изложенныхъ и поучительныхъ примѣровъ изъ всѣхъ эпохъ, не исключая и новѣйшей: добавимъ лишь, что въ данную минуту поучительность книги не можетъ быть уже признана вполнѣ достаточной, такъ какъ она закончена до появленія въ печати крайне любопытныхъ свѣдѣній, разоблаченныхъ нѣсколькими происходившими недавно громкими судебными разбирательствами. Извлеченіе изъ этихъ судебныхъ документовъ поученій по вопросу о тайныхъ развѣдкахъ само по себѣ наполнило бы цѣлый томъ.

Такъ какъ мы здѣсь собственно вовсе не имѣемъ въ виду вдаваться въ подробности вопроса о тайныхъ развѣдкахъ, оставаясь лишь на почвѣ непосредственныхъ отношеній ихъ къ службѣ генеральнаго штаба, то мы отсылаемъ желающихъ ознакомиться съ самымъ вопросомъ къ названной нами книгѣ и къ упомянутымъ документамъ, а здѣсь позволимъ себѣ сдѣлать только нѣсколько слѣдующихъ замѣчаній.

Если прочитавшіе какое-либо изслѣдованіе или документы о тайномъ шпіонствѣ предположатъ, что они извлекли оттуда нѣчто обличительное по отношенію къ порядку тайной развѣдывательной службы, существующей въ данную минуту гдѣ-либо, то они ошибутся, такъ какъ нѣтъ ничего болѣе измѣнчиваго и скоро преходящаго въ своихъ частныхъ проявленіяхъ, чѣмъ эта служба. Постоянные агенты или даже агенты, служащіе въ теченіе продолжительнаго времени, представляютъ большое исключеніе. Это вообще лишь немногочисленныя, болѣе или менѣе надежныя и разбросанныя опорныя точки всей системы. Чѣмъ лучше ихъ служба, тѣмъ менѣе подчиняется она правильному и осязательному контролю и стороннему наблюденію. Прочія дѣйствующія въ тайной развѣдкѣ лица являются болѣе или менѣе случайными и нерѣдко даже болѣе или менѣе безсознательными разоблачите-

лями и раскрывателями какой-либо тайны, какого-либо цѣннаго свѣдѣнія.

Затѣмъ, упомянутыя судебныя разбирательства еще разъ подтвердили, что надежность свѣдѣній, въ отношеніи внутренней ихъ основательности, требуетъ непремѣнно, чтобы центръ организаціи тайной развѣдки и контроль результатовъ находились въ рукахъ генеральнаго штаба. Само собою разумѣется, что это участіе генеральнаго штаба въ организаціи тайныхъ развѣдокъ и, быть можетъ, отчасти даже въ выполненіи, существенно необходимо также и для возможнаго поддержанія гарантіи истины и нравственнаго начала въ этомъ дѣлѣ.

Въ нѣкоторыхъ арміяхъ существуютъ постановленія, обязывающія каждаго военно-служащаго доводить до свѣдѣнія начальства обо всемъ, извѣстномъ ему относительно непріятеля. Въ германской арміи такимъ донесеніемъ обязанъ каждый, возвратившійся изъ-за границы (собственно это составляетъ обязанность даже каждаго германскаго подданнаго).

Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о тайныхъ шпіонахъ, какъ особый, мы отнюдь не отстранили тѣмъ самымъ вопроса о необходимости для офицера генеральнаго штаба возможно хорошаго *общаго знакомства со скрытными средствами, употребляемыми для разъясненія военной обстановки*.

Средства эти до крайности разнообразны и шпіоны составляютъ собственно лишь нѣкоторую ихъ часть. Перечислимъ здѣсь на удачу нѣсколько важнѣйшихъ изъ упомянутыхъ средствъ.

Самому тщательному наблюденію вездѣ и всегда подлежатъ средства, служащія для *перемѣщенія людей, передачи свѣдѣній* и *перевозки грузовъ*. Въ этомъ отдѣлѣ средствъ необходимъ возможно болѣе ясный отчетъ въ существующемъ передвиженіи путешественниковъ: нормальномъ, временномъ, вызываемомъ какими-либо особыми причинами, торговомъ, административномъ и пр. На всѣхъ важнѣйшихъ путяхъ, особенно на желѣзныхъ дорогахъ, существуетъ постоянное наблюденіе, явное и тайное [1]).

Соотвѣтствующія свѣдѣнія получаются, разумѣется, при посредствѣ административныхъ властей. Офицеръ генеральнаго шта-

---

[1]) Въ дѣйствительности средства эти проявляются въ самомъ разнообразномъ видѣ. Такъ напримѣръ, есть указанія на существованіе системы заблаговременной подготовки наблюденій въ заграничныхъ районахъ при посредствѣ агентовъ, занимающихъ различныя, преимущественно высшія, должности въ гостиницахъ. Такая сѣть наблюденій именуется Hoteliers-System.

ба долженъ, однако, быть въ состояніи быстро освоиться со свѣдѣніями этого рода вездѣ, гдѣ бы ни пришлось ему быть со своимъ отрядомъ и даже немедленно возбудить вопросъ о такихъ мѣропріятіяхъ, какія должны быть вновь приняты по даннымъ военнымъ соображеніямъ.

Настроеніе мѣстныхъ жителей, отношеніе ихъ къ войскамъ и къ вопросу, изъ-за котораго ведется война, имѣетъ первостепенное значеніе въ дѣлѣ снабженія войскъ свѣдѣніями объ обстановкѣ непріятеля и сокрытія отъ него данныхъ, относящихся къ положенію другой стороны. Различные классы жителей и различныя племена, входящія въ составъ населенія, могутъ относиться къ данному вопросу и даннымъ войскамъ весьма различнымъ образомъ. Торговый классъ и духовенство чаще всего являются представителями достаточно опредѣленныхъ интересовъ. Нейтральныя государства, прилегающія къ границѣ, охваченной войною, неизбѣжно становятся полемъ соревнованія средствъ скрытной развѣдки обѣихъ сторонъ, ведущихъ войну.

Облегченіемъ для офицера генеральнаго штаба вѣрнаго рѣшенія при всѣхъ такихъ сложныхъ вопросахъ является, по возможности, нѣкоторая практика въ наблюденіи и ознакомленіи съ чуждою обстановкою. Въ этомъ именно соображеніи коренится, повидимому, одна изъ существенныхъ причинъ, побуждающихъ нѣкоторые генеральные штабы къ усиленному посѣщенію заграничныхъ раіоновъ, причемъ, однако, прямою задачею ставится ознакомленіе съ языкомъ страны, нѣкоторыми мѣстными вопросами, желѣзнодорожными и т. п.

Перебѣжчики и *плѣнные* неизбѣжно приносятъ съ собою свѣдѣнія, а появленіемъ своимъ и разсказами такъ или иначе вліяютъ на войска и мѣстныхъ жителей. Распросы перебѣжчиковъ и плѣнныхъ, по возможности безъ посредства переводчика, заключенія изъ этихъ распросовъ, необходимыя сообщенія и соображенія о направленіи и призорѣ перебѣжчиковъ и плѣнныхъ представляютъ собою цѣлый рядъ задачъ, къ которымъ офицеръ генеральнаго штаба долженъ быть хорошо подготовленъ.

Воздухоплаваніе принимаетъ все бо́льшее и бо́льшее распространеніе и дѣлаетъ техническіе успѣхи, которые позволяютъ разсчитывать на удовлетворительное разрѣшеніе вопроса объ управленіи воздушнымъ полетомъ [1]). Знакомство со способами примѣ-

[1]) Назовемъ опыты изобрѣтателей: русскаго К. Я. Даниловскаго, французскихъ Ренара и Сантосъ-Дюмона и германскаго гр. Цеппелина.

нія существующихъ воздушныхъ шаровъ для военныхъ наблюденій и развѣдокъ и, въ нужныхъ случаяхъ, даже роли наблюдателя и развѣдчика суть также обязанности офицера генеральнаго штаба.

Почтовые голуби, которые служили военнымъ цѣлямъ въ древности и въ средніе вѣка, только лишь въ недавнее время снова признаны полезнымъ вспомогательнымъ средствомъ военнаго сообщенія. Нынѣ приграничныя полосы всѣхъ европейскихъ государствъ покрыты болѣе или менѣе густою сѣтью станцій голубиной почты, военныхъ и частныхъ, присоединяемыхъ къ военнымъ при объявленіи мобилизаціи на основаніи особыхъ узаконеній и уставовъ. Знакомство съ непріятельскою сѣтью и ея особенностями по сравненію съ отечественною есть непремѣнная задача офицера генеральнаго штаба.

Безпроводное электрическое телеграфированіе установилось уже въ видѣ достаточно надежнаго средства для морскихъ и прибрежныхъ сообщеній, на разстояніи до 75—90 миль. Успѣхи техники въ этомъ направленіи и, между прочимъ, построенная уже извѣстнымъ изобрѣтателемъ Эдисономъ самодвижущаяся (аккумуляторная) станція для безпроводнаго электрическаго телеграфированія на сухомъ пути, а также парижскіе опыты полковника Пилсудскаго дозволяютъ разсчитывать на возможность, въ ближайшемъ будущемъ, считаться съ этимъ средствомъ также и для связи крѣпостей съ внѣшнею мѣстностью и даже отрядовъ полевыхъ войскъ между собою.

Признаки, по которымъ можно, предпочтительно передъ другими, судить о намѣреніяхъ и рѣшеніяхъ непріятеля, издревле обращали на себя большое вниманіе полководцевъ. Въ наше время такіе внѣшніе признаки поддаются наблюденію лишь съ большимъ трудомъ и притомъ являются болѣе условными, такъ какъ современныя арміи занимаютъ сравнительно очень большія площади и, за исключеніемъ боевыхъ столкновеній, т. е. времени, когда намѣренія уже опредѣлились, находятся въ разстояніи нѣсколькихъ переходовъ. Впрочемъ, признаки эти не лишены значенія и нынѣ, особенно при выжидательномъ положеніи двухъ враждебныхъ отрядовъ въ позиціонной или крѣпостной войнѣ.

Фридрихъ II говорилъ, что намѣренія непріятеля при открытіи кампаніи лучше всего могутъ быть обнаружены по сдѣланному имъ выбору пунктовъ для расположенія запасовъ продовольствія. Теперь сѣть желѣзныхъ дорогъ значительно измѣнила

этотъ вопросъ. «Если», говоритъ Фридрихъ, «австрійцы должны двинуться и сдѣлать переходъ, то ихъ намѣреніе не трудно угадать, такъ какъ у нихъ постановлено правиломъ, что передъ выступленіемъ должна быть производима варка. Итакъ, если часовъ въ 5—6 утра замѣтно много дыма на ихъ бивакахъ, то можно биться о закладъ, что они предпримутъ движеніе въ тотъ же день. Каждый разъ, когда австрійцы намѣрены дать сраженіе, они привлекаютъ къ главнымъ силамъ всѣ передовые отряды легкихъ войскъ; поэтому, если будетъ замѣченъ этотъ признакъ, то необходимо быть на сторожѣ. Если мы атакуемъ австрійскій постъ изъ венгерскихъ войскъ и этотъ постъ держится хорошо, то слѣдуетъ непремѣнно заключить, что австрійская армія находится по близости и посты увѣрены въ ея готовности поддержать ихъ. Я прибавлю къ этому, говоритъ Фридрихъ, что если непріятель выставляетъ противъ васъ все одного и того же генерала, то вы легко можете изучить его способы и угадывать его намѣренія по его привычкамъ и методамъ».

Эти указанія Фридриха II могутъ служить хорошимъ намекомъ и на пользу разработки этихъ вопросовъ при современныхъ условіяхъ. Для сего необходимо знать уставы, инструкціи и способы ихъ примѣненія въ мирное время въ непріятельской арміи; весьма полезно познать ея духъ въ его разнообразныхъ проявленіяхъ; составъ по національностямъ и пр. противныхъ войскъ, главную характеристику начальствующихъ лицъ, штабовъ и пр. Примѣры повсемѣстнаго наблюденія этихъ вопросовъ въ мирное время могутъ быть нерѣдко встрѣчены и въ литературѣ. Пруссаки начали изучать французскую армію въ кампанію 1859 г. и отмѣтили себѣ уже тогда главную черту дѣйствій этой арміи: переходы не болѣе 15-ти верстъ при сравнительно незначительномъ составѣ колонны и безъ соблюденія маршевой дисциплины. Болѣе современнымъ примѣромъ можетъ служить назначеніе въ составъ штаба графа Вальдерзее въ Китаѣ одного штабъ-офицера генеральнаго штаба, предназначеннаго спеціально для наблюденія за снаряженіемъ, вооруженіемъ, способами снабженія, дѣйствія и пр. войскъ союзныхъ отрядовъ. Вообще вопросъ этотъ въ настоящее время сложнѣе, обширнѣе и условнѣе, нежели былъ прежде, но важность изученія его оттого врядъ-ли уменьшилась.

Къ этому же отдѣлу мы должны отнести и вопросъ объ умѣніи различать и понимать значеніе *слѣдовъ, оставленныхъ непріятельскими войсками* (слѣды биваковъ, давность ихъ, состояніе

здоровья, порядокъ, способы ковки и состояніе подковъ [1]), состояніе обуви, численность отдѣльныхъ родовъ оружія, заключеніе о намѣреніяхъ, какія имѣлись при данномъ расположеніи) и т. д.

Стратагемы или военныя хитрости. Общая цѣль ихъ—ввести непріятеля въ заблужденіе, заставивъ его воображать и видѣть не то, что есть и видно на самомъ дѣлѣ, а то, что выгодно намъ, что такъ или иначе содѣйствуетъ нашимъ видамъ.

Фридрихъ II выражаетъ это такъ: «на войнѣ пользуются и шкурою льва и шкурою лисицы, одною ради другой. Хитрость часто удается тамъ, гдѣ сила потерпитъ неудачу. Такимъ образомъ, совершенно необходимо пользоваться обоими средствами; надо помнить, что насиліе можетъ быть часто отражено открытою силою, за то иногда сила бываетъ вынуждена отступить передъ хитростью».

Различные виды военной хитрости безконечны. Если мы начнемъ съ Троянскаго коня и перейдемъ къ современнымъ ея проявленіямъ, то опять-таки убѣдимся въ значительномъ осложненіи и затрудненіи дѣла къ настоящему времени.

Главными современными средствами служатъ: примѣненіе всевозможныхъ *масокъ* (оптическіе обманы иногда являются самыми надежными; современная англо-бурская война представляетъ многочисленные тому примѣры), *демонстрацій* (ложныя движенія, ложныя дѣйствія, ложные артилерійскіе выстрѣлы, ложный ружейный дымъ, такъ называемыя дымныя завѣсы, ложные слухи, ложные *документы*—Макъ подъ Ульмомъ вѣрилъ, что французы отступаютъ).

Всѣ эти средства являются, однако, по преимуществу удѣломъ болѣе слабой стороны. Фридрихъ II говоритъ: «если мы не намѣрены вступать въ бой, то надо стараться казаться сильнѣе, чѣмъ мы есть и затѣмъ ничего не дѣлать, стараясь поддерживать впечатлѣніе своей грозности. Австрійцы въ этомъ дѣлѣ настоящіе

---

[1]) Извѣстный живописецъ В. В. Верещагинъ недавно опубликовалъ въ газетахъ, со словъ одного морского офицера, долго плававшаго въ восточныхъ водахъ, на сколько хорошо японскій генеральный штабъ былъ подготовленъ къ обстановкѣ дѣйствій въ Китаѣ. Такъ, когда въ Таку, послѣ дождливой погоды, нѣсколько офицеровъ разныхъ національностей, замѣтивъ на дорогѣ слѣды лошадиныхъ копытъ, не могли рѣшить, какая кавалерія прошла тамъ, присутствовавшій японскій офицеръ, въ подтвержденіе своихъ словъ, вынулъ изъ кармана маленькую линейку со шкалою и, приложивъ ее къ слѣдамъ на грязи, съ увѣренностью сказалъ, что прошли французскія войска. Оказалось, что въ японскомъ штабѣ была извѣстна средняя мѣра подковъ разныхъ войскъ.

мастера и у нихъ для этого дѣла есть школа, въ которой можно выучиться многому».

Мы позволимъ себѣ добавить къ этимъ незабвеннымъ словамъ великаго полководца, что такія школы существуютъ и по-нынѣ и несомнѣнно представляютъ много полезнаго для изученія. Признаки существованія этихъ школъ усматриваются уже и по литературнымъ ихъ проявленіямъ.

Во всякомъ случаѣ, офицеру генеральнаго штаба при рекогносцировкахъ, выборѣ позицій для своего отряда и тому подобныхъ случаяхъ, далеко не излишне быть въ состояніи соображаться съ разными повадками непріятеля.

Обобщая намѣченные нами выше вопросы въ отношеніи ихъ къ искусству генеральнаго штаба, мы должны отмѣтить, что въ дѣйствительной обстановкѣ опредѣленность раздѣльной черты между открытою и скрытною развѣдками нерѣдко значительно сглаживается. Въ сущности, одна служитъ лишь дополненіемъ и повѣркою другой и, въ сколько нибудь важныхъ случаяхъ, нельзя отказываться отъ одновременнаго и совмѣстнаго примѣненія всѣхъ подручныхъ средствъ развѣдки и наблюденія.

Наблюденія, производимыя офицеромъ генеральнаго штаба, необходимо должны опираться на хорошую какъ практическую, такъ и теоретическую подготовку. Эта послѣдняя должна быть достаточна для сознательнаго выбора и примѣненія средствъ, какія только могутъ быть предложены уровнемъ современныхъ знаній и техники. Совершенство наблюденія, производимаго офицеромъ генеральнаго штаба, обусловлено въ значительной степени, помимо свойства его чувствъ и способностей, еще и достаточностью умственнаго и научнаго кругозора. Только наблюденіе, понимаемое не какъ исключительно физическая способность, но какъ совокупность ея съ необходимыми умственными данными, можетъ имѣть притязаніе на сколько нибудь совершенное, которое не только *вѣрно видитъ*, но и *правильно предвидитъ* (заключаетъ) хотя бы лишь на короткое время впередъ.

Только тотъ офицеръ генеральнаго штаба, который обладаетъ такою совокупною способностью, можетъ служить своему отряду надежнымъ обезпеченіемъ отъ случайностей и неожиданностей со стороны внѣшней обстановки.

Признаніе же отрядомъ хорошихъ качествъ своего офицера генеральнаго штаба есть данная высокаго моральнаго значенія.

III.

Современная быстрота возможнаго открытія военныхъ дѣйствій и чрезвычайная сложность соображеній и данныхъ, на которыхъ основана подготовка этихъ дѣйствій въ мирное время обусловливаютъ весьма значительныя требованія отъ войсковыхъ начальниковъ, въ особенности высшихъ степеней.

Требованія эти сводятся, главнымъ образомъ, къ знакомству съ множествомъ отдѣльныхъ распоряженій и пріемовъ, изъ которыхъ слагаются: мобилизація, изготовленіе къ военнымъ дѣйствіямъ и передвиженія для сосредоточенія къ границѣ и выполненія извѣстной первоначальной тактической задачи.

Постоянное поддержаніе въ порядкѣ этого сложнаго механизма, въ мирное время выражаемаго значительнымъ объемомъ различныхъ распоряженій и разнообразныхъ матеріальныхъ запасовъ, требуетъ отъ всѣхъ отдѣльныхъ органовъ силъ, превышающихъ способности одного человѣка, а сверхъ того и спеціальныхъ знаній, составляющихъ нынѣ особую военно-административную и оперативную технику.

Вотъ почему при высшихъ войсковыхъ соединеніяхъ необходимо должны состоять *штабы*, долженствующіе содѣйствовать начальникамъ въ достиженіи общаго единства дѣйствій, а въ составѣ этихъ штабовъ, особливо же высшихъ, встрѣчается болѣе или менѣе значительное число офицеровъ спеціально для того подготовленныхъ, т. е. офицеровъ генеральнаго штаба.

Цѣлесообразность и внутренняя безпрепятственность предположенныхъ дѣйствій войскъ обезпечиваются тремя элементами: сильною *командною властью*, искуснымъ и просвѣщеннымъ *управленіемъ* и тщательностью *военно-административной службы*.

Первая—власть предоставляется всецѣло начальникамъ, почти исключительно даже единолично, второе — управленіе вырабатывается штабами, преимущественно генеральнымъ штабомъ, въ видахъ, устанавливаемыхъ властью, а третья, смотря по основамъ устройства данной арміи,—распредѣляется между штабами, войсковыми частями и различными административными органами въ весьма разнообразномъ сочетаніи въ каждой арміи, а въ различныхъ арміяхъ въ особенности.

При этомъ дѣятельность какъ штабовъ, такъ и административныхъ органовъ, должна всемѣрно облегчать самое важное отправ-

леніе, а именно принадлежащее командной власти, долженствующей являться всегда правильною равнодѣйствующею всѣхъ сложныхъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ, изъ коихъ слагается войсковой организмъ и коими обусловливается обстановка его дѣйствій.

«Если», говоритъ Тьебо, «природа и производитъ иногда необычайныхъ людей, которые какъ бы умножаются сами въ себѣ, овладѣвая одновременно и командованіемъ, и управленіемъ армій, тѣмъ не менѣе, вполнѣ вѣрно, что человѣческихъ силъ не хватаетъ для совмѣщенія, какъ того размышленія, которое вызывается кругомъ потребностей обширнаго командованія, такъ и того вниманія къ частностямъ, которое необходимо для выполненія предначертаній и которое обыкновенно требуетъ безпрерывныхъ исправленій и измѣненій.

«Возможно, что начальникъ обниметъ сразу и совмѣстно какъ высшія соображенія, составляющія его исключительный удѣлъ, такъ и мелочи ихъ выполненія, но возможно также, что послѣднія онъ предоставитъ всецѣло своему штабу. Первый случай предполагаетъ выдающіяся, быть можетъ даже геніальныя способности; второй случай, болѣе обычный, долженъ почитаться нормальнымъ, такъ какъ онъ обезпечиваетъ арміи извѣстную *среднюю дѣйствительность всѣхъ отдѣльныхъ частей ея организаціи*».

Въ связи съ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, современное представленіе объ управленіи арміею, столь отвѣтственномъ и столь многосторонемъ, возвысилось до степени особой теоріи едва ли не самой трудной изъ всѣхъ прочихъ военныхъ, отъ степени совершенства которой непосредственно зависитъ быстрота и точность выполненія плановъ и идей, вырабатываемыхъ и представительствуемыхъ начальниками. Отъ слабости и несовершенства штабнаго устройства происходятъ военныя крушенія и народныя бѣды, какъ то наглядно доказано нѣкоторыми историческими событіями второй половины прошлаго вѣка.

Какое бы число чиновъ ни входило въ составъ штабовъ, во всякомъ случаѣ, одинъ изъ этихъ чиновъ долженъ стоять во главѣ соотвѣтствующихъ задачъ, долженъ быть начальникомъ штаба; онъ обязанъ отожествлять собою сущность этихъ задачъ и сердцемъ, и умомъ своимъ одухотворять ихъ, давать имъ жизнь и истинную содержательность.

Посмотримъ, какимъ именно *качествамъ долженъ удовлетворять вообще начальникъ штаба:* высшаго въ бо́льшей мѣрѣ, вто-

ростепенныхъ штабовъ въ соотвѣтственно сокращенныхъ размѣрахъ.

Вотъ что говоритъ по этому вопросу генералъ Тьебо.

«Талантъ оцѣнивать людей и употреблять ихъ соотвѣтственно способностямъ есть безспорно одинъ изъ самыхъ необходимыхъ для главнокомандующаго, слава котораго находится въ столь тѣсной зависимости отъ способа выполненія его распоряженій. Первое и самое значительное доказательство этого таланта, какое только онъ можетъ проявить передъ лицомъ арміи—это искусный выборъ начальника своего штаба. Послѣ главнокомандующаго, начальникъ его штаба есть лицо, которое можетъ доставить арміи наиболѣе блага своими способностями или наиболѣе зла своимъ несоотвѣтствіемъ.

«Въ служебномъ отношеніи, начальникъ штаба обязанъ провести въ жизнь все, что затѣяно главнокомандующимъ, изложить и передать къ исполненію все, что имъ задумано. Также точно, начальникъ штаба обязанъ сообщать главнокомандующему все, что по его предположенію можетъ соотвѣтствовать интересамъ арміи.

«Начальникъ штаба обязанъ оказывать самое живое вниманіе ко всѣмъ потребностямъ арміи, не чуждаясь ни одной изъ нихъ. Предъ государствомъ онъ обязанъ наблюденіемъ за выполненіемъ въ арміи всѣхъ законовъ страны, по скольку они совмѣстимы съ обстановкою войны.

«Однако, для того, чтобы достойно выполнять эти обязанности, необходимо, при выдающихся умственныхъ и нравственныхъ качествахъ, обладать твердымъ и открытымъ характеромъ, большими способностями, самыми точными и обширными научными познаніями и значительнымъ вліяніемъ.

«Въ отношеніи способностей умственныхъ и свойствъ характера, надо обладать тою послѣдовательностью и ясностью мысли, которая необходима для правильной организаціи и классификаціи работы; тою твердостью, которая обезпечиваетъ слѣдованіе въ избранномъ направленіи; предусмотрительностью, подготовляющею событія и дѣйствія; дѣятельностью, составляющею основу провѣрки сдѣланной работы; справедливостью, служащею лучшимъ поощреніемъ сотрудниковъ; любовью къ своему призванію, которая предупреждаетъ небрежность и устремляетъ къ совершенству; бдительностью, которая возбуждаетъ ее и въ другихъ, и тѣмъ влія-

ніемъ, которое порождаетъ усердіе и вызываетъ на содѣйствіе общему дѣлу всѣ наличныя способности.

«Въ отношеніи нравственныхъ свойствъ, начальникъ штаба долженъ обладать тѣми пріемами, которые успокаиваютъ самолюбіе, смягчаютъ впечатлѣніе отказовъ и усиливаютъ значеніе наградъ и поощреній.

«Въ отношеніи способностей, необходима та прямизна ума, которая выражается легкостью, ясностью и краткостью изложенія; то знаніе людей и обстоятельствъ, которое обусловливаетъ употребленіе тѣхъ или другихъ лицъ и появленіе того или другого соображенія, подходящаго къ случаю; та просвѣщенная практичность, благодаря которой ни одно важное обстоятельство не ускользаетъ изъ вниманія; та ясность мысли и то знаніе дѣла, которыя даютъ возможность всегда подобрать настоящее выраженіе; та изворотливость, которая рождается сознаніемъ потребности и съ нею сообразуется; та проницательность, которая устраняетъ сомнѣнія, предупреждаетъ ошибки и освѣщаетъ противорѣчія при сужденіяхъ; наконецъ та разсудительность, которую начальникъ штаба, въ качествѣ перваго совѣтника главнокомандующаго, можетъ такъ часто обнаруживать при ежедневныхъ обсужденіяхъ, какъ важнѣйшихъ плановъ, такъ и мелкихъ мыслей.

«Эта совокупность качествъ, талантовъ и знаній, необходимая для начальника штаба, можетъ быть однако использована съ выгодою для дѣла только при условіи существованія между нимъ и главнокомандующимъ полнаго взаимнаго довѣрія и достаточной близости для частыхъ и нестѣснительныхъ сношеній, исключающей излишнюю сдержанность, парализующую предложенія, убивающую усердіе, разстраивающую, обращающую роль начальника штаба въ тягость, лишающую его необходимаго вліянія, которымъ онъ можетъ пользоваться лишь въ томъ случаѣ, если армія отожествляетъ его съ идеями и намѣреніями главнокомандующаго».

Если тѣ качества, коимъ въ большей или меньшей степени долженъ удовлетворять начальникъ штаба, столь трудно совмѣстимы въ одномъ человѣкѣ, то тѣмъ необходимѣе избирать и сотрудниковъ его изъ людей наиболѣе выдающихся по достоинствамъ, ибо чѣмъ же можно лучше обезпечить присутствіе самаго превосходнаго, какъ не тщательнымъ подборомъ всего состава, изъ коего этотъ превосходный долженъ уже самъ собою выдѣлиться.

Наименьшее, чему долженъ удовлетворять офицеръ генеральнаго штаба для практической дѣятельности въ штабахъ военнаго

времени, это быть образцомъ точности, усердія и соблюденія всѣхъ служебныхъ правилъ. Всякое нарушеніе ихъ со стороны офицера генеральнаго штаба гораздо замѣтнѣе, чѣмъ со стороны прочихъ, такъ какъ штабные офицеры всѣ на виду и примѣръ, ими подаваемый, легко становится заразительнымъ. Одной добросовѣстности однако мало: нужна и полезная работа, безъ примѣси личныхъ стремленій; обыкновенно, чѣмъ достойнѣе данное лицо, тѣмъ осторожнѣе оно въ проявленіи своего «я». Качество это по традиціи должно усваиваться каждымъ вступающимъ въ генеральный штабъ: работаетъ тамъ каждый не отъ своего имени, а безлично на пользу общую и именемъ начальника, которому принадлежитъ власть направлять и рѣшать. Въ сужденіяхъ о штабныхъ вопросахъ необходимо воздерживаться отъ всякой страстности и умѣть подчинять свои знанія и свою волю существующему направленію общаго дѣла [1]).

Во внѣшности своей офицеры генеральнаго штаба также никогда не должны забывать установленныхъ правилъ и принятыхъ приличій.

Забывчивые, невнимательные, нерѣшительные и болтливые совершенно не пригодны для службы въ штабахъ.

Постоянныя сношенія съ начальствующими лицами налагаютъ на офицеровъ генеральнаго штаба особыя обязанности относительно сдержанности и служебнаго такта. Малѣйшая заносчивость и какое бы то ни было проявленіе похвальбы себѣ и самомнѣнія легче всего замѣчается со стороны и часто ведетъ къ послѣдствіямъ, которыя не изглаживаются даже въ теченіе всей службы даннаго офицера.

Словомъ, мы убѣдимся, что хотя офицеръ генеральнаго штаба немыслимъ безъ извѣстныхъ и весьма широкихъ познаній, тѣмъ не менѣе практическое приложеніе ихъ, особливо въ дѣлѣ сложныхъ отношеній къ начальству, войскамъ и сослуживцамъ, иногда совершенно невозможно безъ очень высокихъ качествъ характера. *Девять десятыхъ отношеній начальника къ офицеру генеральнаго штаба основано лишь на личномъ довѣріи.*

Нельзя не вспомнить тутъ, что работа офицера генеральнаго штаба въ военное время часто должна быть производима по но-

---

[1]) Задачи, которыя Мольтке такъ любилъ разрѣшать со своими подчиненными, имѣли между прочимъ цѣлью, побужденіемъ участниковъ рѣшенія къ глубокимъ размышленіямъ, содѣйствовать установленію единства основныхъ взглядовъ.

чамъ и вообще въ тѣ промежутки, которые предназначены для отдыха войскъ. При этомъ условіи нѣтъ ничего легче, какъ отговариваться отъ работы усталостью или болѣзнью. Однако уже очень скоро, при первомъ же внимательномъ наблюденіи, усталость эта окажется неисправимою, а болѣзнь—неизлечимою, такъ какъ и та, и другая являютъ въ сущности простую непригодность даннаго лица для крайне тяжкихъ условій службы офицера генеральнаго штаба въ полѣ.

Современныя требованія отъ офицера генеральнаго штаба для военной работы все усиливаются, а потому, не смотря на болѣе тщательную подготовительную учебную програму и болѣе строгій выборъ, соотвѣтствіе избранныхъ лицъ выпадающимъ на ихъ долю задачамъ или вообще возможнымъ задачамъ военнаго времени хотя и достигается въ практикѣ, но разумѣется не безъ исключеній.

Практика и здравый смыслъ одинаково установили тотъ принципъ, что двумя плохими офицерами генеральнаго штаба нельзя замѣнить одного хорошаго; болѣе того: пропустивъ въ генеральный штабъ завѣдомо плохого дѣятеля, можно принести величайшій вредъ интересамъ арміи. Если бы умственная производительность зависила только отъ числа умовъ, то геніальность обратилась бы въ самое простое ариѳметическое дѣйствіе: *сложеніе*. Венгерское народное изреченіе говоритъ, что при сужденіяхъ голоса нельзя *складывать*: надо ихъ *взвѣшивать*.

Въ этихъ видахъ, если на лицо нѣтъ подходящихъ кандидатовъ, то обычно не считаютъ совершенно необходимымъ заполнять всѣ вакансіи генеральнаго штаба. Взглядъ этотъ проводится послѣдовательнѣе всего въ Германіи, гдѣ его проповѣдывалъ словомъ и дѣломъ покойный фельдмаршалъ графъ Мольтке и гдѣ донынѣ, напримѣръ, вовсе не полагаютъ полезнымъ приглашать для службы въ генеральномъ штабѣ всѣхъ даже хорошо окончившихъ военную академію.

Арміи, не желающія отставать отъ прочихъ въ тѣхъ преимуществахъ, которыя достигаются широкимъ примѣненіемъ умственной работы, а въ томъ числѣ и хорошей службы генеральнаго штаба, прямо признаютъ, что *офицеръ безполезный для штаба, въ немъ вреденъ*. Болѣе или менѣе послѣдовательное примѣненіе этого принципа одно только можетъ обезпечить къ началу войны наличность хорошаго состава штабовъ, столь необходимаго для поддержанія въ арміи довѣрія къ существующимъ распоряженіямъ и къ правильности ихъ выполненія. Впослѣдствіе мы будемъ имѣть случай

ближе взглянуть на непосредственность связи, которая существуетъ между такъ называемою инициативою дѣйствій арміи и совершенствомъ первоначальной подготовки дѣйствій или, что почти одно и то же, совершенствомъ состава и службы штабовъ.

Если принять во вниманіе, что въ главномъ полевомъ штабѣ германской арміи въ войну 1870—1871 гг. было всего около 16-ти офицеровъ генеральнаго штаба и что въ штабы корпусовъ назначается вообще 5—6, а въ штабы дивизій 1—2 этихъ офицеровъ, мы убѣдимся, что вся потребность большой европейской арміи изъ 20-ти армейскихъ корпусовъ (50 дивизій, пѣхотныхъ и кавалерійскихъ) съ избыткомъ покроется цифрою 250 офицеровъ. Прибавивъ потребности тыловыхъ и желѣзнодорожныхъ учрежденій, а также войскъ второочередныхъ формированій, мы доведемъ приведенную цифру до 300—350 офицеровъ. Превышеніе этой цифры, существующее въ мирное время въ составѣ нѣкоторыхъ армій, должно быть объяснено сторонними потребностями, какъ то: предоставленіемъ офицерамъ генеральнаго штаба различныхъ военно-административныхъ должностей, образованіемъ наличнаго резерва этихъ офицеровъ и пр.

Такимъ образомъ, мы увидимъ, что въ военное время, въ арміи милліоннаго состава, на 30,000 всѣхъ офицеровъ придется около 300 генеральнаго штаба или примѣрно одинъ на 100.

Современныя понятія объ организаціи штабовъ военнаго времени и роли офицеровъ генеральнаго штаба были установлены еще въ эпоху наполеоновскихъ войнъ; въ войнахъ второй половины прошлаго столѣтія мы видимъ собственно примѣненіе тѣхъ же началъ, но въ болѣе совершенныхъ и развитыхъ формахъ, тщательно подготовленныхъ заботами мирнаго времени и проявленныхъ преимущественно систематичностью германскихъ руководящихъ дѣятелей той же эпохи.

Императоръ Наполеонъ не унаслѣдовалъ отъ республики организованнаго генеральнаго штаба и не имѣлъ ни времени, ни возможности создать его. Въ продолженіе почти всѣхъ войнъ первой имперіи постоянный кадръ штабовъ комплектовался избранными штабъ-офицерами и капитанами пѣхоты и кавалеріи; съемочныя же работы поручались инженеръ-географамъ (топографамъ) и офицерамъ инженерныхъ войскъ; затѣмъ при всѣхъ генералахъ состояли адъютанты и ординарцы, также входившіе въ составъ штабовъ. Многіе изъ выдающихся генераловъ наполеоновской эпохи выдѣлились своею предшествующею штабною службою:

Дезе, Клеберъ, С. Сиръ, Сультъ, Ней и проч. Тѣмъ не менѣе, значительная примѣсь адъютантскаго состава и адъютантской службы къ составу и службѣ генеральнаго штаба порождали постоянное смѣшеніе этихъ двухъ отдѣловъ штабной службы. Смѣшеніе это во Франціи продолжалось вплоть до войны 1870 года и только послѣдовавшими послѣ этой войны преобразованіями оно было устранено какъ крайне вредное для поддержанія спеціальности генеральнаго штаба на необходимомъ уровнѣ.

Въ эпоху войнъ первой имперіи смѣшеніе это находило себѣ вполнѣ понятное объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что спеціальная подготовка генеральнаго штаба или мало разнилась отъ уровня общаго образованія, или даже вовсе отсутствовала.

Вотъ какъ описываетъ генералъ Тьебо то огромное затрудненіе, въ которомъ онъ очутился при началѣ своей служебной дѣятельности въ качествѣ офицера генеральнаго штаба. Въ 1793 г., получивъ должность состоящаго при начальникѣ штаба дивизіи, онъ отправился въ рейнскую армію, гдѣ первое полученное имъ порученіе состояло въ сопровожденіи аріергарда дивизіи при оставленіи послѣднею Лингенфельда. «Я дошелъ, говоритъ Тьебо, послѣдовательно до чина капитана, умѣлъ командовать ротою, умѣлъ расположить передовой постъ, оборонять и атаковать его, но не зналъ ровно ничего изъ относившагося къ службѣ штабовъ. Первымъ моимъ вопросомъ по полученіи упомянутаго приказанія былъ вопросъ о томъ, въ какомъ сочиненіи я могъ бы найти какія-нибудь указанія объ этой службѣ, столь важной въ моемъ мнѣніи, *но совершенно для меня чуждой*. Такого сочиненія нѣтъ, отвѣтилъ мнѣ генералъ Донзело, мой начальникъ, и вы можете полагаться только на ту теорію, которую сами извлечете изъ практики. Моя неопытность поставила меня въ самое большое затрудненіе, тѣмъ болѣе, добавляетъ Тьебо, что командиры полковъ, составлявшихъ аріергардъ, требовали отъ меня инструкцій, говоря: вамъ должны быть извѣстны намѣренія начальника дивизіи и вы должны знать, что дѣлать въ томъ или другомъ случаѣ».

Въ 1796 году, Тьебо, бывшій тогда офицеромъ генеральнаго штаба въ дивизіи Массены, на италіянскомъ театрѣ, былъ отправленъ къ главнокомандующему съ отчетомъ о движеніи войскъ.

Вотъ что говоритъ Тьебо объ этомъ случаѣ. «Бонапартъ, послѣдовательно и съ отличавшей его быстротою рѣчи, предложилъ мнѣ слѣдующіе вопросы: сколько на лицо подъ ружьемъ въ дивизіи Массены? Сколько въ каждой части? Имѣютъ ли части дивизіи

отряды въ тылу? Какой силы, гдѣ? Откуда они назначены? Когда прибудутъ? Въ какомъ состояніи вооруженіе, обмундированіе и обувь? На какія средства можно разсчитывать для ихъ пополненія? Въ какомъ состояніи артилерія? Каково состояніе матеріальной части и лошадей? Правильно ли производится довольствіе? Удовлетворительно ли качество хлѣба и мяса, вина и фуража? Сколько людей въ госпиталяхъ на мѣстѣ? Сколько въ госпиталяхъ дальнихъ? Какъ содержатся эти госпитали? Какова смертность? Что дѣлается для ея уменьшенія? Какъ именно расположена дивизія? Какъ распредѣлены и размѣщены ея части? Какая служба возложена на нихъ? Какъ эта служба отправляется? Гдѣ находятся непріятельскіе посты? Гдѣ фронтъ непріятельскаго квартирнаго раіона? Гдѣ его главныя силы? Какія имѣются послѣднія о немъ извѣстія?»

Тьебо затруднился отвѣтомъ и тѣмъ вызвалъ неудовольствіе главнокомандующаго. Во всякомъ случаѣ, прибавляетъ онъ, урокъ послужилъ мнѣ въ пользу. Я немедленно завелъ записную книжку и помѣчалъ въ ней ежедневно отвѣты на предложенные мнѣ Наполеономъ вопросы и еще на многіе другіе. Эти-то замѣтки, сдѣланныя на практикѣ, и послужили главнымъ основаніемъ для составленія извѣстнаго его руководства по службѣ генеральнаго штаба.

Мы привели эти наглядные примѣры съ цѣлью уяснить, что и въ вопросѣ о лучшей организаціи штабовъ для отправленія своей дѣятельности, необходимо начинать не съ изысканій наилучшей изъ существующихъ теоретическихъ системъ, а съ подъисканія наилучшихъ дѣятелей. Нельзя построить хорошее зданіе изъ негодныхъ строительныхъ матеріаловъ и основательныя разсужденія о наилучшемъ планѣ постройки можно начинать лишь послѣ обезпеченія сбора удовлетворительныхъ матеріаловъ. Между тѣмъ, при столь трудныхъ условіяхъ службы генеральнаго штаба въ военное время, можно ли съ увѣренностью сказать, что онъ во всѣхъ случаяхъ окажется на высотѣ своего призванія? Организація можетъ содѣйствовать дѣлу, но замѣнить отсутствующіе элементы знанія и талантовъ не можетъ.

Взглянемъ однако на то, что сама по себѣ можетъ дать въ этомъ случаѣ организація. Въ каждой организаціонной идеѣ коренится собственно одно основаніе: *спеціализаціи и раздѣленія труда* между отдѣльными участниками, какъ главное условіе для

увеличенія общей производительности въ качественномъ и количественномъ отношеніи.

Въ 1870—1871 гг. главный полевой штабъ германской арміи состоялъ, какъ мы уже упоминали, изъ 16-ти офицеровъ генеральнаго штаба. Они составляли три отдѣленія: первое вѣдало *оперативною* частью, второе—*желѣзнодорожною* и третье — *развѣдывательною*. Незначительность численности вознаграждалась главнымъ, а именно, личными качествами. Все это были офицеры, избранные лично Мольтке, вполнѣ проникнутые его взглядами, прошедшіе общую школу подъ его руководствомъ и связанные между собою общностью мнѣній и взаимнымъ уваженіемъ. Особенное единство и связь существовали въ работахъ начальниковъ отдѣленій. Всѣ трое они были товарищами по кадетскому корпусу, по военной академіи, по службѣ въ большомъ генеральномъ штабѣ и всегда принимали общее участіе въ военной игрѣ и въ полевыхъ поѣздкахъ. То были подполковники: Бронсаръ-фонъ-Шеллендорфъ, Бранденштейнъ и Верди-Дювернуа. «При составленіи какого-либо приказа, каждый изъ насъ, свидѣтельствуетъ Верди-Дювернуа, могъ всегда внезапно прервать свою работу; другой продолжалъ начатый приказъ, а третій могъ его закончить и во всѣхъ частяхъ работы нельзя было бы замѣтить какой-либо разницы въ идеяхъ или редакціи».

Служебныя отношенія Мольтке отличались простотою и непринужденностью. Ежедневно утромъ къ нему являлся оберъ-квартирмейстеръ, главный интендантъ и начальники отдѣленій. Доклады дѣлались въ ихъ общемъ присутствіи, гдѣ обсуждались и всѣ вопросы. Послѣ этого Мольтке отправлялся къ королю и, возвратясь, отдавалъ распоряженія тѣмъ же лицамъ. Точнаго опредѣленія круга дѣятельности каждаго изъ нихъ не было. Помощникъ Мольтке, оберъ-квартирмейстеръ генералъ фонъ-Подбѣльскій, вѣдалъ дѣлами второстепеннаго значенія и въ особенности разработывалъ вопросы о тылѣ арміи. Порученія разнаго рода (рекогносцировки, передача приказаній и проч.) офицеры штаба получали отъ Мольтке весьма часто. Въ болѣе важныхъ случаяхъ, требующихъ особой тактичности, онъ посылалъ начальниковъ отдѣленій. Извѣстны двѣ командировки ихъ, имѣвшія большое вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій: Верди-Дювернуа 1-го августа къ командующему III арміею, результатомъ которой явилось рѣшеніе его своевременно начать наступленіе, и командировка Бранденштейна 14-го августа къ командующему I арміею; эта

командировка дала правильное направленіе дѣйствіямъ I арміи въ этотъ трудный для нѣмцевъ день и притомъ вопреки видамъ командовавшаго арміею генерала Штейнмеца. Офицеры генеральнаго штаба главной квартиры пользовались въ войскахъ большимъ уваженіемъ, на нихъ смотрѣли какъ на лицъ, облеченныхъ полнымъ довѣріемъ и ихъ называли «полу-богами», что, по словамъ Верди-Дювернуа, льстило ихъ самолюбію. Такая репутація могла установиться только при условіи особаго уваженія всей арміи къ личному составу большого генеральнаго штаба. Дѣйствительно, большинство выдвинувшихся впослѣдствіи руководителей германской арміи вышло изъ этой школы (Блюменталь, Фохтсъ-Рецъ, Вартенслебенъ, Хертцбергъ, Каприви, Верди-Дювернуа, Бронсаръ-фонъ-Шеллендорфъ, Вальдерзее, графъ Шлиффенъ, Гезелеръ Зеебекъ и друг.).

По существующему *австро-венгерскому положенію*, въ главной квартирѣ полевой арміи состоитъ всего 20 офицеровъ генеральнаго штаба, въ томъ числѣ 6 въ армейскомъ главномъ управленіи [1]).

Часть генеральнаго штаба главной квартиры подраздѣляется на два отдѣленія: *оперативное*, вѣдающее военными и военно-техническими вопросами (при немъ же состоятъ и офицеры желѣзнодорожнаго и телеграфнаго полка и завѣдывающій обозомъ главной квартиры) и *текущей переписки*, вѣдающее вопросами личнаго состава и административными (за исключеніемъ тѣсно связанныхъ съ военными операціями и потому подлежащихъ вѣдѣнію перваго отдѣленія).

По *французскому положенію* (3-го января 1891 г.) въ полевомъ штабѣ арміи всего 8—10 офицеровъ генеральнаго штаба.

Служба ихъ подраздѣляется на внѣшнюю (полевую) и внутреннюю (канцелярскую). Для этой послѣдней образуется три отдѣленія: *первое*—вѣдающее личнымъ составомъ и матеріальною частью; *второе*—вѣдающее сборомъ свѣдѣній и политическими дѣлами и *третье*—вѣдающее военными операціями и передвиженіями.

По нашему *Положенію о полевомъ управленіи войскъ въ военное время*, офицеровъ генеральнаго штаба положено въ полевомъ штабѣ (вмѣстѣ съ начальникомъ штаба) всего 15. Они образуютъ четыре отдѣленія: *операціонное*, *отчетное*, *развѣдывательное* и

---

[1]) Armee General-Commando; примѣрно соотвѣтствуетъ той части полевого управленія арміи по русскому положенію, какая осталась бы за выдѣленіемъ начальника штаба, управленія генералъ-квартирмейстера и незначительнаго числа другихъ органовъ.

топографическое. Первое вѣдаетъ собственно ходомъ военныхъ дѣйствій и службою войскъ, второе—службою генеральнаго штаба, веденіемъ журнала военныхъ дѣйствій и всевозможныхъ отчетовъ. Какъ видно, кругъ дѣятельности всѣхъ отдѣленій соприкасается между собою весьма тѣсно. Желѣзнодорожные вопросы вѣдаются управленіемъ начальника военныхъ сообщеній армій, въ коемъ состоитъ 2—3 офицера генеральнаго штаба.

Въ прочихъ штабахъ: корпусныхъ и дивизіонныхъ, вслѣдствіе ограниченности числа офицеровъ генеральнаго штаба въ каждомъ изъ нихъ, организація службы генеральнаго штаба представляется еще болѣе простою. Обыкновенно всѣ работаютъ вмѣстѣ или поочередно, причемъ младшіе, какъ болѣе сильные въ физическомъ отношеніи, чаще всего несутъ на себѣ выполненіе внѣшнихъ задачъ, соединенныхъ съ частыми и усиленными разъѣздами преимущественно верхомъ, а старшіе, какъ болѣе опытные и устойчивые въ свѣдѣніяхъ и мнѣніяхъ, принимаютъ на себя сборъ, обработку и редакцію свѣдѣній и распоряженій.

Мы видимъ, что при этомъ штабная работа, для успѣшности своей, сверхъ тѣхъ качествъ и знаній, о необходимости которыхъ офицеру генеральнаго штаба мы послѣдовательно упоминали, требуетъ еще проведенія возможно полнаго единства взглядовъ во всемъ корпусѣ офицеровъ даннаго генеральнаго штаба, хорошей штабной дисциплины (т. е. подчиненія ума и воли общему направленію) и привычки къ усидчивому труду, черной работѣ. Присутствіе этой привычки выражается во внутреннихъ качествахъ обладающаго ею главнымъ образомъ способностью систематическаго и яснаго изложенія мыслей и осмотрительностью въ пользованіи необходимыми данными (всѣ факты и цифры должны быть строго провѣрены и взяты по справкѣ, а не на память). Только такія качества штабныхъ дѣятелей предохраняютъ войска отъ частыхъ отмѣнъ и исправленій приказаній и распоряженій, т. е. отъ непроизводительной траты силъ и суеты, легче всего распространяемой въ войскахъ изъ штабовъ и разумѣется одинаково вредной для всѣхъ.

Штабныя работы по цѣли своей, или, правильнѣе, по соотвѣтствію своему условіямъ дѣйствія войскъ въ данное время, могутъ быть подраздѣлены на слѣдующіе три вида: *подготовительныя*, представляющія собраніе такихъ справокъ и данныхъ, надобность въ коихъ наиболѣе вѣроятна; такія, которыя составляютъ разработку, необходимую для предположеннаго исполненія, при-

чемъ онѣ могутъ переходить всѣ оттѣнки, раздѣляющіе *проектъ* отъ *исполнительной бумаги* и, наконецъ, *передаточныя*, необходимыя для поддержанія постоянной связи съ соотвѣтствующими войсками и прочими штабами.

Содержательность штабной дѣятельности въ военномъ (оперативномъ) отношеніи опредѣляется лучше всего постоянною наличностью въ штабахъ свѣдѣній и работъ, въ видѣ, возможно ближе соотвѣтствующемъ потребности даннаго времени и даже, насколько то достижимо по качественнымъ и количественнымъ условіямъ личнаго состава, съ нѣкоторымъ запасомъ на вѣроятное ближайшее будущее. Этотъ запасъ предусмотрительности, выражающійся внѣшнимъ образомъ въ нѣкоторомъ расширеніи и даже можетъ быть излишествѣ подготовительныхъ штабныхъ работъ, несомнѣнно окупится сторицею, если только дѣйствительность, хотя бы отчасти, обнаружитъ его пригодность. Такая предусмотрительность и соотвѣтствующій запасъ свѣдѣній и работъ являются однимъ изъ главныхъ признаковъ удовлетворенія даннымъ штабомъ своему назначенію по современнымъ о томъ понятіямъ.

Однако, какъ бы ни былъ значителенъ запасъ предусмотрительности и штабныхъ подготовительныхъ данныхъ и свѣдѣній, *бой* и предшествующіе ему *маршъ-маневры* все-таки неизбѣжно должны явиться временемъ высшаго напряженія штабной дѣятельности, съ рядомъ безсонныхъ ночей и самымъ неправильнымъ чередованіемъ письменной работы, неожиданныхъ и утомительныхъ передвиженій и кратковременныхъ урывковъ для отдыха и ѣды. Тутъ всѣ работы насѣдаютъ какъ бы сразу и нерѣдко ни одной изъ нихъ нельзя отложить, отдавъ предпочтеніе какой-либо другой: тактическія заданія, развѣдки, служба передовыхъ постовъ, связи, донесенія, сообщенія, веденіе записи журнала дѣйствій и множество административныхъ распоряженій и мѣропріятій тѣсно переплетаются и образуютъ, довольно хорошо знакомую уже и по маневрамъ мирнаго времени, кипучую струю штабной жизни, главная цѣль коей сводится къ тому, чтобы успѣвать достаточно во-время и кстати снабжать войсковыхъ начальниковъ необходимыми имъ свѣдѣніями и указаніями.

Само собою разумѣется, что чѣмъ болѣе подготовлено въ штабѣ разныхъ справочныхъ данныхъ и чѣмъ удобнѣе онѣ для пользованія, тѣмъ лучше штабъ предохраненъ отъ столь возможныхъ при лихорадочной работѣ ошибокъ въ перечисленіи и составѣ отрядовъ и частей войскъ, пропусковъ названій въ диспозиціи и т. п.

По этому поводу умѣстно вспомнить, что въ штабѣ австрійской арміи въ день Кениггрецкаго сраженія не имѣлось подъ рукою карты поля сраженія, такъ какъ оно приходилось за рамкою взятыхъ съ собою листовъ топографической карты, продолженіе коихъ оставалось въ обозѣ въ переходѣ позади.

Важность хорошей штабной дѣятельности во время боя и предшествующихъ ему маршей-маневровъ вполнѣ оправдываетъ необходимость особо тщательнаго разсмотрѣнія этого вопроса, какъ въ курсахъ службы генеральнаго штаба, такъ и въ официальныхъ наставленіяхъ для дѣятельности штабовъ.

Эти курсы и наставленія уже нынѣ до нѣкоторой степени выясняютъ вопросъ о томъ, какіе шаблоны и данныя, служащіе подготовкою штабныхъ распоряженій передъ боемъ и въ теченіе онаго, могутъ служить предохраненіемъ отъ ошибокъ и излишнихъ промедленій и колебаній.

Военная исторія второй половины прошлаго вѣка представляетъ намъ вообще два весьма наглядныхъ примѣра пагубнаго значенія отсутствія правильной штабной дѣятельности, причемъ послѣдствія одного изъ нихъ тактическія, выразившіяся въ предѣлахъ поля сраженія, а послѣдствія и область примѣненія второго стратегическія, предрѣшившія участь всѣхъ послѣдовавшихъ дѣйствій на театрѣ войны.

Первымъ примѣромъ служатъ распоряженія штаба италіянскаго экспедиціоннаго корпуса въ Абиссиніи передъ боемъ при Адуѣ 1-го марта 1897 года (приказъ № 87 съ неправильнымъ кроки, составленнымъ генеральнаго штаба маіоромъ Сальса по разспросамъ, причемъ получилось смѣшеніе двухъ пунктовъ одинаковаго наименованія «Шидане-Меретъ» и «Енда-Шидане-Меретъ»; въ результатѣ получилось: путаница въ исполненіи, плѣненіе четырехъ пятыхъ италіянской арміи и сплошное бѣгство оставшейся пятой части на 70 километровъ назадъ, а затѣмъ и полный отказъ Италіи отъ всего задуманнаго предпріятія).

Другимъ примѣромъ мы уже отчасти пользовались. Здѣсь же попутно умѣстно будетъ лишь упомянуть, что отсутствіе подготовки французами войны 1870 года, представляющее самый наглядный доводъ неудовлетворительности тогдашняго состава центральныхъ органовъ французскаго генеральнаго штаба и военнаго министерства, не обезпечивъ сосредоточенія арміи гдѣ-либо въ

достаточныхъ силахъ, тѣмъ самымъ предрѣшило и всѣ послѣдующія ея неудачи, понесенныя по частямъ.

Въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ одинаково, штабные недостатки, предопредѣлившіе невозможность сосредоточеннаго сбора войскъ, отразились на исходѣ всей кампаніи.

Обобщая изложенныя замѣтки о дѣятельности штабовъ въ военное время, мы убѣдимся, что для успѣха этой дѣятельности отъ личнаго состава штабовъ необходимо требуется,—по сравненію съ предшествующимъ разсмотрѣніемъ дѣятельности офицера генеральнаго штаба при небольшихъ отрядахъ и въ видѣ отдѣльно поставленнаго лица,— значительное повышеніе производительныхъ рабочихъ достоинствъ.

Повышеніе это обусловлено тѣмъ усложненіемъ работъ и соображеній, которое вызывается, какъ увеличеніемъ состава отряда съ соотвѣтственнымъ расширеніемъ сферы его интересовъ и предѣловъ наблюденія, такъ и совмѣстнымъ дѣйствіемъ многихъ властей и штабовъ различныхъ степеней.

При удовлетвореніи упомянутому условію повышенныхъ требованій отъ личнаго состава, полевые штабы не могутъ быть многочисленны.

Многочисленность состава штабовъ въ военное время служитъ первымъ наиболѣе нагляднымъ признакомъ недостаточной тщательности подбора личнаго состава.

Въ штабахъ малаго состава вопросы внутренней службы и организаціи дѣятельности разрѣшаются легче и проще, но собственно всегда и вездѣ они отступаютъ на второй планъ по сравненію съ данными, обусловливающими наличность хорошаго качественнаго состава исполнителей предположенныхъ начертаній.

Эти начертанія, будучи разработаны въ мирное время въ предѣлахъ указаній лишь принципіальнаго значенія, могутъ принести не малую пользу въ военное время, особливо въ смыслѣ возможно лучшаго обезпеченія порядка штабной дѣятельности маршевой и боевой, т. е. въ періодъ рѣшительнаго расходованія наличныхъ боевыхъ силъ и матеріала.

IV.

Переходя къ вопросу о *дѣятельности генеральнаго штаба въ мирное время*, полезно остановиться сначала на томъ звенѣ, которое служитъ непосредственною связью мирной дѣятельности съ военною, т. е. на тѣхъ работахъ, совокупность коихъ принято называть *планомъ войны* [1]).

Подъ вліяніемъ быстрой готовности къ войнѣ, обнаруженной прусскою арміею въ 1866 году и затѣмъ германскою въ 1870 году, во всѣхъ главныхъ штабахъ европейскихъ армій приступили къ возможному совершенствованію того административнаго механизма, который обезпечиваетъ быстрый переходъ арміи съ мирнаго положенія на военное, сосредоточеніе главныхъ боевыхъ силъ въ намѣченномъ раіонѣ и возможно болѣе выгодныя условія для начала военныхъ дѣйствій.

Работы эти къ настоящему времени вездѣ получили весьма большое развитіе и объемъ; точность и срочность этихъ работъ требуютъ участія значительнаго числа опытныхъ и искусныхъ участниковъ-спеціалистовъ, трудъ которыхъ дозволяетъ всему не состоящему въ мирное время налицо въ арміи укомплектованію ея до военныхъ штатовъ оставаться въ населеніи и предаваться производительнымъ своимъ занятіямъ.

Главными составными частями плана войны въ современномъ его видѣ являются: 1) основныя соображенія политическія и стратегическія; 2) соображенія о составѣ и планѣ развертыванія арміи; 3) опредѣленіе данныхъ и сроковъ мобилизаціи войскъ и подготовки желѣзныхъ дорогъ для ихъ перевозки; 4) планъ мобилизаціи; 5) планъ перевозки и выгрузки войскъ и запасовъ; 6) планъ первоначальнаго развертыванія арміи и соображеніе объ окончательномъ развертываніи, вмѣстѣ съ соотвѣтствующими мѣрами охраненія и обезпеченія и 7) соображеніе о послѣдующихъ дѣйствіяхъ, вмѣстѣ съ подробнымъ планомъ развитія средствъ, пе-

[1]) Германская литература проводитъ строгое различіе между *планомъ войны* и *планомъ операцій*. Первый заключаетъ въ себѣ основныя общія соображенія, относящіяся къ предположенной войнѣ, второй — разработку предстоящихъ операцій, установленныхъ для достиженія той или другой частной цѣли, по преимуществу первоначальной, въ мирное время подвергаемой возможно болѣе тщательному изученію и подготовкѣ.

обходимыхъ для веденія войны въ теченіе намѣченнаго, возможно болѣе продолжительнаго, срока.

Всѣ эти части плана связываются между собою весьма тѣсно послѣдовательностью общей идеи, главнымъ мотивомъ которой служитъ непрерывное сравненіе положенія и средствъ обѣихъ сторонъ въ каждый изъ принимаемыхъ моментовъ, вплоть до вѣроятнаго столкновенія главныхъ вооруженныхъ силъ.

Содержаніе отдѣльныхъ частей плана болѣе или менѣе ясно изъ основъ разныхъ отдѣловъ военнаго искусства: главнымъ образомъ стратегіи, тактики, военной администраціи и курса о желѣзныхъ дорогахъ. Степень же развитія этихъ частей и формы ихъ изложенія, т. е. внутреннее и внѣшнее совершенство, служатъ прямымъ выразителемъ уровня искусства и знаній даннаго генеральнаго штаба и состоянія средствъ даннаго государства. Во всякомъ случаѣ упомянутое развитіе работъ, понимая въ этомъ случаѣ весь ихъ объемъ, отъ работы центральныхъ учрежденій (преимущественно главнаго или генеральнаго штаба) и вплоть до органовъ и частей исполнительныхъ, представляется весьма сложнымъ и состоящимъ изъ множества записокъ, разсчетовъ, соображеній, таблицъ, иногда настолько разнородныхъ и разнообразныхъ, что лица, даже близко стоящія къ той или другой изъ этихъ отдѣльныхъ работъ, не отдаютъ себѣ отчета во взаимной ихъ связи. Таково естественное послѣдствіе впечатлѣнія, производимаго разрозненными частями громаднаго цѣлаго. Размѣръ отдѣльныхъ частей неизбѣжно заслоняетъ тутъ представленіе не только о фигурѣ цѣлаго, но даже и о самомъ ея существованіи. Въ этомъ обстоятельствѣ лежитъ лучшій залогъ сохраненія тайны плана до исполненія его.

Для лучшаго разъясненія сказаннаго обратимся къ фактамъ историческимъ, которые могутъ ближе всего познакомить насъ съ дѣйствительностью.

Въ этихъ видахъ мы воспользуемся, сколько возможно, матеріаломъ, заключающимся въ изданной германскимъ генеральнымъ штабомъ перепискѣ фельдмаршала графа Мольтке.

Переписка эта тщательно просмотрѣна и изданіе ея сдѣлано съ выпускомъ всего того, что могло бы имѣть значеніе намека на будущія намѣренія и будущія дѣйствія. Такимъ образомъ мы далеко не должны питать увѣренности въ томъ, что матеріалъ, доставляемый изданною перепискою графа Мольтке, сколько-нибудь полонъ. Тѣмъ не менѣе мы найдемъ въ немъ слѣдующія, вполнѣ

достаточныя для нашей цѣли, указанія на измѣненія и усовершенствованія, которыя были послѣдовательно вводимы въ планъ войны съ Франціею.

Начало разработки этого плана, если оно не было сдѣлано еще ранѣе, положено запискою отъ 28-го ноября 1857 года [1]). Въ этой запискѣ предположено, что дѣйствія французовъ противъ германскихъ союзныхъ войскъ будутъ направлены вообще по линіи Страсбургъ—Ульмъ, частныя же дѣйствія противъ пруссаковъ могутъ имѣть своимъ исходомъ линію Мецъ—Валансьеннъ. На этомъ основаніи имѣлось въ виду, опираясь на крѣпости нижней части Рейна и прикрываясь двумя корпусами на лѣвомъ его берегу, сосредоточить 200,000 человѣкъ между Кельномъ и Майнцемъ. Приведенная записка излагаетъ вообще мѣры военной предосторожности, вызванныя гегемоніею въ континентальной Европѣ, захваченною Наполеономъ III въ свои руки послѣ Крымской войны.

Въ *октябрѣ 1858 года* Мольтке разработалъ вопросъ о положеніи и значеніи, въ случаѣ войны Франціи съ Германіею, второстепенныхъ сосѣднихъ государствъ: Голландіи, Бельгіи, Швейцаріи и Сардиніи. По этому поводу Мольтке вошелъ и въ разсмотрѣніе вопроса о сосредоточеніи прусскихъ силъ для обороны съ запада, причемъ сосредоточивалъ ихъ уже въ трехъ групахъ: *оборонительной* на нижнемъ Рейнѣ, для занятія крѣпостей и дѣйствій въ Рейнской провинціи, *главной или наступательной* на Майнѣ и третьей, *резервной*, сзади первыхъ двухъ, на р. Заалѣ. Такимъ образомъ во второй запискѣ форма группировки, по сравненію съ первой, измѣняется стягиваніемъ большихъ силъ на нижнемъ Рейнѣ къ лѣвому флангу, съ образованіемъ изъ этихъ силъ самостоятельной группы, равно какъ и особой резервной, которой мы въ первой запискѣ вовсе не видимъ.

Весною 1860 года вопросъ о войнѣ съ Франціею подвергся новому разсмотрѣнію. Во вступленіи въ соотвѣтствующую записку упоминается, что искусству императора Наполеона III удалось разъединить политику европейскихъ кабинетовъ и тѣмъ ослабить положеніе отдѣльныхъ державъ. Съ этой общей точки зрѣнія Мольтке подвергаетъ подробному разсмотрѣнію возбужденный тогда въ Пруссіи вопросъ о перенесеніи обороны нижняго Рейна

---

[1]) Въ этой запискѣ упоминается о заявленіяхъ, сдѣланныхъ въ 1853 году Австріею по поводу угрожавшей со стороны Франціи войны.

впередъ на самую границу съ Люксембургомъ, къ Триру, гдѣ съ этою цѣлью имѣлось въ виду возвести и соотвѣтствующія оборонительныя сооруженія. Въ виду большей готовности и численнаго превосходства французской арміи, Мольтке считалъ невыгоднымъ занятіе Трира значительными силами (которыя по прежнему сосредоточивались на Майнѣ), но допускалъ выдвиженіе одного корпуса въ Триръ, а другого къ Аахену. Изъ этой записки мы узнаемъ, что сосредоточеніе прусской арміи на Рейнѣ оканчивалось тогда на 33-й день мобилизаціи.

Въ ноябрѣ 1861 года было подвергнуто внимательному обсужденію стратегическое значеніе прусскихъ крѣпостей при войнѣ съ Франціею. Цѣлый рядъ доказательствъ, приведенныхъ Мольтке, указываетъ на первостепенное значеніе Майнца по связи его съ предположенными дѣйствіями главныхъ прусскихъ силъ, собираемыхъ у этой крѣпости въ случаѣ войны. Изъ нижне-рейнскихъ крѣпостей, по значенію для наступающей французской арміи, главною являлся Кельнъ. При достаточности оборонительныхъ сооруженій этихъ главныхъ, а также и второстепенныхъ крѣпостей (за исключеніемъ, впрочемъ, Саарлуи), Мольтке усматриваетъ главное опасеніе неудачи войны для пруссаковъ только лишь въ случаѣ ихъ слишкомъ спѣшнаго перехода въ наступленіе отъ Майнца, ранѣе сосредоточенія всѣхъ назначенныхъ для того силъ. Частныя соображенія о возможныхъ дѣйствіяхъ представляютъ тутъ много новаго по сравненію съ прежними записками.

Въ *іюнѣ 1862 г.* Мольтке составилъ записку о войнѣ съ Австріею, Баваріею, Франціею и Саксоніею.

Въ *іюнѣ 1863 г.*, разобравъ возможность со стороны Наполеона III войны съ цѣлью овладѣнія лѣвымъ берегомъ Рейна, онъ уже разсматриваетъ оборону этой рѣки въ цѣломъ и условія дѣйствія трехъ нѣмецкихъ армій: на верхней, средней и нижней ея частяхъ. Онъ былъ убѣжденъ, что средняя армія должна быть сильнѣйшею, а условія главнаго сосредоточенія на Майнѣ самыя выгодныя. Съ присоединеніемъ австрійскихъ войскъ, силы нѣмцевъ уже могли превзойти французскія (записка изобилуетъ разными разсчетами, весьма интересными).

Въ *августѣ 1866 г.* составлена новая записка о военномъ положеніи Франціи и Пруссіи, уже по присоединеніи къ послѣдней контингентовъ южно-германскихъ государствъ. Записка эта составлялась въ то время, когда мирные переговоры съ Австріею, ведомые въ Прагѣ, еще не были закончены. Въ связи съ этимъ,

въ запискѣ встрѣчается и такое указаніе: если бы Австрія, при переговорахъ въ Прагѣ, возбудила неожиданныя затрудненія, то очевидно слѣдуетъ заключить о союзѣ ея съ Франціею и потому не только не потребуется усиливать прусскую армію въ Богеміи, но наоборотъ, придется тотчасъ перевозить войска на Рейнъ. Для обороны же противъ Австріи, при условіи укрѣпленія Дрездена, достаточно четырехъ корпусовъ (около 120,000 человѣкъ). Затѣмъ, ясно указывая задачу Пруссіи, какъ собирательницы германскихъ земель, Мольтке говоритъ: вообще можно предусмотрѣть, что война противъ Австріи, при настоящей ея слабости, и одновременно противъ Франціи, будетъ ведена по преимуществу оборонительно, но въ виду важности ея цѣли, опасаться ея не слѣдуетъ. Даже въ случаѣ невполнѣ удачнаго исхода, Германія соберется вокругъ Пруссіи навсегда, между тѣмъ какъ добровольная уступка даже малѣйшаго клочка нѣмецкой земли исключаетъ возможность будущаго главенства Пруссіи.

Въ промежутокъ съ *1866 по 1867 годъ* была составлена Мольтке записка уже о наступательномъ движеніи сѣверо-германской арміи во Францію, пользуясь возможностью занять Люксембургъ.

15-го мая 1867 года, послѣ отказа Германіи отъ крѣпости Люксембурга, Мольтке вновь разсматриваетъ военное положеніе относительно Франціи и обсуждаетъ вопросъ, не слѣдуетъ ли, взамѣнъ Люксембурга, укрѣпить какой-либо другой пунктъ вблизи французской границы, по преимуществу Саарлуи.

6-го іюля 1867 года, Мольтке, опираясь на предыдущую записку, указываетъ на невыгоды расширенія укрѣпленій Саарлуи, предложеннаго департаментомъ общихъ дѣлъ военнаго министерства.

6-го сентября 1867 года Мольтке, разсматривая послѣднія усиленія вооруженія во Франціи и разные частные признаки (покупку лошадей въ Венгріи, пріобрѣтеніе въ Вѣнѣ топографическихъ картъ Германіи и подробныхъ свѣдѣній о рѣкахъ и проч.), приходитъ къ заключенію, что мѣры эти не увеличили цифры 300,000 человѣкъ французской полевой арміи (записка эта особливо замѣчательна изложеніемъ имѣвшихся свѣдѣній о противной арміи и ихъ оцѣнкою).

Въ запискѣ *9-го сентября 1867 года* изложены нѣкоторыя поправки въ свѣдѣніяхъ предыдущей, еще нѣсколько ослабляющія ихъ значеніе.

16-го ноября 1867 года составлена записка, излагающая основанія развертыванія арміи и первоначальныхъ дѣйствій въ войнѣ съ Франціею. Записка эта предназначена была въ руководство начальникамъ отдѣленій большого генеральнаго штаба для послѣдующей разработки ими соотвѣтствующихъ исполнительныхъ вопросовъ.

21-го марта 1868 года изложены взгляды Мольтке на мѣропріятія съ нѣмецкой стороны на случай перехода французовъ въ наступленіе до окончанія ихъ мобилизаціи.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ *апрѣлѣ того же года*, Мольтке въ особой запискѣ развилъ въ подробности свои взгляды на развертываніе нѣмецкихъ силъ при войнѣ съ Франціею и на первоначальныя дѣйствія.

Въ запискѣ Мольтке отъ *13-го мая 1868 года* изложены его взгляды на совокупныя дѣйствія сѣверо и южно-германскихъ силъ въ случаѣ войны съ Франціею. Взгляды эти обсуждались имъ въ Берлинѣ вмѣстѣ съ военно-уполномоченными Баваріи и Вюртемберга.

На основаніи этихъ обсужденій, въ *январѣ и мартѣ 1869 г.*, Мольтке составилъ новую весьма подробную записку о войнѣ съ Франціею.

Зимою 1868—1869 гг. Мольтке вновь разработалъ записку о первоначальныхъ дѣйствіяхъ: наступательныхъ противъ Франціи и оборонительныхъ противъ Австріи одновременно, а также о дѣйствіяхъ отдѣльно противъ первой изъ нихъ. Эта записка перерабатывалась затѣмъ неоднократно и притомъ послѣдній разъ въ іюлѣ 1870 года. На подлинникѣ есть надпись рукою Мольтке: «дѣйствительна и на 1870 годъ»; извлеченіе изъ этой записки помѣщено въ офиціальномъ сочиненіи германскаго генеральнаго штаба о войнѣ 1870—1871 гг. (ч. I, стр. 73 и послѣдующія).

Сверхъ того, *весною 1870 года* Мольтке, для руководства начальниковъ отдѣленій большого генеральнаго штаба, изложилъ въ особой запискѣ свои взгляды на выполненіе арміею наступленія къ линіи р. Мозель.

Всѣ эти записки, числомъ до двухъ десятковъ, а со включеніемъ относящихся къ другимъ вопросамъ и нами здѣсь не перечисленныхъ и гораздо болѣе этой цифры,—заключаютъ въ себѣ множество соображеній, принциповъ, предположеній, разсчетовъ. При сколько нибудь внимательномъ ихъ чтеніи не трудно обнаружить, что онѣ не составляютъ единоличной работы Мольтке, а заклю-

чаютъ въ себѣ собственно сводку разныхъ разсчетовъ и работъ большого генеральнаго штаба, обработанную Мольтке, связанную и поясненную его взглядами.

Вотъ почему записки эти представляютъ собою превосходный учебный матеріалъ, изъ котораго достаточно подготовленный читатель можетъ черпать очень разнообразныя указанія по вопросамъ сосредоточенія и первоначальнаго развертыванія арміи и притомъ въ такомъ видѣ, который, за малыми поправками, можетъ почитаться пригоднымъ въ общихъ чертахъ и для нашего времени [1]).

Техника развертыванія современныхъ армій разсматривается нѣсколькими отдѣлами военнаго искусства. Стратегія опредѣляетъ общую цѣль, возможную форму и желательную обстановку; военная администрація поучаетъ началамъ сложной организаціи, необходимой для удовлетворенія потребностей сосредоточиваемой арміи; курсъ желѣзнодорожнаго дѣла устанавливаетъ правила соотвѣтствующей желѣзнодорожной службы и дѣятельности ея органовъ и, наконецъ, военная географія и военная статистика даютъ главныя данныя для частнаго примѣненія всѣхъ упомянутыхъ требованій къ отдѣльнымъ театрамъ (областямъ) и ихъ особымъ условіямъ.

Знаніе этой техники весьма существенно для офицера генеральнаго штаба [2]). Однако, такъ какъ практическое ея примѣненіе можетъ составить удѣлъ относительно лишь немногихъ лицъ и то послѣ достаточной предварительной служебной дѣятельности, которая ознакомитъ ихъ съ отдѣльными элементами задачи, мы здѣсь полагаемъ достаточнымъ изложить лишь нѣсколько общихъ

---

[1]) Извлеченіе изъ этихъ записокъ имѣется на русскомъ языкѣ («Военный Сборникъ» 1898 г. №№ 8, 9 и 10. Работа начальника генеральнаго штаба полковника Борисова). [2]) Одинъ изъ англійскихъ военныхъ изслѣдователей причинъ успѣховъ, одержанныхъ германскою арміею въ войнѣ 1870–1871 гг., отмѣтилъ какъ достойное особаго вниманія обстоятельство, что любой офицеръ германскаго генеральнаго штаба нисколько не затруднился въ разговорѣ приведеніемъ на память характерныхъ чертъ и особенностей любого изъ возможныхъ театровъ военныхъ дѣйствій. Съ 1885 года преподаваніе военной географіи въ вѣнской военной школѣ сдѣлало значительные успѣхи. Слушатели отчетливо представляютъ себѣ свойство главныхъ операціонныхъ направленій, различаютъ раіоны удобные и неудобные (Durchzugland) для дѣйствій, условія обводненія и снабженія питьевой водой и пр. Имѣется основаніе полагать, что этотъ отдѣлъ свѣдѣній преподается съ необычайною тщательностью и во французской высшей военной школѣ.

указаній относительно тѣхъ составныхъ частей плана войны, въ которыхъ онъ долженъ представляться въ видѣ болѣе или менѣе готовомъ для практическихъ штабныхъ цѣлей.

Придерживаясь терминологіи нашего «Положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время», генералъ-квартирмейстерская часть полевого штаба, для отправленія своихъ обязанностей съ минуты наступленія войны, должна имѣть въ готовѣ весьма многочисленный матеріалъ, въ видѣ картъ, данныхъ, соображеній, схемъ и таблицъ.

Постараемся перечислить важнѣйшія.

I. *По отдѣлу свѣдѣній о мѣстности.* Описанія, записки, карты, маршруты, планы позицій и проч., изложенные въ той системѣ, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ справочнымъ потребностямъ и характеру предположенныхъ первоначальныхъ дѣйствій. Относящіяся къ ближайшимъ дѣйствіямъ данныя должны храниться во вполнѣ обработанномъ видѣ; для послѣдующихъ, уже болѣе гадательныхъ дѣйствій, лишь въ видѣ матеріаловъ. Однако, какъ обработанныя, такъ и не обработанныя данныя должны представлять значительный запасъ по сравненію съ объемомъ потребности, обрисовываемой непосредственными предѣлами намѣченныхъ дѣйствій.

Къ этому же отдѣлу относятся различныя свѣдѣнія и работы военно-статистическаго характера и соображенія о снабженіи подчиненныхъ штабовъ и войскъ соотвѣтствующими ихъ потребностямъ матеріалами: картами, таблицами, краткими описаніями квартирныхъ раіоновъ, краткими пособіями для обыденныхъ разговоровъ на языкѣ мѣстныхъ жителей и т. п. [1]).

II. *По отдѣлу свѣдѣній о численности и составѣ войскъ.* Вѣдомости, таблицы, діаграмы и проч. по отрядамъ, категоріямъ войскъ, пунктамъ расположенія и сбора и проч. Сюда же относятся главнѣйшія данныя о порядкѣ совершенія мобилизаціи и о мобилизаціонныхъ срокахъ, какъ вліяющія на послѣдующія соображенія о прикрытіи дѣйствій и обезпеченіи передовой пограничной полосы.

III. *По отдѣлу свѣдѣній о непріятелѣ.* Численность, распо-

---

[1]) При вторженіи прусской арміи въ 1866 г. въ Богемію, оказалось, что всѣ ротные и эскадронные командиры были снабжены карманными книжечками, заключавшими разныя свѣдѣнія о странѣ, полезныя для размѣщенія войскъ и, между прочимъ, весьма точныя данныя о наличности запасовъ въ населеніи.

ложеніе, соображенія и разсчеты о порядкѣ сосредоточенія и способахъ дѣйствій, по крайней мѣрѣ первоначальныхъ.

Всѣ разсчеты, поддающіеся цифровому опредѣленію, должны быть исполнены за непріятеля не менѣе тщательно, чѣмъ разсчеты, относящіеся до собственныхъ войскъ. Такая работа представляетъ собою одинъ изъ лучшихъ, наиболѣе наглядныхъ признаковъ пригодности даннаго состава генеральнаго штаба [1]).

IV. *По отдѣлу соображеній о собственныхъ дѣйствіяхъ.* Исходя изъ предшествующихъ основаній, необходимо установить основную идею: будутъ ли первоначальныя дѣйствія оборонительными, наступательными или смѣшаннаго характера, гдѣ именно какія, и гдѣ и какъ, въ случаѣ оборонительнаго начала, возможно разсчитывать на переходъ къ наступательному образу дѣйствій.

Установивъ этотъ основной вопросъ, при разрѣшеніи котораго не трудно выдѣлить и вліяніе на инициативу дѣйствій тѣхъ подготовительныхъ средствъ, которыя находятся въ рукахъ генеральнаго штаба, или иными словами степень совершенства штабной подготовки, необходимо перейти затѣмъ къ соображеніямъ о лучшемъ способѣ дѣйствій отдѣльныхъ частей арміи, начиная съ передовыхъ, приграничныхъ, а затѣмъ и къ мѣрамъ обезпеченія этихъ дѣйствій, со включеніемъ и главныхъ основаній подготовки къ войнѣ жителей и средствъ пограничной полосы, прилежащей къ предполагаемому раіону военныхъ дѣйствій или такъ называемой мобилизаціи пограничной полосы.

По выясненіи и установленіи этихъ основаній, необходимо затѣмъ перелить ихъ въ форму основныхъ указаній для руководства начальниковъ и штабовъ главныхъ подраздѣленій арміи: корпусовъ, отрядовъ, начальниковъ артилеріи, инженеровъ, тыловой службы и пр. (въ видѣ инструкцій, таблицъ, схемъ и т. п.).

V. *По отдѣлу подготовки исполнительныхъ распоряженій.* Какъ бы ни были основательны всѣ вышеупомянутыя соображенія о дѣйствіяхъ и какъ бы глубоко они ни проникали въ существо дѣла, но это послѣднее, для правильнаго своего развитія и хода, необходимо нуждается въ цѣломъ рядѣ актовъ формальнаго свойства, которые бы обезпечили, по крайней мѣрѣ на первое

---

[1]) Какъ видно изъ литературныхъ данныхъ, въ нѣкоторыхъ арміяхъ весьма тщательно слѣдятъ за данными о личномъ составѣ начальствующихъ въ сосѣднихъ арміяхъ.

время, направленіе его въ соотвѣтствіи съ разработанными соображеніями.

Принятое окончательно рѣшеніе выражается внѣшнимъ образомъ въ рядѣ предписаній, приказовъ, инструкцій, маршрутовъ, частныхъ и общихъ, всякихъ таблицъ и пр., заблаговременно изготовляемыхъ и поддерживаемыхъ въ полной исправности до предписаній о личныхъ командировкахъ и назначеніяхъ включительно.

VI. *По отдѣлу подготовки артилерійской, инженерной, интендантской и медицинской.* Каждая изъ этихъ частей развиваетъ обыкновенно свою подготовку по отдѣльной весьма сложной програмѣ, но эти послѣднія необходимо должны примыкать къ общему ряду работъ генералъ-квартирмейстерской части. Связь эта необходима вдвойнѣ: съ одной стороны для того, чтобы обосновать соображенія и мѣры оперативнаго характера мѣрами матеріальной подготовки, а съ другой стороны, чтобы этимъ послѣднимъ мѣрамъ придать цѣлесообразность съ оперативной точки зрѣнія.

Подготовка по отдѣламъ тѣхъ вопросовъ, которые, на основаніи «Положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время» входятъ въ кругъ вѣдѣнія дежурнаго генерала и начальника военныхъ сообщеній, составляетъ предметъ особыхъ и также весьма обширныхъ програмъ, включающихъ назначеніе личнаго состава этаповъ и указаніе для нихъ лазаретнаго и прочаго имущества; склады дезинфекціонныхъ средствъ для обеззараженія полей сраженія и бивуаковъ; организацію и снабженіе желѣзнодорожныхъ и иныхъ продовольственныхъ пунктовъ и пр.

Вопросы эти входятъ преимущественно въ область военно-административной техники.

Затѣмъ, само собою разумѣется, всѣ вопросы, предрѣшаемые планомъ войны, должны быть соображены съ соотвѣтствующимъ разрѣшеніемъ финансовой, экономической и прочихъ соприкасающихся сторонъ народнаго хозяйства.

Изъ приведеннаго бѣглаго очерка мы видимъ, что современный планъ войны для европейской арміи представляетъ собою

значительный собирательный трудъ многихъ органовъ и лицъ, какъ военнаго, такъ и гражданскаго управленій. Трудъ этотъ долженъ существовать постоянно и непрерывно совершенствоваться въ зависимости отъ перемѣнъ въ составныхъ элементахъ задания (политическое заданіе, составъ арміи, желѣзныя дороги и т. п.).

При хорошей постановкѣ работы генеральнаго штаба, составляющей главную направляющую часть въ планѣ войны, необходимыя перемѣны вводятся не только своевременно, но даже, быть можетъ, съ нѣкоторымъ предвареніемъ ихъ въ основныхъ элементахъ (послѣднее не трудно по отношенію къ такимъ поддающимся предвидѣнію и разсчетамъ даннымъ, какъ напримѣръ новыя желѣзныя дороги).

Сверхъ того, установленное въ штабахъ ежегодное обновленіе и исправленіе главныхъ частей плана войны къ опредѣленнымъ срокамъ (обыкновенно 1-е марта) должно разсматриваться какъ одна изъ существенныхъ мѣръ для спасенія плана отъ рутины и омертвѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта мѣра одинаково необходима и для подготовки и усовершенствованія органовъ, долженствующихъ принимать участіе въ исполненіи плана, главнымъ образомъ, генеральнаго штаба.

Достоинство плана войны не можетъ быть опредѣляемо исключительно лишь однимъ внѣшнимъ его совершенствомъ. *Полное, дѣйствительное его совершенство достижимо лишь въ совокупности съ совершенствомъ подготовленныхъ для него исполнителей.*

Совершенство генеральнаго штаба и техники его въ отношеніи къ созданію и поддержанію въ исправности тѣхъ работъ, которыя составляютъ планъ войны, есть потребность, стоящая на уровнѣ прочихъ первостепенныхъ государственныхъ.

V.

Переходя къ обзору занятій офицера генеральнаго штаба вообще въ обстановкѣ мирнаго времени, мы должны поставить на первомъ планѣ непрерывное пополненіе тѣхъ *образовательныхъ пробѣловъ* по военной исторіи, военному искусству и наукамъ вообще, которые сами собою указываются потребностями жизни и службы и ходомъ событій.

Знакомство съ выдающимися сочиненіями по военной исторіи [1]) и искусству, новыми офиціальными инструкціями, уставами, положеніями и пр. надо считать безспорно обязательными для офицера генеральнаго штаба, желающаго сохранить значеніе носителя современныхъ и живыхъ идей по своей спеціальности [2]).

Внимательное изученіе этихъ источниковъ и самостоятельное къ нимъ отношеніе уже въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ по окончаніи академическаго образованія представитъ весьма замѣтную ступень усовершенствованія и несомнѣнно будетъ значительно способствовать молодому офицеру въ его служебныхъ и литературныхъ письменныхъ начинаніяхъ.

Рядомъ съ общеобразовательными и военно-научными занятіями должна идти и *практическая дѣятельность*. Помимо административныхъ и штабныхъ занятій, весьма полезныхъ для развитія практическаго знакомства съ потребностями войскъ и способами правильнаго ихъ удовлетворенія, главное примѣненіе свѣдѣній офицера генеральнаго штаба въ формѣ, одновременно полезной и для него лично и для другихъ, проявляется участіемъ его въ *занятіяхъ по обученію войскъ*.

Они могутъ быть подраздѣлены на *одиночныя*, примѣняемыя главнымъ образомъ при практикѣ съ офицерами и съ воспитанниками военно-учебныхъ заведеній и *массовыя*, при обученіи цѣлыхъ частей войскъ.

Занятія съ офицерами войсковыхъ частей крайне необходимы для офицера генеральнаго штаба, доставляя ему знакомство съ существующимъ уровнемъ тактическихъ свѣдѣній въ войскахъ и взглядами, укоренившимися въ нихъ на важнѣйшіе тактическіе и уставные вопросы. Сверхъ того, офицеру генеральнаго штаба представляется тутъ удобный случай приходить въ близкое общеніе съ офицерами незнакомыхъ ему частей войскъ и родовъ оружія, въ которыхъ онъ самъ не служилъ. Для того же, чтобы офицеръ генеральнаго штаба принесъ своими занятіями пользу строевымъ офицерамъ, необходимо, чтобы онъ каждый разъ тщательно подготовлялся къ данному упражненію, намѣтивъ себѣ цѣль и про-

---

[1]) Военно-ученая часть генеральнаго штаба должна быть, главнымъ образомъ, хранительницею и источникомъ разработки завѣтовъ отечественной военной исторіи. [2]) Гр. Мольтке требовалъ отъ своихъ офицеровъ постояннаго и внимательнаго чтенія газетъ и повременной литературы вообще, находя, что занятіе это развиваетъ наблюдательность и пріучаетъ вдумываться въ значеніе фактовъ обыденной жизни.

граму его, а затѣмъ на самыхъ занятіяхъ, отрѣшившись отъ отвлеченныхъ академическихъ формъ, не подходящихъ для строевыхъ офицеровъ, старался бы оживлять ихъ представленіе и пользоваться умѣло ихъ вниманіемъ, всемѣрно избѣгая возможности обращенія этихъ занятій въ формальное отправленіе обоюдныхъ обязанностей.

При занятіяхъ цѣлыхъ частей войскъ и ихъ высшихъ соединеній, на офицерѣ генеральнаго штаба лежитъ обязанность изслѣдованія мѣстности, подготовки програмы, участія въ ея выполненіи и въ составленіи послѣдующаго отчета. Важность этихъ работъ совершенно очевидна. Личныя упражненія офицера генеральнаго штаба на этихъ занятіяхъ заключаются: въ изученіи мѣстности по отношенію къ данному тактическому предположенію, развитіи глазомѣра, практикѣ въ письменныхъ и словесныхъ распоряженіяхъ и въ знакомствѣ съ вліяніемъ неизбѣжныхъ случайностей, получаемомъ изъ сравненія первоначальныхъ предположеній съ дѣйствительнымъ ходомъ упражненія и достигнутыми результатами.

Наиболѣе полнаго развитія эти занятія достигаютъ на большихъ маневрахъ войскъ, поучительность коихъ направлена главнымъ образомъ въ сторону начальниковъ и штабовъ. Посему на этихъ послѣднихъ лежитъ обязанность самаго внимательнаго веденія маневровъ для извлеченія изъ нихъ возможно большей пользы [1]).

Письменныя упражненія, сопутствующія маневру и веденіе отчетности по выполненію маневреннаго предположенія служатъ подготовкою для веденія *Журнала военныхъ дѣйствій*, служащаго въ каждомъ отдѣльномъ штабѣ (равно какъ и въ каждой отдѣльной части войскъ) главнымъ основаніемъ для всѣхъ послѣдующихъ сужденій и приговоровъ исторіи.

---

[1]) Служба офицеровъ генеральнаго штаба во время большихъ маневровъ войскъ крайне разнообразна: рекогносцировки, письменныя работы, отдѣльныя порученія и пр. Весьма полезно чередовать по возможности эти виды дѣятельности для доставленія наибольшей практики каждому изъ офицеровъ во время маневра. Въ австро-венгерской арміи, съ недавняго времени, при значительныхъ отрядахъ маневрирующихъ войскъ назначаются офицеры генеральнаго штаба въ роли наблюдателей и докладчиковъ (Berichterstatter) посредникамъ и руководителямъ маневра. Вообще искусство составленія поучительныхъ маневренныхъ програмъ и предположеній, со включеніемъ и всѣхъ относящихся къ сему хозяйственныхъ соображеній, должно быть усвоено офицеромъ генеральнаго штаба въ возможномъ совершенствѣ.

Точность и краткость выраженія факта, занесеннаго въ журналъ, и достовѣрность основаній, приводимыхъ въ немъ въ самый день ихъ проявленія, требуютъ, помимо спеціальныхъ свѣдѣній, развитія особой наблюдательности, поддерживаемой достаточнымъ упражненіемъ въ мирное время.

Общая польза, какъ войскъ, такъ и офицеровъ генеральнаго штаба, требуетъ, чтобы послѣдніе слѣдили за свѣдѣніями по обученію иностранныхъ войскъ и относились вполнѣ сознательно къ различію началъ и пріемовъ, принятыхъ въ своихъ и иностранныхъ войскахъ.

По вышеупомянутымъ вопросамъ на русскомъ языкѣ есть два труда, образцовыя достоинства коихъ вызываютъ желательность хорошаго знакомства съ ними каждаго офицера, вступающаго въ генеральный штабъ.

Труды эти: генерала барона *Н. Каульбарса* о германской арміи [1]) и отчетъ генерала *Скобелева* о маневрахъ I, II и XV корпусовъ германской арміи въ 1879 году [2]). Въ обоихъ трудахъ, сохранившихъ и до нынѣ большую долю живого значенія, талантливо и и увлекательно изложенныхъ, важно прослѣдить и по возможности усвоить особую остроту и глубину наблюдательности авторовъ.

Затѣмъ настольною книгою офицера генеральнаго штаба долженъ бы быть превосходный задачникъ графа Мольтке, представляющій однако значительныя трудности для неподготовленныхъ и не знающихъ нѣмецкаго языка и требующій исключенія нѣкоторыхъ устарѣвшихъ задачъ [3]).

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ отдѣловъ практическихъ занятій офицера генеральнаго штаба являются *полевыя поѣздки*: спеціально генеральнаго штаба и строевыхъ офицеровъ.

Спеціальныя поѣздки генеральнаго штаба, на которыя привлекаются въ небольшомъ числѣ также войсковые начальники, артилерійскіе, инженерные и интендантскіе офицеры, представляютъ собою практическія упражненія въ полѣ, соединяемыя съ рѣшеніемъ задачъ тактическихъ, военно-статистическихъ и топографическихъ. Въ большей части случаевъ поѣздки эти имѣютъ

---

[1]) Германская армія и принципы ея быта и обученія. Составилъ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ баронъ Н. Каульбарсъ. Спб., 1890 года. «Военный Сборникъ» 1876 г., №№ 7—11 и 1877 г., №№ 1—12 [2]) «Военный Сборникъ» 1897 г., № 1. [3]) Переводъ задачника на русскій языкъ подготовленъ, но не можетъ быть вскорѣ изданъ вслѣдствіе затруднительности воспроизведенія картъ.

лишь учебный характеръ, но иногда къ нимъ присоединяютъ и практическія задачи, вродѣ составленія описанія раіоновъ мѣстности, изслѣдованія сѣти путей и проч. Передъ поѣздками (продолжительность коихъ опредѣлена у насъ въ 21 день), задачи обсуждаются на общихъ собраніяхъ участниковъ, назначаемыхъ обыкновенно на сборномъ пунктѣ поѣздки. Какія бы задачи ни преслѣдовались данною поѣздкою, чисто учебныя или соединенныя съ практическою потребностью, польза, какъ отдѣльныхъ участниковъ, такъ и общаго дѣла, одинаково требуетъ *возможно болѣе тщательной обработки* результатовъ каждой отдѣльной работы и общей ихъ сводки Только при соблюденіи этого условія поѣздки принесутъ участникамъ ихъ ту самую пользу, которую Мольтке видѣлъ въ возможно болѣе глубокой разработкѣ тактическихъ задачъ. Поверхностное рѣшеніе, прикрытое даже внѣшнею тщательностью работы, заключаетъ въ себѣ непремѣнно признаки нѣкоторой нравственной распущенности. Законченность же работы есть вообще одинъ изъ несомнѣнныхъ признаковъ зрѣлости ума и характера.

Полевыя поѣздки введены были въ европейскихъ арміяхъ по примѣру германской, послѣ войны 1870—1871 гг. Начало же имъ положено было еще задолго до того въ прусской арміи, въ которой онѣ укрѣпились благодаря постановкѣ, приданной имъ предмѣстникомъ Мольтке по должности начальника генеральнаго штаба, а именно генераломъ Рейеромъ, занявшимъ эту должность съ 1848 г. Онъ значительно развилъ установленныя еще до него поѣздки генеральнаго штаба, къ которымъ привлекалъ и строевыхъ офицеровъ. На этихъ поѣздкахъ, которыми онъ руководилъ лично, Рейеръ обнаруживалъ огромное богатство фантазіи, которое способствовало возможному сглаженію для участниковъ различія между условностями мирнаго времени и дѣйствительностью военной обстановки. Рейеръ, опытный боевой генералъ, несомнѣнно увлекался въ этомъ дѣлѣ, но увлекалъ за собою и своихъ учениковъ. Критика его была неумолима, но облекалась въ очень мягкія формы, благодаря которымъ всѣ охотно ей подчинялись. Однимъ изъ самыхъ ревностныхъ его учениковъ былъ принцъ Фридрихъ-Карлъ прусскій [1]), который говаривалъ: «всѣмъ, что я знаю, обязанъ я генералу Рейеру».

---

[1]) Командовалъ арміями: въ 1866 г.—первою, въ 1870—1871 гг.—второю; умеръ въ 1885 году.

Мольтке неоднократно высказывалъ, насколько была поучительна и завлекательна система Рейера, которую затѣмъ и онъ удержалъ въ ея существенныхъ чертахъ.

При Мольтке (съ осени 1857 года), большое развитіе получили поѣздки, производимыя въ корпусныхъ округахъ, участіе въ которыхъ принимало значительно болѣе офицеровъ, нежели въ поѣздкахъ, производимыхъ отъ большого генеральнаго штаба, которыми руководилъ Мольтке самолично. Начальники корпусныхъ штабовъ представляли, передъ началомъ поѣздокъ, задапія и предположенія о ходѣ работъ, которыя Мольтке просматривалъ и возвращалъ со своими исправленіями или совѣтами. То же происходило и послѣ составленія отчетовъ о задачахъ, разрѣшенныхъ поѣздками. Сдѣланныя въ этихъ случаяхъ замѣчанія Мольтке весьма многочисленны и обнаруживаютъ, на сколько основательно знакомился онъ съ каждою отдѣльною работою. Обобщеніе какъ этихъ замѣчаній, такъ и тѣхъ, которыя дѣлались имъ на поѣздкахъ подъ личнымъ руководствомъ, излагалось имъ въ видѣ общей сводки, которая была сообщаема затѣмъ для свѣдѣнія всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба.

Первая и самая объемистая изъ такихъ записокъ относится къ марту 1858 года и заключаетъ въ себѣ замѣчанія Мольтке по поводу поѣздокъ 1857 года. Въ запискѣ этой указывается на необходимость ставить всегда на первый планъ все простое, естественное, сообразное съ условіями войны, и избѣгать искусственныхъ пріемовъ. Мольтке безпрерывно указывалъ, что эти упражненія только тогда могутъ имѣть значеніе, когда они возможно болѣе приближены къ дѣйствительности и когда направлены къ предоставленію подчиненнымъ войсковымъ начальникамъ возможно полной самостоятельности въ кругѣ ихъ дѣятельности.

Въ мартѣ 1864 года послѣдовало второе изданіе этихъ замѣчаній, въ видѣ дополненія къ первому изданію, а въ 1869 году— третье. Во всѣхъ этихъ запискахъ Мольтке высказалъ много взглядовъ, которые затѣмъ были приняты въ основу германскихъ официальныхъ руководствъ для веденія войскъ. Такимъ образомъ, обработка учебнаго матеріала, доведенная до возможнаго совершенства, принесла пользу не только отдѣльнымъ участникамъ, но и всей арміи.

Поѣздки отъ большого генеральнаго штаба связаны вообще съ ходомъ подготовительныхъ къ войнѣ работъ этого послѣдняго и заключаются преимущественно въ освѣщеніи частныхъ вопросовъ,

относящихся къ приграничнымъ районамъ, предварительныхъ рекогносцировкахъ для выбора позицій, подлежащихъ усиленію укрѣпленіями и пр.

Согласно послѣднему положенію о полевыхъ поѣздкахъ германской арміи [1]), онѣ получили нынѣ еще бо́льшее развитіе, раздѣляясь на три вида: поѣздки главнаго штаба, корпусныхъ штабовъ и крѣпостныя. Первыя производятся ежегодно подъ руководствомъ начальника главнаго штаба съ офицерами этого штаба съ присоединеніемъ и иныхъ по усмотрѣнію начальника главнаго штаба. Корпусныя поѣздки, на которыхъ должны участвовать *всѣ* офицеры генеральнаго штаба даннаго корпуснаго округа, производятся ежегодно во всѣхъ округахъ, въ которыхъ нѣтъ крѣпостныхъ поѣздокъ; этихъ же послѣднихъ производится ежегодно двѣ. Поѣздки продолжаются: главнаго штаба—21 день, корпусныя—17 и крѣпостныя—12 дней, причемъ сроки эти могутъ быть нѣсколько увеличены или сокращены. Въ составѣ всѣхъ поѣздокъ участвуютъ чины интендантства и офицеры разныхъ родовъ оружія, соотвѣтственно потребности и особымъ, довольно широкимъ нормамъ.

Въ *Австро-Венгріи* также производятся поѣздки генеральнаго штаба: отъ главнаго (генеральнаго) штаба ежегодно въ продолженіе 21—25 дней и въ составѣ около 40 офицеровъ подъ личнымъ руководствомъ начальника генеральнаго штаба и въ корпусныхъ округахъ (ежегодно по особому росписанію въ восьми округахъ) въ составѣ около 17-ти офицеровъ генеральнаго штаба, одного интендантскаго чиновника и нѣсколькихъ строевыхъ офицеровъ въ продолженіе 14-ти дней.

Положеніе объ упомянутыхъ поѣздкахъ для австро-венгерской арміи обращаетъ особливое вниманіе на тщательность разработки програмъ поѣздокъ и на исполненіе ихъ въ условіяхъ, возможно болѣе тожественныхъ съ условіями службы генеральнаго штаба въ военное время. Такъ, вслѣдъ за большими и утомительными переѣздами верхомъ, назначается напряженная канцелярская работа, занимающая непремѣнно и часть ночи. Затѣмъ руководителями поѣздокъ дѣлается весьма внимательный разборъ произведенныхъ работъ и оцѣнка степени подготовки и выносливости каждаго изъ участниковъ. По результатамъ полевыхъ поѣздокъ опредѣляется и пригодность причисленныхъ офицеровъ къ переводу въ генеральный штабъ.

---

[1]) Отъ 18-го января 1900 г. («Военный Сборникъ», № 9).

По французскому положенію поѣздки генеральнаго штаба производятся ежегодно въ армейскихъ корпусахъ, по назначенію военнаго министра. Цѣлью поѣздки ставится практика въ службѣ при корпусѣ во время военныхъ дѣйствій; участниковъ въ партіи всего лишь девять: начальникъ штаба корпуса или его помощникъ, начальники дивизіонныхъ штабовъ и нѣсколько штабъ-офицеровъ или капитановъ изъ числящихся въ резервѣ генеральнаго штаба. Поѣздки производятся въ теченіе 4—5 дней (не считая времени на сборъ и возвращеніе), непосредственно передъ осенними маневрами. Въ Альпахъ, Алжирѣ и Тунисѣ производятся, по усмотрѣнію министра, спеціальныя поѣздки.

Сверхъ того, въ дивизіяхъ производятся *практическія упражненія въ полевой службѣ генеральнаго штаба*. Въ этихъ упражненіяхъ, подъ руководствомъ начальника штаба дивизіи, принимаютъ участіе офицеры резерва генеральнаго штаба (hors cadre) и причисленные къ нему (stagiaires). Занятія состоятъ въ изученіи дѣйствій дивизіи, отдѣльной или въ составѣ другихъ войскъ, а также бригады смѣшаннаго состава. Эти упражненія, числомъ всего четыре, производятся ежегодно въ каждой дивизіи также передъ начальнымъ осеннихъ маневровъ и какъ видно, ближе всего подходятъ къ нашимъ поѣздкамъ со строевыми офицерами.

По поводу полевыхъ поѣздокъ необходимо упомянуть, что онѣ, помимо практики въ полевой штабной техникѣ, представляютъ собою одно изъ главныхъ средствъ усовершенствованія офицеровъ генеральнаго штаба въ столь трудномъ дѣлѣ *пониманія и запоминанія мѣстности*.

Способность эта необходимо должна быть достаточно развита уже подготовительнымъ (академическимъ) образованіемъ, такъ какъ безъ обладанія ею немыслимо правильное рѣшеніе какихъ бы то ни было задачъ, въ составъ коихъ входитъ элементъ мѣстности въ узкомъ или обширномъ смыслѣ.

Практика офицеровъ берлинской военной академіи въ съемкахъ и изученіи мѣстности производится на равнинныхъ и относительно плоскихъ окрестностяхъ къ югу отъ Берлина, что считается весьма полезнымъ для развитія глаза и пріученія его къ различенію легкихъ покатостей. Французы, при классномъ обученіи въ военныхъ школахъ, какъ въ С.-Сирской, такъ и въ высшей, для развитія способности къ пониманію рельефа, прибѣгаютъ къ пособію перспективнаго рисованія видовъ съ опредѣленной точки зрѣнія, назначаемой на планѣ (стереографическій способъ); за-

тѣмъ и при съемкахъ и крокировкахъ, производимыхъ на мѣстности, требуется также составленіе перспективныхъ видовъ по направленіямъ, представляющимъ особо важное значеніе (путь слѣдованія и линія вѣроятнаго развертыванія непріятеля; главные подступы къ непріятельской позиціи, выгоднѣйшіе обстрѣлы и т. п.).

Въ вѣнской военной школѣ топографическое обученіе, вмѣстѣ съ черченіемъ картъ, поставлено превосходно: офицеры много упражняются въ работахъ на гористой мѣстности и тщательно пріучаются къ свободной ориентировкѣ и всестороннему пониманію свойствъ мѣстности.

Сказаннаго достаточно для подтвержденія важности подготовительнаго (академическаго) обученія для развитія и усовершенствованія упомянутой способности, безъ которой офицеръ генеральнаго штаба совершенно немыслимъ. Само собою разумѣется, что правильно поставленное обученіе уже вскорѣ, черезъ годъ—два, должно вызвать въ офицерѣ, обладающемъ хотя нѣкоторыми природными способностями, почти такое же пониманіе мѣстности и свободное запоминаніе ея, какимъ естественно обладаютъ люди, живущіе среди природы: охотники, наши казаки, кочевники, горцы и проч. Такъ напримѣръ, и турки обладаютъ вообще хорошими природными способностями къ пользованію мѣстностью, такъ какъ, принадлежа въ большинствѣ къ обитателямъ гористыхъ и горныхъ частей Азіи и Европы, гдѣ полевое хозяйство требуетъ непремѣнно проведенія оросительныхъ канавъ, пріучаются постоянно къ глазомѣрному нивелированію мѣстности. Утверждаютъ, что и китайцы обладаютъ относительно развитою способностью ориентировки, вслѣдствіе постояннаго упражненія въ различеніи положенія своего относительно страны свѣта; это же обстоятельство обусловливается отсутствіемъ въ китайскомъ языкѣ словъ: «справа», «слѣва», «спереди», «сзади» и замѣною ихъ постоянными понятіями: «сѣвернѣе», «южнѣе», «восточнѣе» и «западнѣе» [1]).

Постепенное развитіе въ офицерѣ генеральнаго штаба пониманія мѣстности и способности къ ориентировкѣ путемъ настойчивыхъ упражненій на полевыхъ поѣздкахъ и въ другихъ случаяхъ должно быть доведено до искусства запоминанія значительныхъ раіоновъ по картѣ съ умѣніемъ найтись на соотвѣт-

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Китая ориентировка облегчается тѣмъ, что всѣ окна и двери жилищъ (фанзъ) обращены исключительно лишь на югъ. Офицеръ генеральнаго штаба долженъ умѣть тотчасъ же примѣчать такія особенности на незнакомой мѣстности.

ствующей мѣстности и въ высшихъ проявленіяхъ, до искусства постояннаго умственнаго изображенія карты любой пройденной мѣстности. Эта послѣдняя столь трудная задача представляется однако нерѣдко практически необходимою. Въ такихъ именно условіяхъ находились офицеры нашего генеральнаго штаба на Балканскомъ полуостровѣ въ войну 1877—1878 годовъ, имѣя въ своихъ рукахъ лишь карту 10-ти-верстнаго масштаба, составленную по рѣдкой сѣти маршрутовъ и представлявшую многочисленные пропуски и погрѣшности, какъ въ частностяхъ, такъ и въ основахъ.

Если присоединить къ сказанному искусству необходимость глубокаго и всесторонняго пониманія тактическихъ и иныхъ свойствъ мѣстности, начиная съ небольшихъ раіоновъ (позицій) до цѣлыхъ театровъ вѣроятныхъ дѣйствій (областей), то мы убѣдимся, что условія, коимъ должны удовлетворять вполнѣ развитыя способности офицера генеральнаго штаба по отношенію къ мѣстности, въ совокупности значительно превосходятъ самыя развитыя естественныя способности людей, стоящихъ у лона природа.

Принявъ во вниманіе это обстоятельство, мы вынуждены будемъ признать, что формулированное самымъ блестящимъ представителемъ русскаго генеральнаго штаба въ войнахъ начала прошлаго столѣтія, графомъ Толлемъ, требованіе отъ офицера генеральнаго штаба *быть въ состояніи проѣхать въ день сто верстъ верхомъ и запомнить всю проѣханную мѣстность, какъ впередъ, такъ и назадъ*, является для нынѣшнихъ условій войны значительно болѣе элементарнымъ, нежели оно было въ то время [1]).

Такъ какъ наблюденіе за обстановкою и оцѣнка ея представляютъ собою спеціальность генеральнаго штаба, то и условія, вліяющія на дѣйствительность огня, отнюдь не должны быть исключаемы изъ этого наблюденія и относимы исключительно на обязанность войсковыхъ начальниковъ. Такъ, напримѣръ, англійскія войска, прибывавшія въ Южную Африку, не имѣли представ-

---

[1]) Ученіе о мѣстности (Terrainlehre) какъ болѣе и менѣе самостоятельный отдѣлъ теоріи, связующій топографію и тактику, еще недавно, сколько намъ извѣстно, преподавался только въ вѣнской военной школѣ. У насъ номенклатура отдѣльныхъ частей мѣстности, преимущественно рельефа, весьма разнообразная, вслѣдствіе большаго различія въ строеніи разныхъ частей поверхности и мѣстныхъ названій, до сего времени не приведена къ желательному однообразію. Въ 60-хъ годахъ въ этомъ отношеніи была сдѣлана полковникомъ *Циклинскимъ* попытка, въ видѣ небольшого литографированнаго пособія для слушателей Николаевской академіи генеральнаго штаба.

ленія о томъ вліяніи, какое оказываютъ тамъ на опредѣленіе разстояній суточныя колебанія прозрачности воздуха, зависящія отъ быстрыхъ измѣненій степени его влажности. Соотвѣтствующія ошибки, доходившія до преувеличенія или преуменьшенія дѣйствительнаго разстоянія въ *нѣсколько* (5—10) *разъ* не рѣдко совершенно обезпреживали для буровъ англійскій огонь.

По приведенному уже нами свидѣтельству В. В. Верещагина, основанному на наблюденіи морскаго офицера, офицеры японскаго генеральнаго штаба прекрасно подготовлены въ искусствѣ опредѣленія разстояній на глазъ.

Въ соотвѣтствіи съ распространеніемъ ночныхъ дѣйствій войскъ, учебныя занятія и полевыя поѣздки генеральнаго штаба должны также производиться отчасти въ ночное время, или заканчиваясь весьма поздно или же начинаясь до разсвѣта При этомъ можетъ быть производима практика въ оріентировкѣ по звѣздамъ, оцѣнка и выборъ путей слѣдованія и пр.

Свѣдѣнія о состояніи войскъ, сосредоточиваемыя въ штабахъ (письменныя и иныя) должны давать возможно болѣе наглядную и современную картину состоянія ихъ силъ и снабженія. Однако, какъ бы ни были совершенны эти свѣдѣнія, они не могутъ замѣнить собою вполнѣ того глазомѣра и того чувства, которыми необходимо должны обладать хорошіе войсковые начальники и начальники штабовъ и съ помощью которыхъ удобнѣе всего опредѣляется, сыты ли и здоровы люди и какъ они настроены. Разумѣется и этотъ практическій вопросъ есть, главнымъ образомъ, удѣлъ наблюдательности и привычки. Вспомнимъ по этому поводу, что начальникъ штаба одного изъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ въ прошлую войну съ Турціею въ Закавказьи, представилъ нарядъ баталіона на передовые посты на утвержденіе начальника отряда, причемъ послѣдній долженъ былъ замѣнить этотъ баталіонъ другимъ, такъ какъ начальникъ штаба, только что передъ тѣмъ присутствовавшій съ начальникомъ отряда при вступленіи колонны на бивакъ не замѣтилъ, что у наряженнаго имъ баталіона подошвы сапогъ были въ наихудшемъ состояніи. Слѣдовать же предстояло по каменистой горной дорогѣ.

Доклады, дѣлаемые офицерами генеральнаго штаба своимъ начальникамъ, должны служить непрерывной практикою первымъ въ разработкѣ и подготовкѣ всѣхъ возможныхъ рѣшеній даннаго военнаго или административнаго вопроса, изъ коихъ начальникъ

изберетъ наиболѣе подходящее, отвѣтственность за которое онъ принимаетъ на себя.

Важнымъ подспорьемъ образовательному успѣху и развитію практической пригодности офицера генеральнаго штаба служатъ также отдѣльныя *порученія разнаго рода*, обращающіяся въ командировки въ тѣхъ случаяхъ, когда они связаны съ переѣздомъ.

Порученія эти настолько разнообразны, что врядъ-ли могутъ быть обняты какою-либо класификаціею; они вызываются многообразными потребностями жизни, иногда проявляющимися даже вдругъ и случайно. Благодаря этой многообразности возможныхъ порученій, каждому офицеру генеральнаго штаба предоставляется способъ опредѣлить степень своей личной пригодности къ тѣмъ или инымъ отраслямъ практической дѣятельности генеральнаго штаба и достаточность своей образовательной подготовки для уровня данныхъ практическихъ требованій.

Наши азіятскія владѣнія своимъ разнообразіемъ и обширностью даютъ нашему генеральному штабу преимущество въ изученіи мѣстности на обширномъ протяженіи, съ военно-статистическимъ и вообще научнымъ описаніемъ ея. Однако, вообще специализація офицера генеральнаго штаба на какомъ-либо одномъ родѣ занятій или въ какомъ-либо одномъ кругѣ научныхъ работъ въ теченіе продолжительнаго времени неизбѣжно нарушаетъ то равновѣсіе свѣдѣній и практическихъ способностей, которое служитъ главною характеристикою пригодности для службы генеральнаго штаба, преимущественно же полевой.

Помимо отдѣльныхъ порученій, возлагаемыхъ лично на того или другого офицерова генеральнаго штаба, на специализацію занятій ихъ вліяетъ еще и та группировка, которая обусловлена основными потребностями, обслуживаемыми генеральнымъ штабомъ въ мирное время.

У насъ потребности эти расчленяются на слѣдующіе главные виды службы: а) *строевой*, представляющійся основнымъ, предназначеннымъ для удовлетворенія непосредственныхъ требованій войсковой дѣятельности; б) *военно-административный*—для общихъ потребностей арміи и связи съ источниками ихъ удовлетворенія въ государственной администраціи; в) *мобилизаціонный* и *желѣзнодорожный*—какъ самостоятельныя разновидности военно-административнаго въ тѣсномъ смыслѣ слова; г) *военно-агентурный*—для удовлетворенія потребностей, вызываемыхъ внѣшнимъ

представительствомъ арміи, и д) *геодезическій и военно-топографическій.*

Всѣ эти отрасли дѣятельности, представляющія, за нѣкоторымъ исключеніемъ послѣдней, геодезической и топографической, весьма много общей содержательности и даже связанныя общими вопросами военной подготовки арміи, должны быть названы одинаково полезными и необходимыми. Каждая изъ нихъ имѣетъ свою нѣсколько обособленную организацію и свои отдѣльныя задачи, которыя, однако, необходимо должны гармонически сливаться въ одной конечной задачѣ—боевой готовности арміи. Главною заботою лицъ, вѣдающихъ организаціею генеральнаго штаба въ мирное время должно быть сохраненіе необходимаго преобладанія элемента войскового генеральнаго штаба, какъ въ численномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ.

Военно-агентурная часть генеральнаго штаба представляется вообще самою малочисленною (около десятка человѣкъ), хотя обязанности ея весьма сложны и иногда являются крайне трудными. Несмотря на пользу, приносимую опытнымъ военнымъ агентомъ, хорошо освоившимся съ чужестранною обстановкою, пребываніе на этихъ должностяхъ полезно ограничивать срокомъ отъ трехъ до пяти лѣтъ, съ цѣлью проводить возможно болѣе офицеровъ черезъ эти должности и не допускать военныхъ агентовъ до превращенія въ односторонникъ спеціалистовъ.

Всѣми вопросами по отправленію различныхъ отраслей дѣятельности генеральнаго штаба и прохожденіемъ службы по генеральному штабу вѣдаютъ центральные органы—*главные штабы* [1]), въ которыхъ вопросы эти непосредственно связаны съ собственною ихъ дѣятельностью по тѣмъ отдѣламъ службы генеральнаго штаба, которые лежатъ собственно на этихъ центрахъ (въ существѣ всѣ главные штабы состоятъ изъ частей; оперативной, мобилизаціонной, желѣзнодорожной и топографической). Во Франціи вопросы прохожденія службы генеральнымъ штабомъ вѣдаются не единолично начальникомъ главнаго штаба, а особымъ комитетомъ, образованнымъ декретомъ 31-го іюля 1888 года подъ названіемъ техническаго. Этотъ комитетъ разсматриваетъ и нѣкоторые иные вопросы дѣятельности генеральнаго штаба.

Основная идея дѣятельности главныхъ штабовъ—подготовка

---

[1]) Въ Германіи—большой генеральный штабъ, въ Австро-Венгріи—генеральный штабъ.

къ войнѣ, требуетъ, чтобы эти штабы заключали въ себѣ всегда готовый къ началу своей дѣятельности *полевой штабъ*. Готовность эта должна быть понимаема не только въ личномъ, узкомъ, смыслѣ, но и въ болѣе широкомъ—подготовка дѣятелей къ предстоящей имъ роли, начиная съ перваго же дня войны.

Прусскій большой генеральный штабъ въ этомъ отношеніи былъ передовымъ уже съ середины прошлаго вѣка. Въ составѣ его въ прежнія времена было три отдѣленія соотвѣтственно театрамъ: восточному, западному и среднему (начальники отдѣленій назывались начальниками театровъ). Подготовка къ войнѣ 1866 и 1870 гг. дѣлалась въ залахъ Берлинскаго штаба такъ, что штабы армій представляли собою каждый отдѣльную групу и вели свои работы въ общей связи, сознательно преслѣдуя въ своихъ распоряженіяхъ общую цѣль подъ непосредственнымъ и личнымъ руководствомъ Мольтке.

Въ дѣятельности штабовъ въ мирное время существуетъ весьма много частныхъ условій, которыя не могутъ быть обняты правильною регламентаціею и изучаются и поддерживаются лишь практикою. Внутренній смыслъ всѣхъ такихъ правилъ опредѣляется лишь однимъ стремленіемъ: при данныхъ средствахъ лучше достигнуть осуществленія тѣхъ основъ, о которыхъ мы упоминали при разсмотрѣніи военной дѣятельности генеральнаго штаба и образовать возможно лучше подготовленные полевые штабы.

При штабной дѣятельности мирнаго времени необходимо строго соблюдать тѣ основы внѣшняго и внутренняго порядка штабной работы, которыя такъ необходимы въ военное время и которыя не могутъ быть тогда достаточно прочно установлены, если не были ранѣе укоренены въ общихъ привычкахъ и взглядахъ.

Такъ, въ видѣ примѣровъ, укажемъ на слѣдующія элементарныя правила, соблюдаемыя въ большинствѣ штабовъ и съ которыми молодымъ офицерамъ, вступающимъ впервые въ практическую дѣятельность, необходимо вполнѣ освоиться: 1) внѣ служебныхъ помѣщеній и отношеній по возможности избѣгаютъ разговоровъ о служебныхъ дѣлахъ даже между лицами, посвященными въ нихъ; 2) вопросы военной подготовки сообщаются работающимъ офицерамъ только въ мѣрѣ, необходимой для ихъ работы; 3) всѣ совмѣстно работающіе въ одномъ помѣщеніи офицеры отвѣтствуютъ другъ за друга въ соблюденіи правилъ храненія работъ и документовъ, и 4) работы по военной подготовкѣ исполняются по возможности безъ участія чиновниковъ и писарей.

Примѣры нежелательныхъ послѣдствій, проистекающихъ отъ недостатка порядка и не точнаго соблюденія установленныхъ правилъ для храненія служебныхъ секретовъ, довольно многочисленны и притомъ не рѣдко встрѣчаются на страницахъ періодической печати. Заимствуемъ нижеслѣдующіе изъ послѣднихъ попавшихъ на наши глаза.

На французскомъ сталелитейномъ заводѣ въ Комантри былъ похищенъ секретъ приготовленія металла ферро-хрома. При изслѣдованіи этого обстоятельства, было найдено 300 компрометирующихъ документовъ, въ томъ числѣ многочисленныя визитныя карточки иностранныхъ офицеровъ, съ которыми организаторъ преступленія, нѣкто Стефанъ Іовановичъ, австрійскій полякъ, находился повидимому въ сношеніяхъ [1]). Французскіе флотскіе круги были смущены появленіемъ въ одномъ германскомъ техническомъ изданіи статьи, содержащей подробнѣйшее описаніе подводной лодки «Narval». Статья сопровождается фотографіею судна, снятою въ Шербургскомъ сухомъ докѣ, куда входъ постороннимъ лицамъ строжайше воспрещенъ [2]).

Изъ имѣющихся подробныхъ печатныхъ отчетовъ о громкомъ военно-судебномъ дѣлѣ, своею сложностью волновавшемъ всю Францію въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, мы можемъ позаимствовать слѣдующіе факты, относящіеся къ порядку службы во французскомъ главномъ штабѣ того времени. Основныя записки съ изложеніемъ плана войны (plans directeurs) неоднократно исчезали изъ штаба [3]). Начальникъ отдѣленія, вѣдавшій секретнымъ планомъ мобилизаціи и организаціи полевой артилеріи по военному времени, объяснялъ его другому офицеру во время прогулки по улицѣ [4]). Почти всѣ причисленные къ штабу офицеры были ознакомлены съ планомъ сосредоточенія арміи въ случаѣ войны и могли даже набросать по памяти на картѣ схему этого сосредоточенія [5]). Причисленные къ штабу офицеры *по очереди* наблюдали за литографированіемъ секретнаго плана продовольствія войскъ, предназначенныхъ въ прикрытіе предположеннаго сосредоточенія войскъ на границѣ въ случаѣ войны [6]) и т. п.

Наконецъ, мы не можемъ обойти молчаніемъ случившійся въ началѣ текущаго года пожаръ во дворцѣ китайской императрицы въ Пекинѣ, гдѣ былъ расположенъ тогда штабъ фельдмаршала

---

[1]) «Новое время» 17-го апрѣля 1901 года. [2]) Тоже, отъ 19-го мая 1901 года. [3]) Conseil de guerre de Rennes. Le procès Dreyfus, т. III стр. 632. [4]) Тамъ же, т. I, стр. 640. [5]) Тамъ же, т. I, стр. 653. [6]) Тамъ же, т. I, стр. 651.

графа Вальдерзе, бывшаго главнокомандующаго союзными войсками въ печилійской провинціи. Пожаръ этотъ, во время котораго едва спасся самъ престарѣлый фельдмаршалъ, а начальникъ его штаба, генералъ Шварцгофъ, погибъ при попыткѣ спасти наиболѣе цѣнные документы, наглядно указалъ, что нѣтъ достаточно строгихъ правилъ для внутренней службы въ такомъ важномъ и сложномъ учрежденіи, какимъ является штабъ арміи. Въ данномъ случаѣ, начальникъ штаба, своею геройскою и самоотверженною смертью, все-таки не искупилъ потери множества цѣнныхъ и незамѣнимыхъ документовъ, не упоминая уже о прочихъ потеряхъ, въ томъ числѣ и драгоцѣнностей, предназначенныхъ было въ подношеніе германскому императору и цѣнимыхъ въ 5.000,000 руб.

Обобщая совокупность изложенныхъ нами выше главныхъ основаній дѣятельности генеральнаго штаба, мы можемъ придти къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Служба генеральнаго штаба, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, неизмѣнно должна быть *самою живою и подвижною работою*. Чѣмъ непрерывнѣе, напряженнѣе и цѣлесообразнѣе эта послѣдняя, тѣмъ лучше подготовка даннаго генеральнаго штаба къ конечной его цѣли—*войнѣ*. Работа и живая дѣятельность такъ же необходимы организму генеральнаго штаба, какъ кровь живымъ существамъ: изъ нихъ онъ черпаетъ свои силы, и внѣ ихъ теряетъ свое значеніе и омертвѣваетъ.

Въ послѣдовательности развитія дѣятельности генеральнаго штаба можно достаточно ясно различать три ступени: низшую, *учебную* (академическую), *подготовительную* (какъ бы одиночную) и, наконецъ, верхнюю, *практическую*, знаменующую уже достаточный опытъ и нѣкоторую самостоятельность, послѣдовательно доводящую до высшихъ, руководящихъ, назначеній.

Попутно отмѣтимъ, что указанный порядокъ возрастанія важности приведенныхъ трехъ ступеней дѣятельности генеральнаго штаба долженъ быть понимаемъ лишь въ смыслѣ непосредственнаго практическаго приложенія въ данное время. Въ смыслѣ же значенія всей дѣятельности въ совокупности, мы не можемъ отдать предпочтенія ни одной изъ приведенныхъ трехъ ступеней въ отдѣльности и должны подчеркнуть самую тѣсную взаимную ихъ связь. Если на одной изъ этихъ ступеней работа ведется менѣе напряженно и менѣе цѣлесообразно по сравненію съ нормою, идеальною и практическою,—обстоятельство это неминуемо отра-

зится на дѣятельности прочихъ. Болѣе того: значеніе учебнаго (академическаго) періода дѣятельности будущаго офицера генеральнаго штаба и вліяніе этого періода на общій уровень образованія мы признаемъ столь важнымъ, что уподобляемъ академическій курсъ стволу огнестрѣльнаго оружія, конструктивное совершенство коего обусловливаетъ дальность и мѣткость полета снаряда.

Сумма образовательныхъ данныхъ, необходимыхъ для практической дѣятельности генеральнаго штаба, черпается изъ опредѣленнаго цикла теорій, примыкающей, главнымъ образомъ, къ военной исторіи и топографіи. Тѣмъ не менѣе, общее поступательное движеніе наукъ и военнаго искусства и связанное съ этимъ усовершенствованіе и расширеніе средствъ войны необходимо требуютъ отъ офицера генеральнаго штаба научной подготовки достаточно совершенной, для сознательнаго пользованія плодами всѣхъ наукъ въ примѣненіи къ практической военной потребности.

Приведенный нами обзоръ главнѣйшихъ сторонъ дѣятельности генеральнаго штаба какъ въ военное, такъ и въ мирное время, облегчаетъ изложеніе сущности вопроса о прохожденіи службы генеральнаго штаба.

Регламентація этого вопроса не поддается, однако, достаточно тщательному разсмотрѣнію вслѣдствіе того, что, во-первыхъ, далеко не всѣ существующія въ различныхъ арміяхъ соотвѣтствующія положенія извѣстны во всей ихъ полнотѣ, и, во-вторыхъ, и извѣстныя примѣняются на практикѣ съ частными изъятіями и измѣненіями, вызываемыми бытовыми и иными потребностями.

Наиболѣе полнымъ изъ извѣстныхъ намъ такихъ положеній представляется французское. Министерская инструкція о работахъ и упражненіяхъ офицеровъ службы генеральнаго штаба отъ 20-го февраля 1895 г. [1]) подробно указываетъ порядокъ и способъ производства слѣдующихъ занятій: 1) теоретическихъ работъ; 2) развѣдокъ; 3) занятій по картѣ; 4) практическихъ упражненій на мѣстности; 5) поѣздокъ генеральнаго штаба, и 6) участія въ маневрахъ войскъ. Ежегодная разработка одной теоретической темы и участіе, по крайней мѣрѣ однажды въ годъ, въ упражненіяхъ по картѣ и на мѣстности обязательны для всѣхъ маіоровъ, капи-

---

[1]) «Bulletin officiel» 1895 г., № 10.

тановъ и поручиковъ службы генеральнаго штаба; прочія занятія производятся по особому распредѣленію.

Существуетъ и инструкція (французская) отъ 20-го февраля 1900 г. объ организаціи службы въ штабахъ. Мы знаемъ однако, что отмѣненная ею предшествующая инструкція отъ 3-го января 1891 г. выполнялась далеко не точно. Такъ, положенное этою инструкціею двукратное прикомандированіе причисленныхъ къ генеральному штабу (на два года), получившихъ патентъ, офицеровъ къ войскамъ тѣхъ родовъ оружія, въ которыхъ они не служили, каждый разъ на три мѣсяца, и въ томъ числѣ одинъ разъ въ періодъ осеннихъ маневровъ,—исполнялось совершенно иначе и время прикомандированія сокращалось до одного мѣсяца [1]).

Причисленіе къ генеральному штабу, на два года во Франціи, на годъ въ Германіи, составляетъ испытательную степень, заполняемую нѣсколько различными занятіями. Эти послѣднія во Франціи имѣютъ цѣлью опредѣленіе общей пригодности для службы генеральнаго штаба офицера, получившаго патентъ. Въ Германіи общая пригодность окончившаго курсъ военной академіи не подвергается сомнѣнію, а испытаніе заключается главнымъ образомъ въ опредѣленіи пригодности для спеціальныхъ работъ большого генеральнаго штаба, т. е. въ дальнѣйшемъ усовершенствованіи по окончаніи учебной подготовки [2]).

Правила, опредѣляющія послѣдовательность перехода офицеровъ генеральнаго штаба отъ штабныхъ работъ къ практикѣ строевого командованія и обратно, въ существѣ своемъ сливаются съ мѣрами по избранію наиболѣе пригодныхъ для занятія высшихъ должностей по генеральному штабу и устраненію лицъ, по

---

[1]) «Conseil de guerre de Rennes». Le procès Dreyfus. т. III. стр. 288—289.

[2]) По отзывамъ офицеровъ германскаго большого генеральнаго штаба, письменныя ихъ работы въ мирное время сводятся въ сущности къ безпрерывнымъ передѣлкамъ и усовершенствованіямъ предшествующихъ трудовъ. Только такимъ упорнымъ и организованнымъ коллективнымъ трудомъ цѣлаго учрежденія возможно достигать тѣхъ успѣховъ, въ методахъ и результатахъ подготовки къ войнѣ, кои составляютъ несомнѣнное пріобрѣтеніе германской арміи послѣ войны 1870—1871 гг. Достаточно упомянуть объ упрощеніи системы мобилизаціи, расширеніи и усовершенствованіи средствъ сосредоточенія арміи и т. п. Въ этомъ отношеніи германскіе дѣятели очевидно продолжаютъ преслѣдовать столь трудно достижимое на практикѣ правило покойнаго графа Мольтке, признававшаго пригоднымъ для войны только лишь все самое простое: планы, системы, средства. Съ этой точки зрѣнія, упрекъ, дѣлаемый генераломъ Бонналь (Sadowa, 1901. стр. 26) нѣкоторой скудости средствъ мольтковской стратегіи, является принципіально несправедливымъ.

какой-либо причинѣ оказавшихся для этой цѣли нежелательными. Французскія положенія, не признающія особаго мундира генеральнаго штаба какъ внѣшняго признака существованія отдѣльнаго корпуса офицеровъ и имѣющія въ виду исключительно лишь «офицеровъ службы генеральнаго штаба» (и притомъ службы какъ бы очередной), представляютъ собою болѣе или менѣе рѣшительную реакцію противъ прежней организаціи (существовавшей со времени войнъ первой имперіи и до реформъ, наступившихъ послѣ войны 1870—1871 гг.), допускавшей въ составѣ генеральнаго штаба значительную примѣсь офицеровъ, состоявшихъ на адъютантскихъ и иныхъ подобныхъ должностяхъ и не принимавшихъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе значительныхъ промежутковъ времени, никакого участія ни въ работахъ, ни въ службѣ генеральнаго штаба. Правила прохожденія службы въ австро-венгерскомъ генеральномъ штабѣ опредѣляютъ, между прочимъ, обязательную ежегодную смѣну трети состава офицеровъ главнаго (генеральнаго) штаба, чѣмъ особливо оттѣняютъ пользу строгаго соблюденія установленнаго чередованія видовъ дѣятельности генеральнаго штаба. Это чередованіе, введенное впервые въ Пруссіи, настойчиво соблюдается и нынѣ въ Германіи; при всей требовательности, установленной тамъ по отношенію къ работамъ и правиламъ прохожденія службы генеральнаго штаба, примѣненіе ихъ нерѣдко умѣряется и видоизмѣняется поправками, вызываемыми различными частными и временными условіями и потребностями. Наиболѣе характерною для германскаго генеральнаго штаба чертою въ данномъ отношеніи является тщательность выбора состава, такъ-называемаго, большого генеральнаго штаба. Продолжительное нахожденіе во главѣ его гр. Мольтке, принимавшаго непосредственное участіе въ оцѣнкѣ всѣхъ причисляемыхъ къ генеральному штабу офицеровъ, несомнѣнно создало весьма прочныя традиціи, большею частью остающіяся и до нынѣ въ силѣ. Въ повременной германской печати встрѣчались, однако, въ послѣднее время сѣтованія на то, что съ послѣдовавшимъ недавно расширеніемъ кадровъ генеральнаго штаба и соотвѣтственнымъ увеличеніемъ состава слушателей военной академіи, стало замѣтно нѣкоторое пониженіе уровня подготовки молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба.

Во всякомъ случаѣ, тѣсная взаимная связь, существующая между условіями комплектованія, прохожденія службы и организаціи генеральнаго штаба указываетъ на то, что только при

извѣстномъ совершенствѣ совокупности этихъ условій и полномъ ихъ взаимодѣйствіи можно разсчитывать на относительное совершенство даннаго генеральнаго штаба.

Въ предлагаемыхъ замѣткахъ мы касались болѣе или менѣе близко лишь такихъ положеній, которыя могутъ почитаться установленными достаточно опредѣленно для современныхъ условій. Всѣ же вопросы будущаго, быть можетъ даже и ближайшаго, но находящіеся еще въ положеніи недостаточно опредѣленномъ, устранены изъ нашего разсмотрѣнія.

Послѣднее потребовало бы неизбѣжно изслѣдованія современного состоянія *оперативнаго искусства*, высшей и наиболѣе субъективной части службы генеральнаго штаба.

Сверхъ того, мы должны замѣтить, что устранили изъ нашихъ замѣтокъ всю формальную технику службы генеральнаго штаба, а именно, шаблоны, схемы, разсчеты и т. п., достигающіе, напримѣръ, въ примѣненіи къ походнымъ движеніямъ и развертыванію, весьма значительныхъ объема и содержательности.

Включеніе этой формальной стороны обратило бы наши замѣтки въ справочную книгу или въ учебникъ, цѣль, которую мы вовсе не имѣли здѣсь въ виду.

Нѣсколько предваряя выводы, которые могли бы быть извлечены изъ этихъ важныхъ отдѣловъ теоріи искусства генеральнаго штаба, мы должны упомянуть, что существуютъ достаточно опредѣленные признаки, литературные и иные общедоступные, по коимъ возможно судить о степени напряженности работы мирнаго времени даннаго генеральнаго штаба и даже приходить къ нѣкоторымъ послѣдующимъ, болѣе субъективнымъ, заключеніямъ.

VI.

Въ предшествующемъ изложеніи мы имѣли неоднократно случай убѣдиться въ разнообразіи и сложности задачъ службы генеральнаго штаба.

Весьма важнымъ подспорьемъ къ лучшему уясненію этихъ задачъ могла бы служить характеристика дѣятельности выдающихся представителей генеральнаго штаба, которая, въ извѣстной послѣ-

довательности изложенія, дала бы весьма наглядную картину постепенности развитія, сущности и различныхъ способовъ разрѣшенія упомянутыхъ задачъ, въ зависимости отъ условій времени, обстоятельствъ, бытовыхъ и личныхъ особенностей.

Существующіе очерки исторіи службы генеральнаго штаба настолько обобщаютъ соотвѣтствующіе вопросы и такъ мало даютъ матеріала для характеристики личной дѣятельности, что черпать изъ нихъ необходимыя для поставленной цѣли указанія было бы очень трудно, а затѣмъ и очеркъ, составленный на столь мало отвѣчающемъ цѣли основаніи, былъ бы весьма блѣденъ и недоказателенъ.

Между тѣмъ, появившіеся въ недавнемъ времени и уже нами упомянутые труды подполковника *де-Филиппа* и полковника *Биге* даютъ прекрасный матеріалъ для характеристики: первый—Бертье, а второй—Мольтке. Пользуясь этимъ матеріаломъ, мы постараемся изложить ниже очерки дѣятельности названныхъ двухъ наиболѣе выдавшихся въ прошломъ столѣтіи представителей генеральнаго штаба.

Бертье, маршалъ и князь Невшательскій и Ваграмскій, родился въ 1753 г., умеръ въ 1815 году. Въ юности своей, онъ, подъ руководствомъ отца, бывшаго инженеръ-географа (топографа), научилъ съемку и черченіе, а образованіе получилъ въ военной школѣ. Поступивъ на службу въ драгунскій полкъ, онъ усвоилъ тамъ искусство верховой ѣзды и владѣнія оружіемъ, а затѣмъ, будучи назначенъ въ штабъ графа Рошамбо, отличился въ американской кампаніи своею дѣятельностью, храбростью и талантами. Произведенный въ штабъ-офицеры съ назначеніемъ въ штабъ маршала Сегюра, онъ посѣтилъ лагери прусской арміи, а въ 1789 г. былъ начальникомъ штаба барона Безенваля. Затѣмъ Бертье занималъ должности начальника штаба: республиканскихъ армій въ Вандеѣ, альпійской арміи Келлермана и затѣмъ, съ 1791 года (рейнской арміи), во всѣхъ наполеоновскихъ арміяхъ до 1814 г. включительно.

Всего, Бертье сдѣлалъ 32 кампаніи, въ томъ числѣ 16 съ Наполеономъ.

Чуждый политическихъ интригъ, онъ работалъ съ неутомимою дѣятельностью, быстро и глубоко обнималъ основныя идеи и умѣлъ предусмотрительно, ясно и кратко отдавать соотвѣтствующія исполнительныя распоряженія.

Осторожный, сдержанный, скромный, онъ былъ точенъ, справедливъ и строгъ во всемъ касавшемся службы, причемъ давалъ лично примѣръ усердія и бдительности и умѣлъ поддержать дисциплину и уваженіе къ своей власти среди всѣхъ своихъ подчиненныхъ, безъ различія чина и положенія.

Въ запискахъ, веденныхъ на островѣ Св. Елены, Наполеонъ такъ характеризуетъ Бертье: «онъ былъ очень дѣятеленъ, сопровождалъ меня на всѣхъ рекогносцировкахъ, во всѣхъ поѣздкахъ, ни въ чемъ не пріостанавливая своихъ штабныхъ работъ. Характеръ его былъ нерѣшительный, непригодный для главнаго командованія, но соотвѣтствующій требованію, которому долженъ удовлетворять хорошій начальникъ штаба. *Онъ хорошо понималъ карту, хорошо соображалъ смыслъ рекогносцировокъ, самъ лично заботился о доставкѣ приказаній, былъ крайне искусенъ въ простѣйшемъ изображеніи самыхъ сложныхъ передвиженій арміи.* Въ началѣ его дѣятельности желали навлечь на него немилость его начальника, распуская даже печатно слухи о томъ, что Бертье менторъ своего начальника и руководитъ операціями. Бертье сдѣлалъ все возможное, чтобы прекратить эти слухи, вредные для его положенія въ арміи». «Бертье велъ себя соотвѣтственно своему недостатку ума и ничтожеству. Онъ не былъ лишенъ талантовъ, но какъ они, такъ и заслуги его были спеціально техническаго свойства и внѣ ихъ—ума не было, а затѣмъ проявлялась и слабость характера... Императоръ въ кампаніяхъ бралъ Бертье въ свою карету. Во время переѣздовъ, просматривая книги для приказаній, строевые рапорты и отчеты, императоръ принималъ свои рѣшенія и отдавалъ распоряженія для движеній. *Бертье записывалъ и на первой остановкѣ или при первомъ отдыхѣ, будь то днемъ или ночью все равно, онъ, въ свою очередь, отправлялъ приказанія и разныя частныя указанія съ поразительною правильностью, точностью и быстротою.* Это была работа, на которую онъ былъ всегда готовъ и въ которой онъ былъ всегда неутомимъ. Вотъ въ чемъ состояла особая заслуга Бертье, которую императоръ считалъ изъ самыхъ большихъ и самыхъ для себя цѣнныхъ. Никто иной не могъ бы замѣнить ему Бертье».

Генералъ Тьебо, одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей генеральнаго штаба наполеоновской эпохи и авторъ извѣстнаго творенія о службѣ генеральнаго штаба, даетъ о Бертье такой отзывъ: «онъ обладалъ свѣдѣніями и опытомъ по службѣ генеральнаго штаба и, сверхъ того, замѣчательнымъ пониманіемъ всего

относящагося къ войнѣ. *Болье чѣмъ кто-либо обладалъ онъ способностью помнить совокупность всѣхъ распоряженій и передавать ихъ съ наибольшею быстротою и ясностью.* Наконецъ, находясь въ цвѣтѣ лѣтъ и обладая значительною физическою силою, онъ развивалъ выдающуюся дѣятельность, поддерживаемую неутомимымъ темпераментомъ».

Состоявшій при Бертье въ должности адъютанта съ 1800 по 1813 годъ, генералъ Леженъ оставилъ слѣдующій отзывъ о немъ.

«Не смотря на внѣшнюю строгость, у него было прекрасное сердце. Императоръ, въ своихъ бесѣдахъ, обнаруживалъ фамиліарность и казался соблазнительнымъ лишь до тѣхъ поръ, пока у него имѣлись вопросы, а затѣмъ, чтобы спровадить своего собесѣдника, онъ переходилъ къ торжественному тону. Начальникъ штаба, въ обращеніи со своими офицерами, сохранялъ серьезный видъ, за которымъ съ трудомъ скрывалъ порывы своего добраго сердца. Вообще Бертье былъ всегда въ ровномъ настроеніи, простъ, вѣжливъ и скроменъ. Съ его языка никогда не срывалось ни одно оскорбительное слово въ присутствіи подчиненныхъ, достоинство коихъ онъ старался поднять всею силою своей власти. *Я не видѣлъ человѣка, болье неутомимаго, чѣмъ князь Бертье.* Графъ Дарю (интендантъ арміи), способность котораго работать безъ устали и безъ сна я восхвалялъ однажды, отвѣтилъ мнѣ «князь Невшательскій гораздо крѣпче меня: я провелъ не ложась только девять дней и девять ночей, а *князь провелъ тринадцать сутокъ верхомъ и въ работѣ, не отдыхая».* *Его умъ*, благодаря геометрическимъ работамъ, которымъ онъ посвящалъ свои первые годы, *пріобрѣлъ такую правильность, что его писаніе и приказанія были редактируемы съ математическою ясностью и доводимы всегда до простѣйшаго выраженія, въ немногихъ словахъ изображавшаго самыя сложныя передвиженія арміи.* Вмѣстѣ съ тѣмъ, *онъ сохранилъ къ графическимъ работамъ влеченіе и замѣчательный талантъ, неоднократно имъ обнаруженный».*

Характеристика дѣятельности Бертье въ теченіе первой половины кампаніи 1812 года, начертанная Фезензакомъ, состоявшимъ въ это время при немъ адъютантомъ, еще рѣзче обрисовываетъ необычайную его рабочую способность.

«Мы, говоритъ Фезензакъ, мало видимъ князя Невшательскаго, *не имѣя при немъ никакого дѣла.* Онъ проводитъ почти весь день въ своемъ кабинетѣ за отправленіемъ приказаній во исполненіе даваемыхъ императоромъ инструкцій. Никогда не было проявлено

большей точности, болѣе полной подчиненности, болѣе безусловной преданности. Проводя ночи въ писаніи, онъ отдыхалъ отъ дневного утомленія; часто его будили среди ночи для того, чтобы передѣлать всю сдѣланную наканунѣ работу и иногда наградою ему были лишь несправедливые, или, во всякомъ случаѣ, очень строгіе упреки. Однако, ничто не могло умѣрить его усердія; никакое физическое утомленіе, никакая кабинетная работа не могли израсходовать его терпѣніе. Словомъ, если положеніе, въ которомъ находился князь Невшательскій, никогда не доставляло ему случая къ развитію способностей, необходимыхъ для командованія большими арміями, то все-таки *невозможно представить себѣ высшую степень сочетанія физическихъ и умственныхъ свойствъ*, соотвѣтствующихъ обязанности, которую онъ исправлялъ при такомъ человѣкѣ, какъ императоръ».

Геній императора порождалъ идеи, творилъ, импровизовалъ средства, воспламенялъ сердца и дѣлалъ возможнымъ все. Спеціальность Бертье заключалась въ подраздѣленіи и распредѣленіи приказаній; онъ сливался съ идеею своего начальника, не измѣняя ее, очерчивалъ каждому, что предстояло ему дѣлать для содѣйствія общей задачѣ, устранялъ затрудненія, удовлетворялъ всѣ потребности. Его заботливость, всегда безпокойная и дѣятельная, и его могущественное участіе находили себѣ успокоеніе только послѣ достиженія успѣха. Бертье былъ скроменъ: онъ старался стушевываться и привлекать милости Наполеона на своихъ сподвижниковъ.

Бертье обладалъ большою опытностью въ службѣ генеральнаго штаба; его упрекали, однако, въ недостаткѣ иниціативы и въ неумѣніи исправить недосмотры императора. Несомнѣнно, онъ былъ нерѣшителенъ, но обладалъ необычайною предусмотрительностью и въ этомъ отношеніи былъ безусловно полезенъ Наполеону, съ привычками и способомъ работы котораго хорошо ознакомился и мысль котораго быстро схватывалъ. На войнѣ, самою большою заботою Бертье была быстрая передача приказаній императора; посему, когда того требовали обстоятельства, онъ не опасался разослать всѣхъ офицеровъ, которыми располагалъ. Въ важныхъ случаяхъ онъ посылалъ приказанія въ двухъ, трехъ и четырехъ экземплярахъ и пользовался для доставки ихъ наиболѣе надежными подручными средствами, которыя умѣлъ прекрасно находить.

Отвѣтственность начальника штаба передъ императоромъ была весьма значительна. На его обязанности лежало отправленіе при-

казаній для движенія въ соотвѣтствіи съ инструкціями императора; онъ же редактировалъ и разсылалъ приказанія, относившіяся до административныхъ органовъ, касавшіяся организаціи войскъ и личнаго состава; наконецъ, онъ же обязанъ былъ сопровождать повсюду императора и нести при немъ весьма дѣятельную службу.

1-го октября 1806 года Бертье писалъ Наполеону изъ Вюрцбурга: «мнѣ необходимо три дня на самую спѣшную рекогносцировку позиціи маршала Лефевра у Кенигсгофена; между тѣмъ, я тутъ одинъ и ни дней ни ночей не хватаетъ на изготовленіе всѣхъ вашихъ приказаній и частныхъ распоряженій по арміи, громадныхъ въ эту минуту, въ которую все находится въ движеніи и въ дѣйствіи. Я отправилъ довѣренныхъ офицеровъ для рекогносцировокъ и отчасти уже предупредилъ исполненіе распоряженій, которыя ваше величество изволили сдѣлать. Вамъ извѣстно мое усердіе».

Неоднократно и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, притомъ въ кампаніи 1805—1806 гг., Бертье совмѣщалъ обязанности начальника штаба и военнаго министра. На немъ лежали заботы по личному составу, т. е. назначенія и перемѣщенія; онъ сопровождалъ императора во всѣхъ инспекціонныхъ поѣздкахъ; онъ же отмѣчалъ всѣ награды, жалуемыя императоромъ и наблюдалъ за ихъ выходомъ.

На войнѣ Бертье былъ всегда неразлученъ съ императоромъ. Его личное помѣщеніе находилось всегда подъ тою же крышею, какъ бы ни былъ обширенъ занятый замокъ или какъ бы ни была тѣсна хижина, послужившая случайнымъ императорскимъ пріютомъ. Императоръ часто появлялся въ кабинетѣ князя и не уходилъ оттуда, не оказавъ знака благоволенія кому-либо изъ находившихся тамъ его сотрудниковъ. Въ этихъ случаяхъ въ кабинетѣ соблюдалось полное молчаніе, а входъ туда адъютантамъ князя былъ воспрещенъ. Князь допускалъ при себѣ только весьма ограниченное число лицъ, которыя обязаны были справляться съ передачею приказаній императора [1]).

---

[1]) Наполеонъ, во время кампаній, также какъ и всегда, производилъ огромную личную работу; просматривалъ и изучалъ вороха донесеній и отчетовъ, разрабатывалъ свои мысли по картѣ, диктовалъ, писалъ. Его необычайная дѣятельность проникала и въ душу всѣхъ къ нему приближенныхъ. Императоръ не желалъ предоставить что-либо случаю. Предусмотрительность его доходила до мелочей, такъ какъ онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что на войнѣ нельзя ничѣмъ пренебрегать и что успѣхъ часто зависитъ отъ малозначительныхъ самихъ по себѣ обстоятельствъ. На смотрахъ войскъ вниманіе его устремлялось и на самыя мелкія подробности и горе было тому начальнику, который не умѣлъ дать

Сильнѣйшіе нападки на Бертье произведены были за неспособность, обнаруженную имъ въ началѣ кампаніи 1809 года, когда, за отсутствіемъ Наполеона, оставшагося на нѣсколько дней въ Парижѣ, на него возложено было временное командованіе арміею. Въ это время Бертье составивъ себѣ ложное представленіе объ идеѣ Наполеона, едва не погубилъ Даву, а за нимъ и всю армію. Наполеонъ поручилъ Бертье, если враждебныя дѣйствія не будутъ открыты къ его прибытію, сосредоточить армію у Регенсбурга, въ противномъ же случаѣ нѣсколько болѣе позади, близъ Ульма. Бертье же принялъ наставленіе императора слишкомъ буквально, не обратилъ вниманія на поправку, которую необходимо было ввести въ него вслѣдствіе неожиданнаго наступленія австрійцевъ и упорствовалъ въ желаніи сосредоточить армію у Регенсбурга.

Прирожденная Бертье нерѣшительность и неспособность къ самостоятельности могли бы породить самыя печальныя послѣдствія, если бы императоръ не прибылъ достаточно своевременно для ихъ предотвращенія.

отвѣтъ на всѣ его вопросы. При расположеніи въ полѣ, Наполеонъ имѣлъ всегда рядомъ со своею палаткою другую палатку, представлявшую его рабочій кабинетъ и размѣщенную съ самою большою тщательностью. Посреди его рабочаго кабинета ставился большой столъ, на которомъ лежала лучшая карта театра войны, располагаемая полковникомъ (съ 1813 года—генераломъ) Бакле Дальбъ, начальникомъ топографическаго бюро императора, работавшимъ всегда съ Наполеономъ и *имѣвшимъ превосходныя свѣдѣнія о мѣстности*. Продолжительная служба доставила ему особое довѣріе Наполеона, который призывалъ его постоянно; днемъ и ночью Бакле-Дальбъ занятъ былъ службою при императорѣ; Рабочая его способность и опытность сдѣлали его необходимымъ для императора. Главныя его занятія состояли въ исправленіи карты, означеніи на ней цвѣтными булавками расположенія войскъ, въ подысканіи и подготовкѣ необходимыхъ императору матеріаловъ, въ изготовленіи схемъ маршей и всѣхъ операціонныхъ линій. Наполеонъ выражалъ свои желанія въ немногихъ словахъ. Бакле Дальбъ понималъ его мысль, затѣмъ, по своему и вполнѣ независимо выполнялъ возложенную на него задачу. На переходѣ, онъ былъ всегда послѣднимъ отпускаемымъ Наполеономъ, а при остановкѣ на отдыхъ—требовался имъ прежде другихъ. Бакле-Дальбъ имѣлъ двоихъ сотрудниковъ, офицеровъ-инженеровъ топографическаго кабинета, изъ коихъ одинъ находился постоянно въ разъѣздахъ, а другой какъ бы завѣдывалъ запасомъ картъ и плановъ. Эти трое офицеровъ, четверо личныхъ секретарей и старшій ординарецъ маіоръ Гурго, на котораго возлагались важнѣйшія порученія и которому вѣрялась доставка важнѣйшихъ приказаній,—составляли родъ приближеннаго совѣта, обособленнаго отъ прочихъ отдѣловъ императорской главной квартиры. Когда Наполеонъ ожидалъ извѣстій отъ своихъ генераловъ и полагалъ вѣроятнымъ, что произошла гдѣ-либо битва, онъ приходилъ въ сильное безпокойство и среди ночи давалъ приказаніе призвать одного или двоихъ изъ работавшихъ въ его кабинетѣ. «Позовите Дальба, кричалъ онъ, и чтобы всѣ вставали». Это случалось обыкновенно около часу или двухъ пополуночи.

Генералъ Пеле, бывшій первымъ адъютантомъ Массены, даетъ такой отзывъ о дѣятельности Бертье въ этотъ критическій періодъ: «никогда не было такъ много писано и никогда не было такъ мало сдѣлано; каждое изъ предписаній Бертье свидѣтельствуетъ о различіи, существующемъ между его собственными твореніями и тѣми, которыя были ему продиктованы императоромъ. Въ роли начальника штаба, Бертье обыкновенно только дѣлалъ извлеченія изъ приказаній, полученныхъ имъ отъ императора или имъ продиктованныхъ, или же копировалъ ихъ, держась возможно ближе къ подлиннику».

Въ томъ же году, когда различныя части арміи оказались сосредоточенными на островѣ Лобау, императоръ, посредствомъ весьма подробнаго распоряженія, состоявшаго изъ 31 параграфа, установилъ порядокъ переправы корпусовъ съ праваго берега Дуная на лѣвый и ихъ построенія на Энцерсдорфской равнинѣ. Между тѣмъ, по очень странной случайности, начальникъ штаба, отправляя десятокъ копій упомянутаго распоряженія, не обратилъ вниманія на то, что средній мостъ былъ ошибочно назначенъ для Даву, которому затѣмъ предстояло образовать правое крыло, а правый мостъ указанъ былъ Удино, предназначенному въ центръ общаго расположенія. Эти два корпуса ночью пересѣкли одинъ другому путь, что могло бы породить страшный безпорядокъ, если бы онъ, въ самомъ же началѣ, не былъ устраненъ разсудительностью командировъ головныхъ полковъ обѣихъ колоннъ.

Генералъ баронъ Жомини дѣлаетъ Бертье еще слѣдующій упрекъ за нераспорядительность, выразившуюся въ неустройствѣ мостовъ въ числѣ, достаточномъ для обезпеченнаго отступленія арміи послѣ неудачнаго для нея исхода Лейпцигской битвы: «необъяснимый взрывъ моста у Линденау былъ также точно послѣдствіемъ непростительной беззаботности *штаба арміи, который, впрочемъ, благодаря способу, принятому Бертье для его комплектованія и управленія имъ, влачилъ свое существованіе лишь по имени*. Къ тому же, нельзя не признать, что Наполеонъ, который такъ хорошо зналъ логистику (оперативное искусство) при организаціи вторженія, никогда не принималъ мѣръ предосторожности на случай пораженія и, въ его присутствіи, всѣ до такой степени полагались на императора, какъ будто онъ обязанъ былъ лично все приказать и все предусмотрѣть».

При отступленіи арміи въ 1812 году, Наполеонъ, рѣшивъ уѣхать изъ арміи, назначилъ своимъ замѣстителемъ Іоакима Мю-

рата, короля неаполитанскаго, а при немъ оставилъ Бертье. Послѣдній, въ минуту отъѣзда императора, плакалъ въ его комнатѣ, умоляя взять его съ собою. Наполеонъ отвѣтилъ ему: «это невозможно: необходимо, чтобы вы остались съ неаполитанскимъ королемъ. *Я знаю хорошо, что вы ни на что не пригодны*, но другіе этого не знаютъ и ваше имя имѣетъ въ арміи нѣкоторое значеніе».

Однако, въ 1815 году, когда должность начальника штаба арміи была замѣщена Сультомъ, Наполеону пришлось пожалѣть объ отсутствіи Бертье. Послѣ тщетнаго ожиданія прибытія корпуса Груши на поле битвы у Ватерлоо, видя проигрышъ своего дѣла, Наполеонъ воскликнулъ: «*если бы Бертье былъ здѣсь, приказанія были бы доставлены до мѣста назначенія* и я не подвергся бы этому несчастію».

Маршалъ Сультъ обладалъ выдающимися военными способностями и въ 1810 году въ Испаніи исполнялъ обязанности начальника штаба арміи короля Іосифа, но въ теченіе столь непродолжительнаго времени, что не успѣлъ пріобрѣсти достаточно опытности, къ тому же у него тогда былъ хорошій составъ штаба и онъ исполнялъ скорѣе обязанности главнокомандующаго, чѣмъ начальника штаба. Сверхъ того, онъ не былъ знакомъ съ привычками императора, который возлагалъ на Бертье много мелкихъ работъ, въ особенности по части передачи приказаній, которыя Бертье редактировалъ съ большою ясностью и точностью. Ошибки Сульта въ кампанію 1815 года были многочисленны.

Утверждаютъ, что даже въ теченіе всей кампаніи онъ обнаруживалъ свое отчаянное ничтожество. 16-го іюня, въ день битвы при Линьи и Катръ-Бра, онъ не позаботился объ установленіи сообщенія между этими пунктами, что привело къ тому, что корпусъ Эрлона прогулялся отъ Катръ-Бра къ Линьи, не принеся никакой пользы, между тѣмъ какъ онъ долженъ былъ оказать рѣшающее вліяніе.

Въ день битвы при Ватерлоо, въ 10 час. утра, Сультъ составилъ извѣщеніе Груши объ атакѣ императоромъ англійской арміи. Это извѣщеніе заканчивалось такъ: «сообщите мнѣ немедленно о вашихъ распоряженіяхъ и передвиженіяхъ, а также свѣдѣнія о непріятелѣ, какими вы располагаете и не забудьте установить сообщеніе съ нами».

Редакція эта отнюдь не выражала собою отданнаго императоромъ Сульту приказанія о присоединеніи Груши. Упомянутое извѣщеніе было отправлено съ генеральнаго штаба полковникомъ

Зеновичемъ лишь въ 11½ ч. утра и въ 4½ ч. пополудни доставлено было Груши, который, ознакомясь съ нимъ, вовсе не усмотрѣлъ въ немъ приказанія императора неотлагательно выступить къ Ватерлоо.

Въ 1 часъ 30 минутъ, въ разгаръ битвы, императору привели прусскаго гусара, на которомъ перехвачено было письмо отъ Блюхера, извѣщавшее объ его прибытіи на помощь Веллингтону. Сультъ, по приказанію императора, тотчасъ же отправилъ это письмо къ Груши съ приказаніемъ о немедленномъ направленіи на С.-Ламбертъ въ тылъ Бюлову. Приказаніе это было редактировано такъ: «въ эту минуту завязалось сраженіе на линіи Ватерлоо, впереди лѣса Суань. Итакъ, маневрируйте на присоединеніе къ нашему правому флангу. Мы полагаемъ, что видимъ корпусъ Бюлова на высотѣ Сенъ-Ламбертъ. Итакъ, не медлите ни минуты для приближенія къ намъ и соединенія съ нами и разгромите Бюлова, котораго захватите врасплохъ».

Приказаніе это прибыло по назначенію лишь черезъ три съ половиною часа (разстояніе около 30-ти верстъ по хорошимъ дорогамъ; отправленный съ приказаніемъ офицеръ, одинъ, безъ вѣстоваго, заблудился и, упавъ съ лошади, сломалъ ногу). Будучи написано карандашемъ, оно частью стерлось до полной неразборчивости. Груши утверждалъ, что онъ прочиталъ «выиграно» сраженіе на томъ мѣстѣ, гдѣ было написано «завязалось» сраженіе [1]). Не понимая обстановки, онъ, въ то время когда, изъ-за его бездѣйствія закатывалась звѣзда Франціи и Наполеона, отдыхалъ и, какъ разсказываютъ, ѣлъ земляники.

Такимъ образомъ, исключительно лишь нарушеніе правилъ штабной службы и притомъ самыхъ элементарныхъ (изложеніе, способъ начертанія и установленія сообщенія, средства доставки) привело къ проигрышу всего дѣла. Нарушеніе же это, въ существѣ есть *наглядный показатель личныхъ свойствъ нарушителей*, которые не были приспособлены къ вершенію дѣлъ, самихъ по себѣ якобы незначительныхъ, но въ сущности крайне важныхъ, такъ какъ значеніе ихъ должно быть измѣряемо силами, къ которымъ они прилагаются и которыя часто достаточны, чтобы вершать историческія событія и судьбы народовъ.

---

[1]) La bataille est *gagnée* вмѣсто la bataille est *engagée*.

Ф. *Мольтке*, Хельмутъ, графъ и фельдмаршалъ, родился въ 1801 г., умеръ въ 1891 году. Происходилъ изъ древней нѣмецкой дворянской семьи, осѣвшей въ землѣ Оботритовъ (Вендскомъ Мекленбургѣ); сношенія, существовавшія на берегахъ Балтійскаго моря, распространили представителей рода въ Швецію, Норвегію и Данію. Отецъ фельдмаршала, изъ-за своего имѣнія, находившагося въ Шлезвигѣ, долженъ былъ принять датское подданство и въ 1811 г. молодой Хельмутъ поступилъ въ Копенгагенскій кадетскій корпусъ. Обращеніе и воспитаніе въ послѣднемъ были истинно спартанскія. По словамъ самого фельдмаршала, единственное добро, извлеченное имъ изъ пребыванія въ слишкомъ суровой обстановкѣ корпуса,—это привычка къ лишеніямъ. Однако, несомнѣнно, была и другая польза: выработка характера и желѣзной привычки къ труду. Судя по программѣ преподаванія, которая заключала въ себѣ 29 отдѣльныхъ предметовъ (въ томъ числѣ: военную исторію, тактику, военное законовѣдѣніе, артилерію, фортификацію, съемку, высшую математику, химію, военную географію и статистику, философію), напряженіе отъ учащихся требовалось весьма значительное. Семнадцати съ половиною лѣтъ отъ роду, Мольтке, окончивъ курсъ корпуса четвертымъ, вступилъ въ ряды датской арміи, въ которой, вслѣдствіе сокращенія состава, предпринятаго послѣ 1812 года, былъ столь значительный избытокъ офицеровъ, что молодымъ не предвидѣлось почти никакой надежды на движеніе.

Въ 1821 году, съѣздивъ въ отпускъ въ Берлинъ, Мольтке рѣшилъ перейти въ прусскую армію, что и осуществилъ въ слѣдующемъ году, блистательно выдержавъ вступительный экзаменъ. Черезъ годъ онъ поступилъ уже въ военную академію. Время пребыванія въ послѣдней совпало съ окончательнымъ обѣдненіемъ родителей Мольтке; будучи вслѣдствіе того крайне стѣсненъ въ матеріальномъ отношеніи, онъ, однако, успѣвалъ дѣлать небольшія сбереженія, которыя расходовалъ на частные уроки иностранныхъ языковъ.

По окончаніи курса академіи въ 1826 году, Мольтке былъ назначенъ *преподавателемъ топографіи* въ дивизіонной школѣ 5-й пѣхотной дивизіи во Франкфуртѣ на Одерѣ, а въ 1828 году былъ *командированъ въ топографическое бюро* большаго генеральнаго штаба *для съемокъ въ восточной Силезіи и Познани, гдѣ работалъ три года*, заполняя ежегодно по два мензульныхъ листа,

что считалось весьма производительнымъ трудомъ [1]). Зимою, подъ руководствомъ начальника главнаго штаба Мюфлинга, Мольтке работалъ надъ рѣшеніемъ тактическихъ задачъ. «Эти задачи», говорилъ онъ потомъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «приводили насъ въ такое же оживленное напряженіе, какъ и экзамены. Мы знали, что требовалось не только вѣрное, но краткое и точное рѣшеніе; требовался даже тотъ же сжатый и логическій способъ выраженія, который свойственъ былъ нашему начальнику». Затѣмъ въ 1832 г. Мольтке участвовалъ въ полевой поѣздкѣ большаго генеральнаго штаба (упавъ съ лошади, онъ получилъ тамъ вывихъ), работалъ надъ историческими вопросами (походъ 1762 года), составилъ стратегическій обзоръ Тюрингенскаго лѣса, нѣсколько небольшихъ самостоятельныхъ литературныхъ трудовъ и переводъ обширнаго сочиненія Гиббона о возвышеніи и паденіи Римской имперіи.

Въ 1833 г., на 11-мъ году службы въ Пруссіи, Мольтке произведенъ въ поручики и назначенъ въ большой генеральный штабъ. Здѣсь онъ продолжалъ историческія работы, участвовалъ въ полевыхъ поѣздкахъ, имѣлъ командировку въ Копенгагенъ и въ 1835 г. присутствовалъ на русско-прусскихъ смотрахъ и торжествахъ подъ Калишемъ. Въ томъ же году онъ получилъ шестимѣсячную командировку въ Турцію, продлившуюся четыре года и описанную имъ въ 1841 году [2]). По прибытіи въ Константинополь, онъ исправлялъ обязанности военнаго совѣтника сераскира. «Долго задачею европейскихъ армій было поставить границы могуществу Османовъ», говоритъ Мольтке въ своемъ сочиненіи, «теперь же забота европейской политики, повидимому, заключается въ спасеніи существованія Турціи». Въ видѣ подарка отъ короля Фридриха-Вильгельма III, султану Махмуду II были посланы принадлежности для военной игры; никто изъ турокъ не могъ понять ихъ значенія и Мольтке, объяснивъ его сераскиру Хозреву-пашѣ, вывелъ его изъ большаго затрудненія передъ султаномъ.

За время пребыванія въ Турціи, Мольтке составилъ проекты организаціи редифа, укрѣпленій Дарданеллъ, Босфора; исполнилъ много частныхъ порученій и съемокъ. Въ 1838—1839 гг. онъ принималъ участіе въ походахъ турецкихъ войскъ противъ арабовъ,

---

[1]) Въ 1885 году Мольтке были представлены подлинники новой съемки имѣстъ съ соотвѣтствующими листами съемки его работы. Сдѣлавъ бѣглое сравненіе и слегка покрасивѣвъ, онъ тотчасъ же сказалъ: «да, съ тѣхъ поръ искусство значительно ушло впередъ».

[2]) Письма о положеніи Турціи въ 1835—1839 гг. капитана Мольтке.

египтянъ и иныхъ возмутившихся племенъ. Въ это время Мольтке также составилъ множество записокъ, плановъ и соображеній.

Въ 1840 году Мольтке возвратился въ Берлинъ, а въ слѣдующемъ же составилъ нѣсколько литературныхъ работъ и одну выдающуюся служебную записку (о положеніи западной границы Пруссіи). Въ 1847 году Мольтке назначенъ въ штабъ восьмого корпуса (въ Кобленцѣ), гдѣ занялся мобилизаціонными работами и изслѣдованіемъ окрестностей Трира. Въ 1848 году онъ назначенъ начальникомъ отдѣленія большого генеральнаго штаба, а затѣмъ начальникомъ штаба четвертаго корпуса (въ Магдебургѣ), который въ 1850 году пришлось мобилизовать (въ спорѣ изъ-за Кургессена). Въ 1854 г., поѣздкою большого генеральнаго штаба, вмѣсто заболѣвшаго начальника штаба ф. Рейера, руководилъ Мольтке, тогда полковникъ; въ этой поѣздкѣ участвовалъ и принцъ Фридрихъ-Карлъ, охотно подчинившійся руководителю ниже себя чиномъ. Съ 1855 по 1857 г. Мольтке велъ придворную жизнь въ качествѣ перваго адъютанта (и наставника) наслѣдника престола принца Фридриха-Вильгельма, съ которымъ посѣтилъ въ 1856 году Петербургъ и Москву (на торжествахъ коронованія Императора Александра II).

Въ 1857 году наслѣдный принцъ вступилъ въ управленіе государствомъ и въ концѣ того же года, по смерти Рейера, назначилъ Мольтке начальникомъ большого генеральнаго штаба. Мольтке былъ тогда однимъ изъ младшихъ генералъ-маіоровъ прусской арміи. Неустанною работою и самовоспитаніемъ онъ пріобрѣлъ обширное образованіе, захватывавшее всѣ отрасли знанія, а особливо военную исторію. Его богато одаренный умъ пріобрѣлъ къ этому времени такую изощренность и такую глубину, которыя давали ему возможность легко отличать существенное отъ второстепеннаго, точно соразмѣрять свои силы съ потребностью и цѣлью и быстро принимать рѣшенія въ соотвѣтствіи съ обстоятельствами. При этомъ благодаря превосходному знанію техники войны онъ никогда не испытывалъ затрудненія въ выборѣ средствъ осуществленія своихъ идей, и убѣжденіе въ правильности принятаго рѣшенія распространяло его увѣренность и на другихъ. Вступая въ свою важную должность, онъ уже сознавалъ поворотъ въ способахъ веденія войны, предстоявшій съ развитіемъ подготовки мирнаго времени и введеніемъ во всѣ дѣйствія могущественнаго наступательнаго начала. Онъ вполнѣ ясно сознавалъ необходи-

мость въ отлично подготовленныхъ военачальникахъ и тщательно продуманной военной организаціи.

Главнѣйшія обязанности, лежащія на начальникѣ прусскаго генеральнаго штаба, заключаются: 1) въ подготовкѣ офицеровъ генеральнаго штаба къ ихъ спеціальному призванію и къ занятію высшихъ строевыхъ командныхъ должностей; 2) въ изготовленіи предположеній для обороны страны въ тѣсномъ и широкомъ смыслѣ и для вѣроятныхъ военныхъ предпріятій въ соотвѣтствіи съ даннымъ политическимъ и военнымъ положеніемъ и 3) въ управленіи арміею въ полѣ.

Ниже мы окинемъ бѣглымъ взглядомъ результаты 31 года дѣятельности гр. Мольтке въ должности начальника генеральнаго штаба и степень соотвѣтствія этой дѣятельности упомянутымъ важнѣйшимъ изъ возложенныхъ на него заботъ.

Мѣропріятія по подготовкѣ личнаго состава въ значительной части были уже разсмотрѣны нами при предшествующемъ изложеніи задачъ службы генеральнаго штаба въ мирное время: военно-историческія работы, тактическія задачи, полевыя поѣздки, работы по подготовкѣ къ войнѣ и служба при войскахъ—исчерпываютъ собою главные виды практическихъ упражненій, которыми достигалось постоянное совершенствованіе ближайшихъ исполнителей идей и предначертаній гр. Мольтке.

Развитіе подготовительныхъ къ войнѣ работъ (такъ называемая германскими писателями подготовительная стратегія графа Мольтке), принимавшее все болѣе и болѣе значительные размѣры, естественно вызывало и увеличеніе личнаго состава большого генеральнаго штаба. Представленіе о первомъ такомъ усиленіи послѣдовало уже черезъ два года по назначеніи графа Мольтке начальникомъ генеральнаго штаба.

Что касается до подготовки высшаго командnаго состава, то въ этомъ отношеніи требованія графа Мольтке сводились главнымъ образомъ къ проявленію и укрѣпленію въ немъ не только самостоятельности, но и самодѣятельности, т. е. стремленія и способности къ стройному выполненію совокупныхъ предпріятій, руководствуясь при этомъ не уакими приказаніями, даваемыми на каждый день, а пониманіемъ общаго духа и предѣловъ основного стратегическаго предположенія.

Общее представленіе о дѣятельности графа Мольтке въ отношеніи разработки проектовъ военныхъ операцій и обороны страны уже было изложено нами при разсмотрѣніи вопроса о со-

временныхъ планахъ военныхъ дѣйствій. Здѣсь мы упомянемъ только о дѣятельномъ участіи его въ вопросахъ береговой обороны и устройствѣ желѣзнодорожной сѣти Пруссіи, а затѣмъ и Германіи. Въ апрѣлѣ 1859 года фонъ-Мольтке представилъ записку о значеніи военнаго флота для обороны государства. Послѣдствіемъ этой записки явилось назначеніе его предсѣдателемъ особой комиссіи, цѣлью занятій коей указано было «цѣлесообразное и соотвѣтствующее общимъ стратегическимъ воззрѣніямъ укрѣпленіе сѣверо-германскихъ и прусскихъ побережій». Съ тѣхъ поръ началось непрерывное участіе Мольтке въ этихъ вопросахъ, равно какъ и въ вопросахъ сухопутныхъ укрѣпленій, получившихъ особое развитіе послѣ окончанія войны 1870—1871 гг.

Едва ли нужно даже упоминать о томъ громадномъ значеніи, какое придавалось желѣзнымъ дорогамъ во всѣхъ соображеніяхъ Мольтке. Начиная съ 1857 года, онъ не переставалъ указывать въ рядѣ записокъ и вообще при всѣхъ случаяхъ, на пользу, при проектированіи желѣзнодорожныхъ линій, принимать во вниманіе не только потребности сообщенія и торговли, но и военную точку зрѣнія. Благодаря этимъ неустаннымъ стараніямъ, ему удалось обезпечить за генеральнымъ штабомъ вѣскій и часто даже рѣшающій голосъ во всѣхъ соотвѣтствующихъ вопросахъ. Относительно начертанія желѣзнодорожной сѣти, Мольтке настойчиво добивался устройства возможно большаго числа линій, продольно соединяющихъ западъ Германіи съ ея востокомъ для вояможнаго облегченія перебрасыванія войскъ съ одного фронта на противоположный.

Особливые его взгляды на этотъ вопросъ изложены были въ запискѣ 1875 года, послужившей началомъ современнаго развитія и устройства германскихъ стратегическихъ желѣзнодорожныхъ линій.

Въ настоящихъ нашихъ замѣткахъ мы оставили въ сторонѣ всѣ вопросы собственно оперативнаго искусства; посему намъ и здѣсь не представляется достаточнаго повода для особаго разсмотрѣнія той части дѣятельности графа Мольтке, которая непосредственно выражаетъ собою осуществленіе обязанностей его относительно управленія арміею въ полѣ.

Тѣмъ не менѣе, мы упомянемъ въ нѣсколькихъ словахъ о тѣхъ мѣропріятіяхъ и стремленіяхъ, которыя, дополняя содержательность уже отчасти очерченной нами области вопросовъ подготовки мирнаго времени, относятся болѣе прямымъ образомъ къ полевому управленію войскъ.

Въ соотвѣтствіи съ проводимымъ Мольтке началомъ самостоятельности и самодѣятельности командnаго состава и съ системою подготовки офицеровъ генеральнаго штаба, представилось возможнымъ, въ войнахъ 1866 и 1870—1871 гг., воспользоваться выгодами организаціи дѣйствующихъ силъ въ нѣсколько армій, совмѣстно оперирующихъ на одномъ театрѣ дѣйствій. При этомъ, то же начало упростило въ возможной степени и способъ управленія какъ совокупными, такъ и частными дѣйствіями этихъ армій. Соотвѣствующія распоряженія только въ исключительныхъ случаяхъ облекались въ форму положительнаго и опредѣленнаго приказа; въ большей же части случаевъ, содержаніе ихъ сводилось лишь къ указанію на цѣль дѣйствій и данныя обстановки съ предоставленіемъ самимъ исполнителямъ выбора соотвѣтствующихъ средствъ и дальнѣйшаго разъясненія обстановочной стороны.

Въ изложеніи этихъ приказаній (инструкцій или, какъ они называются германцами, директивъ) Мольтке обнаруживалъ особо выдающееся искусство. Онъ всегда умѣлъ выдѣлить существенную сторону дѣла въ нѣсколькихъ краткихъ и ясныхъ выраженіяхъ и избѣгнуть смѣшенія ея съ различными частностями и случайностями. Въ этомъ онъ руководился вниманіемъ къ общечеловѣческой слабости, по которой представляется гораздо легче дѣйствовать, не имѣя опредѣленнаго на то приказанія, нежели направлять свои дѣйствія на перекоръ смыслу полученнаго распоряженія.

Такой способъ управленія, при посредствѣ соотвѣтственно подготовленнаго генеральнаго штаба, распространившійся вообще во всей германской арміи, никогда не давалъ повода къ недоразумѣніямъ или ошибкамъ въ теченіе военныхъ дѣйствій.

Необходимо упомянуть попутно, что гр. Мольтке имѣлъ обыкновеніе всегда, когда было возможно, прибѣгать къ передачѣ своихъ распоряженій по телеграфу, по крайней мѣрѣ, въ видѣ предваренія, причемъ требовалась обратная передача телеграмы.

Важность, придаваемая Мольтке вопросамъ удобства полевого управленія, побуждала его освободить генеральный штабъ отъ той зависимости отъ военнаго министерства, въ которую онъ былъ поставленъ въ Пруссіи. Стремясь къ тому съ возможною послѣдовательностью, онъ достигъ своей цѣли въ теченіе войны 1866 г., когда приказомъ короля отъ 2-го іюня было опредѣлено, что «впредь всѣ распоряженія по оперативнымъ дѣйствіямъ арміи или отдѣльныхъ ея частей должны быть сообщаемыми къ исполненію командующими лицами черезъ начальника генеральнаго

штаба, причемъ военное министерство одновременно ставится въ извѣстность о послѣдовавшемъ».

Указаніе на неудобства, испытываемыя Мольтке при зависимости его отъ военнаго министерства и на необходимость полной безпрепятственности съ административной стороны для распоряженій начальника полевого штаба дѣйствующей арміи, встрѣчается въ одной изъ его записокъ. Тамъ говорится: «на военномъ министрѣ въ мирное время лежитъ управленіе арміею; въ военное время отъ него же исходитъ множество распоряженій, которыя касаются тыловыхъ средствъ и могутъ быть изданы только изъ центральнаго пункта управленія отечествомъ. Посему военный министръ не принадлежитъ къ составу главной квартиры и долженъ находиться въ Берлинѣ. На начальника же генеральнаго штаба, съ минуты объявленія мобилизаціи арміи, выпадаетъ полная отвѣтственность за выполненіе подготовленныхъ еще въ мирное время мѣропріятій для первоначальнаго сосредоточенія арміи и за дальнѣйшее направленіе послѣдней, причемъ начальникъ штаба испрашиваетъ утвержденія исключительно лишь у верховнаго главнокомандующаго».

Приведенныя нами характерныя черты дѣятельности графа Мольтке необходимо дополнить еще указаніемъ выдающихся личныхъ его свойствъ: скромности, молчаливости и самообладанія.

Не смотря на близость къ королю и выдающіяся достоинства, доставившія ему столь видную должность начальника генеральнаго штаба, скромность и постоянная сдержанность Мольтке не дозволили современникамъ его сразу же проникнуть въ тайники его необычайныхъ познаній и оцѣнить рѣдкія его военныя каче, ства. Война съ Даніею 1864 г., которую онъ подготовлялъ зависѣвшими отъ него средствами, велась безъ его ближайшаго участія и изъ его сообщеній извѣстно, что нѣкоторыя важныя рѣшенія принимались даже вопреки его совѣтамъ; извѣстія съ театра войны изъ прусской главной квартиры онъ черпалъ случайно, частною перепискою съ нѣкоторыми изъ ея дѣятелей и свою жажду новостей нерѣдко могъ утолять только чтеніемъ газетъ. Король, отправясь послѣ штурма Дюппельскихъ укрѣпленій на мѣсто дѣйствій, не взялъ съ собою начальника генеральнаго штаба, хотя именно тогда имѣлись въ виду важныя совѣщанія союзниковъ относительно продолженія операцій. Вскорѣ, однако, король счелъ умѣстнымъ вызвать къ себѣ Мольтке, назначивъ его начальникомъ штаба союзныхъ войскъ. Черезъ 10 часовъ по полученіи упомя-

нутаго вызова, Мольтке уже выѣхалъ на театръ войны, а прибывъ на мѣсто назначенія, немедленно же приступилъ къ работѣ по своей новой должности.

Въ войну 1866 года Мольтке уже сразу занялъ должность начальника штаба арміи. Тѣмъ не менѣе, нижеслѣдующій случай указываетъ наглядно, что имя его еще далеко не пользовалось такою извѣстностью, какую онъ пріобрѣлъ послѣ этой войны.

Въ день Кениггрецкаго сраженія, чтобы нѣсколько удалиться отъ впечатлѣнія безпокойства, овладѣвшаго прусскою главною квартирою подъ вліяніемъ долгаго ожиданія прибытія второй арміи и съ цѣлью полученія личныхъ свѣдѣній о ходѣ боя въ первой арміи, Мольтке въ 11 часовъ утра верхомъ отправился черезъ Садову по направленію къ австрійской позиціи. Вскорѣ же онъ убѣдился, что на успѣхъ съ фронта разсчитывать было нельзя и что тамъ слѣдовало беречь свои силы. Возвратясь около часу пополудни къ горѣ Роскошъ, онъ замѣтилъ, что стоявшая до того времени въ резервѣ пѣхота 3-го корпуса была уже передвинута впередъ черезъ Быстрицу съ цѣлью атаки впередилежащихъ высотъ, согласно приказанія принца Фридриха-Карла. Мольтке тотчасъ же отправилъ маіора Вартенслебена для пріостановки подготовлявшейся атаки. Когда маіоръ доложилъ только что собиравшемуся начать атаку начальнику 6-й дивизіи генералу Манштейну о томъ, что управленіемъ арміи не полагается умѣстнымъ вести тамъ наступленія, Манштейнъ сказалъ: «все это вѣрно, но кто такой Мольтке?»

Показателемъ скромности Мольтке можетъ служить также значительное число помѣщенныхъ имъ безъ подписи статей и очерковъ по военнымъ и инымъ вопросамъ въ различныхъ періодическихъ органахъ.

Самообладаніе и полное внѣшнее спокойствіе, никогда не покидавшія Мольтке, для непроницательнаго наблюдателя могли представиться даже равнодушіемъ и безучастіемъ. Весьма яркимъ примѣромъ проявленія этой черты служитъ разсказъ князя Бисмарка, относящійся ко дню Кениггрецкаго сраженія. Въ то время, когда уже въ теченіе нѣсколькихъ часовъ чувствовалось вліяніе численнаго превосходства австрійцевъ на нѣсколькихъ пунктахъ поля сраженія, среди лицъ, окружавшихъ короля, распространилось безпокойство и взоры главной квартиры ежеминутно устремлялись къ тѣмъ высотамъ, на коихъ ожидалось появленіе колоннъ второй арміи наслѣднаго принца. Одинъ лишь Мольтке оставался

спокойнымъ. Онъ сохранялъ полную увѣренность въ благопріятномъ исходѣ, допуская, что при позднемъ выступленіи второй арміи, дальности и скверномъ состояніи путей, легко могло произойти опозданіе ея прибытія. Въ это время Бисмаркъ предложилъ Мольтке свой портъ-сигаръ, въ которомъ находилось всего лишь двѣ сигары. Мольтке, принявъ предложеніе, весьма заботливо старался выбрать лучшую изъ двухъ сигаръ. Бисмаркъ добавляетъ, что это обстоятельство доставило ему увѣренность въ томъ, что обстановка происходившаго сраженія вовсе не была настолько неблагопріятна, какъ то полагали нѣкоторые изъ мрачно настроенныхъ приближенныхъ короля.

Къ этому же времени относится и разсказъ о томъ, что на обращенный къ нему вопросъ короля относительно хода сраженія, Мольтке отвѣтилъ: «ваше величество выиграете сегодня не только сраженіе, но и исходъ всей войны».

Сличая приведенныя выше черты, характеризующія дѣятельность князя Бертье и графа Мольтке, мы найдемъ въ нихъ и нѣкоторыя общія.

Какъ тотъ, такъ и другой, отличались необычайною рабочею способностью, плодотворностью, предусмотрительностью, заботливостью, преданностью долгу, выдающимся пониманіемъ мѣстности и блистательными талантами въ области техники службы генеральнаго штаба.

Оба они, примѣненіемъ къ дѣлу совокупности этихъ своихъ способностей, явили высокіе образцы, заслуживающіе внимательнаго изученія, и оба возвысились ими на уровень первостепенныхъ дѣятелей своихъ государствъ.

Дальнѣйшія черты являютъ уже различіе и притомъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ весьма существенное.

Бертье, со всѣми своими способностями и талантами, представляетъ собою явленіе почти единичное для своего времени и при своей обстановкѣ. По поводу возложенныхъ на него Наполеономъ работъ въ штабѣ арміи въ 1806 году, Бертье писалъ ему: «Я тутъ одинъ», а генералъ Жомини ставитъ въ упрекъ Бертье то, что онъ не могъ или не желалъ составить себѣ штабъ изъ сотрудниковъ, пригодныхъ для требуемаго дѣла.

Въ способностяхъ и талантахъ Бертье современники безъ труда усматривали однако весьма опредѣленный предѣлъ, за ко-

торымъ примѣненіе его труда становилось уже не только безполезнымъ, но даже вреднымъ. Предѣлъ этотъ опредѣлялся областью оперативнаго искусства, въ которой онъ самъ чувствовалъ себя вполнѣ безпомощнымъ. Обнаруживаемая имъ тутъ каждый разъ нерѣшительность несомнѣнно обусловливалась въ значительной степени сознаніемъ своей неподготовленности и отсутствіемъ положительныхъ знаній. Въ этомъ отношеніи Бертье отнюдь не составлялъ исключенія. Въ подтвержденіе достаточно напомнить извѣстное выраженіе Наполеона: «мое присутствіе было необходимо вездѣ, гдѣ я хотѣлъ одержать побѣду. Въ этомъ состояла моя ахилесова пята. Ни одинъ изъ моихъ генераловъ не былъ способенъ къ самостоятельному командованію».

Ту же слабую сторону Бертье подчеркнулъ и Наполеонъ тогда, когда въ концѣ похода 1812 г. сказалъ ему на прощанье: «вы ни на что не пригодны». Несчастье подъ Ватерлоо возстановило однако въ глазахъ Наполеона техническія и односторонніе, но безспорно выдававшіяся, достоинства Бертье.

Лишенный того умственнаго кругозора и той нравственной опоры, которые доставляются правильною теоретическою подготовкою, усвоеніемъ общихъ началъ принциповъ искусства, Бертье можетъ быть уподобленъ кустарю, искусному лишь въ примѣненіи усвоенныхъ шаблонныхъ пріемовъ.

Притомъ же шаблоны штабной службы и военнаго искусства, современные дѣятельности Бертье, едва лишь начали освобождаться отъ традицій и пріемовъ линейной тактики восемнадцатаго вѣка. Поэтому Наполеону, создававшему своею дѣятельностью неизвѣстныя дотолѣ начала массовой стратегіи и прерывчатой тактики, по необходимости приходилось быть вездѣсущимъ и принимать личное участіе не только въ распоряженіяхъ, но нерѣдко и въ тѣхъ или иныхъ подробностяхъ выполненія.

Эта крайне трудная задача была однако болѣе или менѣе выполнима въ обстановкѣ военнаго искусства начала прошлаго вѣка: численность большихъ армій достигала трети, половины современной (великая армія 1812 г. — 600,000 чел.); время сосредоточенія армій измѣрялось мѣсяцами, такъ какъ единственными движущими силами являлись люди и лошади; подготовительное значеніе огнестрѣльнаго оружія было весьма ограничено, а зависящіе отъ этой данной относительно небольшіе предѣлы поля сраженія допускали возможность обозрѣнія и рѣшительнаго вліянія на исходъ дѣла одного человѣка, хотя бы только геніальнаго.

Къ исходу же прошлаго вѣка данныя эти значительно измѣнились: развитіе желѣзныхъ дорогъ дозволило на много ускорить мобилизацію, сосредоточеніе и развертываніе армій, увеличивъ вмѣстѣ съ тѣмъ ея численность и протяженіе, на которое она могла быть выдвинута впередъ отъ прикрываемыхъ ею жизненныхъ центровъ государства; усовершенствованное огнестрѣльное оружіе, совмѣстно съ усиленіемъ численности армій, раздвинуло предѣлы полей большихъ сраженій далеко за предѣлы непосредственнаго воздѣйствія одного человѣка; ошибки въ веденіи войскъ на театрѣ дѣйствій и на полѣ сраженія стали оплачиваться потерями, несравненно болѣе тяжелыми и причиняемыми въ несравненно болѣе короткое время; общая цѣнность времени на войнѣ сильно возрасла; электричество оказалось крайне необходимымъ для поддержанія взаимной связи и для обезпеченія единовременности дѣйствія отдѣльныхъ частей огромныхъ армій; наконецъ и содѣйствіе возможно болѣе совершенной организаціи стало очевидно вполнѣ необходимо для успѣшнаго сведенія къ опредѣленному времени и на предполагаемое поле рѣшающей битвы всѣхъ отдѣльныхъ элементовъ борьбы за существованіе государства, распредѣленныхъ въ мирное время по всей его территоріи.

Въ практической дѣятельности гр. Мольтке по должности начальника генеральнаго штаба мы усматриваемъ достаточно полное соотвѣтствіе этимъ началамъ: первымъ вступивъ на путь современныхъ широкихъ и глубокихъ подготовительныхъ предпріятій мирнаго времени и включивъ въ такъ называемую подготовительную стратегію всѣ существенные матеріальные элементы военнаго успѣха, гр. Мольтке удѣлялъ много вниманія и времени на обезпеченіе возможнаго совершенства командnаго личнаго состава и неизбѣжнаго его спутника, генеральнаго штаба.

И дѣйствительно, самодѣятельность командnаго состава представляетъ собою одинъ изъ существеннѣйшихъ залоговъ непрерывности военной дѣятельности вооруженныхъ силъ, столь необходимой для возможнаго сокращенія непомѣрной для экономическихъ силъ государства продолжительности напряженія военнаго времени. Командный составъ и штабы болѣе, нежели другія части вооруженныхъ силъ, должны быть непрерывно готовы къ тяжелымъ и отвѣтственнымъ обязанностямъ, выпадающимъ на нихъ съ первыхъ же дней по объявленіи войны, а посему и подготовительныя мирныя упражненія командnаго состава и штабовъ

должны возможно ближе совпадать со соотвѣтствующими военными задачами.

Могущественнымъ содѣйствіемъ успѣху примѣненія идей гр. Мольтке служили его личныя способности, богатый запасъ военно-историческихъ свѣдѣній, хорошее пониманіе началъ современнаго оперативнаго искусства, необычайная способность проникать въ военное значеніе всѣхъ явленій и элементовъ обыденной жизни, опытность и привычка къ спокойному и глубокому мышленію.

Въ своихъ многочисленныхъ литературныхъ трудахъ также, какъ и въ результатахъ практической дѣятельности, гр. Мольтке оставилъ богатый источникъ основаній для дальнѣйшей разработки и усовершенствованія усвоенныхъ имъ началъ и ихъ примѣненія.

Въ дѣлѣ военной подготовки гр. Мольтке съ большою послѣдовательностью и настойчивостью проводилъ примѣненіе всѣхъ новыхъ техническихъ и матеріальныхъ средствъ, изыскивая, однако, въ то же время то напряженіе или усовершенствованіе, какое необходимо было со стороны командныхъ и штабныхъ органовъ для хорошаго использованія новыхъ пособій науки и искусства.

Этотъ послѣдній завѣтъ дѣятельности гр. Мольтке никогда не потеряетъ своего жизненнаго значенія.

Уже въ относительно недалекомъ будущемъ, ускореніе желѣзнодорожныхъ перевозокъ при замѣнѣ паровой тяги электрическою, дальнѣйшее усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія и средствъ электрической передачи мысли, а равно и изобрѣтеніе и распространеніе свободнаго воздухоплаванія несомнѣнно дадутъ неоднократные поводы вспомнить и оцѣнить значеніе указаннаго завѣта гр. Мольтке.

Б.